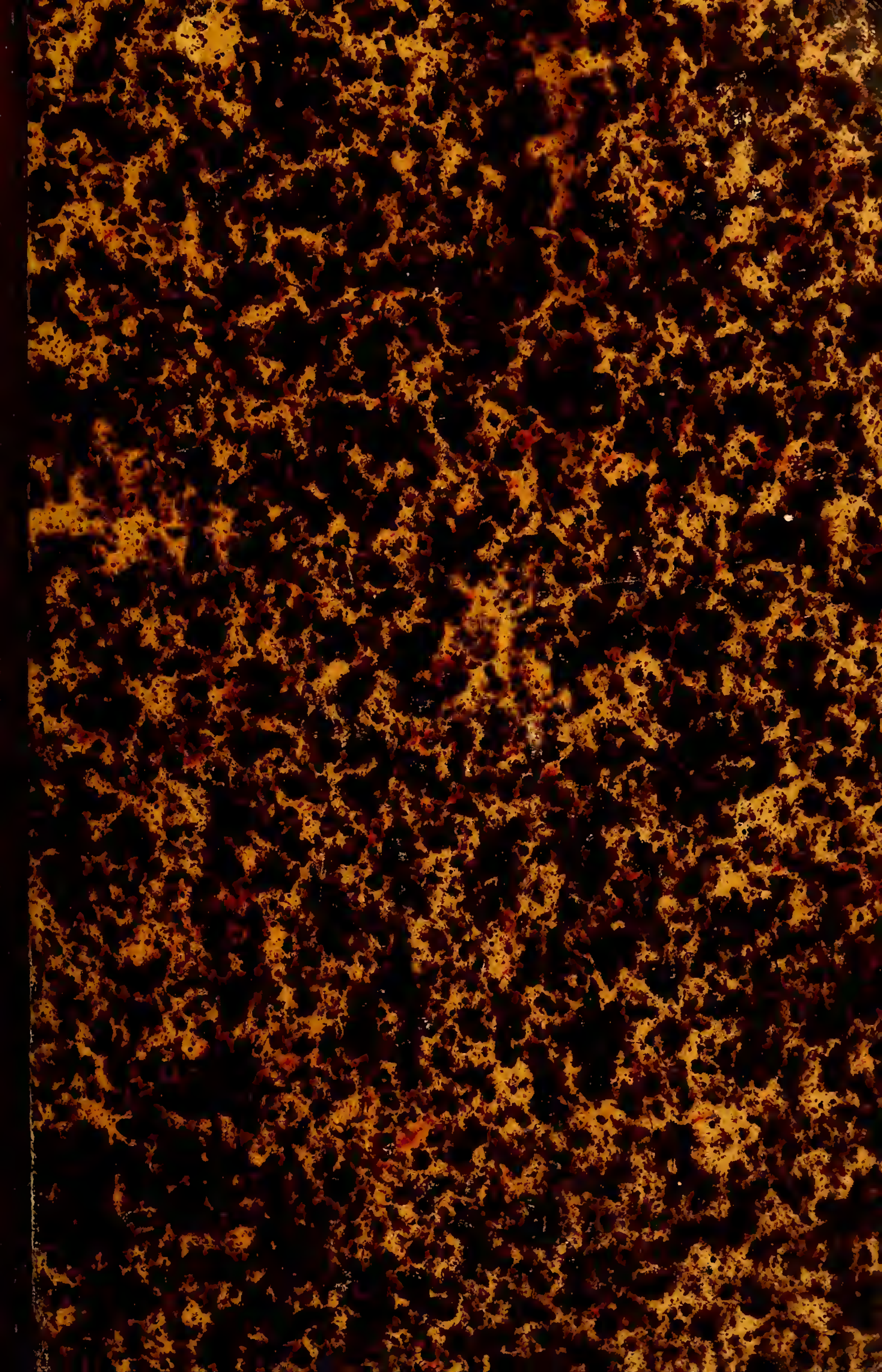

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

ЗАПИСКИ

МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

сочиненіе

Е. Э. ДРІЯНСКАГО.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО СЛОВА».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6 мая 1859 года.

Цензоръ *С. Палаузовъ.*

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО [1]).

I.

Отъѣздъ. — Проказы лѣшаго. — Удачное salto mortale. — Картина ночлега охотниковъ. — Бацовъ и Петрунчикъ. — Мелкотравчатые. — Котловина. — Гоньба. — Волкъ и Чаусъ. — Клинское. — Обѣдъ. — Савелій и Красотка.

«Съ волками жить — по волчьи выть», говоритъ пословица. Всѣ пословицы я уважаю за тотъ широкій смыслъ, который лежитъ въ ихъ основаніи, а значеніе послѣдней какъ нельзя лучше оправдалось на мнѣ самомъ.

Жилъ я долго въ такомъ благодатномъ мѣстѣ, куда, съ каждой весной, прилетало множество дичи, въ просторныхъ поляхъ водилось пропасть зайцевъ, а въ болотахъ и заводяхъ выплаживался выводками красный звѣрь. Всѣ сосѣди мои, за рѣдкимъ исключеніемъ, были страстные охотники: глядя на нихъ и я завелъ своры двѣ борзыхъ и, мало-по-малу, научился выть по волчьи, слѣдить заячью тропу по порошѣ и съ первой смѣтки отличать въ жирàхъ слѣдъ на логово, добыть лису по нарыску и проч., и проч. Однимъ словомъ, въ короткое время, я, какъ говорится въ комедіи, «дошелъ до степени извѣстныхъ» или же, какъ выражались старые сутяги, сталъ «въ родѣ своемъ не послѣдній».

Какъ все это сдѣлалось и какими судьбами я превратился изъ простаго смертнаго въ образъ мелкотравчатаго, разъяснить

---

1) *Мелкотравчатыми,* на охотничьемъ языкѣ, называются тѣ охотники, которые держатъ не болѣе десятка собакъ и охотятся съ ними безъ гончихъ — на хлопки.

того не умѣю. Разсуждая о томъ иногда самъ съ собой, я припоминаю тѣ впечатлѣнія, которыя сопровождали меня въ началѣ моего поприща, и, чтобъ не забыть ихъ совсѣмъ, записываю въ томъ видѣ, какъ представляетъ ихъ еще не измѣнившая мнѣ память.

Однажды, сидя въ просторной залѣ за обѣденнымъ столомъ у графа Атукаева, въ кругу двадцати человѣкъ общихъ сосѣдей—псовыхъ охотниковъ, я, какъ страстный ружейникъ, заспорилъ горячо о преимуществахъ ружейника передъ борзятникомъ. Двадцать голосовъ самой жаркой оппозиціи не въ силахъ были поколебать моихъ въ томъ убѣжденій. Споръ, доходившій подъчасъ до неистовыхъ возгласовъ и стукотни кулакомъ по столу, кончился далеко за полночь, уже во время ужина; кончили тѣмъ, что я далъ слово хозяину отправиться съ нимъ на всю осень въ отъѣзжее и присутствовать тамъ въ качествѣ наблюдателя.

Срокъ для съѣзда въ условленномъ мѣстѣ былъ не за горами, а потому, дождавшись назначеннаго дня и уложивъ свой дорожный скарбъ въ телѣжку, я тронулся въ путь.

До мѣста перваго ночлега нашего, подъ открытымъ небомъ, слѣдовало проѣхать верстъ тридцать. Времени въ запасѣ у меня было много, а потому, не рискуя опоздать, я завернулъ по пути къ одному изъ помѣщиковъ, на чашку чаю, и вмѣсто того, чтобъ пробыть у него, какъ намѣревался, не больше часа, волею-неволею, я долженъ былъ *разъиграть пульку* и досидѣлъ до десяти часовъ вечера. Взглянувши на часы, я заторопился и, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, рѣшился ѣхать. Мы распрощались.

Два человѣка, держа каждый по свѣчкѣ въ рукѣ, открывали мнѣ путь по крутой и высокой лѣстницѣ; добравшись кое-какъ до послѣдней ступеньки, я невольно ахнулъ: отворенная настежь дверь нарисовала моему, вдругъ притупѣвшему, зрѣнію картину самаго темнаго, мокраго и холоднаго погреба; на вершокъ отъ носа, кромѣ мрака, пахнувшаго мнѣ въ лицо чѣмъ-то непривѣтливымъ, ничего не было видно; одну свѣчу задуло тотчасъ; наконецъ, посредствомъ другой, выставленной на показъ вѣтру, въ вытаращенныхъ глазахъ моихъ мелькнуло на мгновеніе полъобода передняго колеса и половина хвоста лѣвой пристяжной; все остальное пожиралъ мракъ.

— Игнатка, ты тутъ?—спросилъ я, двинувшись шагъ впередъ и махая руками по воздуху.

— Здѣсь!—отвѣчалъ Игнатка, и по звуку этого длиннаго и

сухаго «здѣсь», я тотчасъ смекнулъ, что лицо Игнатки было — живая копія съ темноты и погоды.

— Какъ-же? Десять верстъ не близко. Какъ мы доѣдемъ?

— Авось.... выѣдимъ.... авглядимся....

Я отыскалъ ощупью кузовъ телѣжки; большая капля дождя упала мнѣ на носъ; пристяжная встрепенулась и загремѣла бляхами; свѣчка погасла. Я сѣлъ.

Выѣхавъ со двора, нужно было повернуть тотчасъ направо и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному съ одной стороны садовымъ тыномъ, а съ другой отвѣсною водомоиной, которая, расширяясь постепенно, спускалась вмѣстѣ съ этимъ узкимъ проѣздомъ къ плотинѣ, пересѣкавшей большой прудъ. Эта дорога и днемъ, какъ то извѣстно и памятно было всѣмъ и каждому, считалась не изъ лучшихъ. Дѣло въ началѣ пошло у насъ очень степенно, хотя по частому трясенію головы кореннаго битюка я не хотя уразумѣлъ, что онъ видимо терялъ охоту къ солидному отправленію своей должности. Наконецъ онъ заблагоразсудилъ пуститься рысцой: схватясь обѣими руками за грядки телѣжки, я не успѣлъ еще порядочно одуматься, какъ одна изъ пристяжныхъ вдругъ скрылась изъ глазъ; раздалось громогласное тпрру! пара остановилась; Игнатка, кряхтя, охая и причитывая что-то, полѣзъ съ козелъ. По повѣркѣ оказалось, что она попала въ яму, изъ которой мужики роютъ глину. Употребя около получаса на устройство оборваннаго валька и упряжи, мы, наконецъ, благополучно очутились на другомъ концѣ плотины.

— Не вернуться-ли, Игнатка? Судя по началу, намъ не скоро добраться до мѣста!

— Авось, теперь какъ нибудь.... штоиъ имъ тутъ, окаянные.... дуй васъ горой!... середь ѣзду глину роютъ.... и баринъ-то у нихъ, согрѣшилъ грѣшный.... Право-ну. Эхъ-ма.... доѣхать-бы...

Все это причитываніе сопровождалось приличнымъ количествомъ эховъ, вздоховъ и покрякиваній, пока Игнатка усаживался и подбиралъ возжи; наконецъ послышалось одно изъ невыразимыхъ междуметій, и послѣдующее за тѣмъ: «Э-з-Бо-гомъ», и лошади побѣжали рысью.

Прыть эта, однакоже, продолжалась не долго; по судорожному встряхиванью и несколько неусладительной качкѣ экипажа, неминуемо слѣдовало прилѣпиться къ довольно основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дорогѣ; послѣ изряд-

наго толчка слѣдовало неизбѣжное тпрррру! и немедленное отправленіе Игнатки для отысканія болѣе эластическаго пути.

Оставшись одинъ, я отъ бездѣлья началъ приспособлять свое тупое зрѣніе къ сказанному Игнаткой «аглядимся». Успѣхъ былъ такъ великъ, что я увидѣлъ дугу; лошади стушовывались съ грунтомъ. Минутъ двадцать прошло въ частыхъ перекличкахъ; изъ причитываній, какими онѣ сопровождались, я вывелъ заключеніе, что мы «безъ сумленія» обойдены лѣшимъ.

На горизонтѣ мгновенно блеснула и погасла искорка огня, и заронила въ мою голову частицу свѣтлаго соображенія: если этотъ блескъ изъ кабинета, думалъ я, то нашъ путь лежитъ налѣво; если-же изъ передней, то слѣдуетъ круто повернуть назадъ.

— Баринъ, а баринъ! Мы не туда ѣдемъ, сказалъ Игнатка, подойдя ко мнѣ на голосъ.

— Вѣрю, мой милый. И даже вѣрю, что мы теперь вовсе никуда не ѣдемъ, а преспокойно стоимъ на мѣстѣ.

— Какъ-же быть-то?

На этотъ разъ глаголъ *быть* терялъ свою вспомогательную силу.

— Надо найти дорогу и ѣхать по ней, — отвѣчалъ я, послѣ короткаго раздумья.

— Вонъ тамъ, влѣвѣ, дорога есть, да видно не наша.

— Коли есть, такъ она и наша.

Вздыхая и причитывая, Игнатка велъ коренную подъ уздцы; саженей двѣсти продолжалась качка, наконецъ колеса покатились плавно; стало замѣтно, что мы перемѣнили направленіе: мелкій, сыпучій дождикъ увлажнивалъ мой правый бокъ. Съ помощью «аглядимсь», я предался наслажденію созерцать Игнатку въ безпрерывномъ поклоненіи дорогѣ, то направо, то налѣво часа два времени протекло незамѣтно; лошади нѣсколько разъ порывались бѣжать рысью, но междуметія Игнатки и вожжи мѣшали ихъ усердію; наконецъ раздалось новое тпрррру! и коренная уперлась въ межевой столбъ. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что мы стоимъ на распутьи трехъ дорогъ. Не желая получить вмѣсто одного, три вопроса вдругъ, я обратился первый къ Игнаткѣ.

— Какъ думаешь, гдѣ мы?

— И дѣ это мы? Атцы мои.... Ахъ, дуй-тѣ горой.... Куда-жъ теперь? было — отвѣтомъ.

Вскорѣ Игнатка снова затянулъ «э-з-Бо-гомъ» и лошади пустились трусцой по неизвѣстному всѣмъ намъ пути.

Дождикъ началъ переставать: я накрылъ голову мокрымъ воротникомъ шинели, рѣшась ни о чемъ не думать, но часъ времени прошелъ по пустому. Стало скучно.

— Игнатка, спой что-нибудь; ты-таки мастеръ.

— Эхъ, сударь, грѣхъ-отъ какой! И гдѣ водится, чтобъ въ ефтакіе разы, кто сталъ пѣсни пѣть. Ну, не равенъ случай, какъ съ дядей Никифоромъ.... Ну, какъ не приведи.... да вотъ.... съ нами крестная сила.... Игнатка поспѣшно началъ креститься.

Впереди насъ, казалось не вдалекѣ, вдругъ заблистало нѣсколько отдѣльныхъ огоньковъ; всѣ они какъ-будто были въ движеніи; нѣкоторые изъ нихъ свѣтились очень ярко и отбрасывали искры, другіе были слабѣе, но передъ ними двигались какія-то неявственныя фигуры и тѣни. Полагая, что это перестановка происходила отъ движенія нашего экипажа, я велѣлъ остановиться, но сумятица все-таки продолжалась: всего-же страннѣе было видѣть то, какъ одинъ изъ этихъ огоньковъ вдругъ исчезалъ, и на мѣстѣ его появлялся другой, гораздо ярче и пламеннѣе, и вслѣдъ за тѣмъ снова начиналось передвиженіе.

— Э-ва! расплясались! Чтожъ, сударь, куда теперь ѣхать прикажете?

— Ступай прямо на освѣщеніе.

Вмѣсто должнаго исполненія, Игнатка обернулся и смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Говорятъ тебѣ, ступай.

— Баринъ, а баринъ! Неужто вы занапрасно хотите душу губить!

— Дуракъ, гдѣ есть огонь, тамъ навѣрное если не тепло, то сухо. Пошелъ прямо!

Вздохнувъ глубоко, Игнатка повиновался. Не смотря на близость освѣщенія, мы ѣхали, очень долго, то спускаясь въ лощины, то поднимаясь на бугры; по мѣрѣ приближенія нашего къ этому освѣщенію, оно слабѣло и погасало; не желая потерять изъ вида и послѣдняго изъ этихъ свѣточей, я велѣлъ свернуть съ дороги и ѣхать прямо; послѣ мучительнаго переѣзда по пашнѣ, мы выбрались на луговину и очутились у опушки лѣса. Пропутавъ довольно долго между порубей и кочекъ, мы снова попали на дорогу, которая повела насъ вдоль опушки. Разсчитывая по мѣсту и времени, я былъ вполнѣ увѣренъ, что

мы находились вблизи видѣннаго нами огня: въ воздухѣ былъ слышенъ запахъ дыма и копоти, и сквозь густую кущу деревъ блеснула синеватая искорка угасавшаго огня; но въ ту минуту, какъ я намѣревался остановиться для освидѣтельствованія этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. Въ одно мгновеніе послышался звонъ желѣза, шумъ, трескъ, лай и ревъ огромной стаи псовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта одрава [1]) казалось, со всею кущею березъ, дубовъ и осинъ, рушилась прямо на насъ: болѣе я ничего не взвидѣлъ, потому что въ это время раздался неистовый крикъ Игнатки и лошади во всю прыть помчали насъ снова на кочковатый лугъ. Уцѣпившись крѣпко за телѣжку, я несся какъ стрѣла; кувыркаясь со стороны на сторону, бросивъ возжи и закрывъ лицо руками, Игнатка при каждомъ толчкѣ, прыгалъ передо мною, какъ эластическій мячъ; раздался одинъ изъ самыхъ сокрушительныхъ ударовъ о пень, телѣжка крякнула, Игнатка прыгнулъ выше обыкновеннаго, и, въ тоже мгновеніе, вмѣсто его заплясала передо мною дуга; склонившись на бокъ, я промчался еще нѣсколько саженей впередъ; наконецъ послѣдовалъ отчаянный скачокъ внизъ, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, блеснуло, я щелкнулъ зубами и очутился верхомъ на пристяжной. «Аглядѣмшись», я увидѣлъ вверху надъ собой цѣлую стаю собакъ: всѣ онѣ, казалось, не рѣшались приблизиться ко мнѣ по причинѣ крутаго спуска; вскорѣ послышалось хлопанье арапниковъ и какія-то сиповатыя голоса кричали: «атрышъ! къ нему! въ стаю!» Вслѣдъ за тѣмъ, между собаками появились двѣ длинноватыя тѣни, въ родѣ человѣческихъ.

По пересылкѣ изряднаго количества вопросныхъ пунктовъ, сверху внизъ и снизу верхъ, двѣ тѣни тотчасъ превратились въ Сергѣя и Ваську, двухъ смиренныхъ выжлятниковъ [2]) графа Атукаева.

Вскорѣ я вышелъ на сушу и съ помощью выжлятниковъ и прибывшихъ на голосъ ихъ двухъ псарей, прежде всего пустился въ розыски. Всѣ оклики и призывы наши оставались безъ отвѣта. Вскорѣ, однакоже, мы увидѣли среди луга четырехъ гончихъ, которые что-то обнюхивали. Мы пошли туда: помѣстясь между двухъ мягкихъ кочекъ, Игнатка лежалъ вверхъ носомъ и смотрѣлъ изступленными глазами. Только мой голосъ

1) Толпа, скопище.

2) Помощники ловчаго.

способенъ былъ вызвать его изъ этой нѣмой созерцательности. Сложа всѣ доказательства во-едино, мы наконецъ привели его въ чувство, но убѣжденіе въ томъ, что мы были обойдены лѣшимъ, онъ далъ себѣ клятвенное обѣщаніе сохранить — *по конецъ гроба жизни* и отправился вытаскивать лошадей изъ тины.

Между тѣмъ, огни запылали снова; я подошелъ къ одному изъ костровъ и вынулъ изъ кармана часы; стрѣлка показывала три. Послѣ часовъ, глазамъ моимъ предстали три огромныя фуры, такой емкости и величины, что каждая изъ нихъ способна была поглотить самую многочисленную семью правовѣрнаго Кутуфты.

Одна изъ этихъ громадъ была на рессорахъ, длиннѣе прочихъ, и по множеству круглыхъ окошекъ, прорѣзанныхъ въ обоихъ бокахъ кузова, являла изъ себя собачью колесницу. Кромѣ этихъ великановъ экипажной породы, подъ сѣнью ихъ стояли дрожки и другіе крытые экипажи и, сверхъ, того, смиренныя русскія телѣги, вокругъ которыхъ, пятками и десятками, стояло около шестидесяти лошадей.

Обрамленная съ обѣихъ сторонъ двумя отрогами лѣса, площадка вдавалась мысомъ въ непроницаемую кущу ельника, подъ сѣнью котораго бѣлѣли двѣ палатки, а подлѣ нихъ нѣсколько шалашей, наскоро устроенныхъ изъ вѣтвей, соломы, попонъ и войлоковъ.

Одно изъ пепелищъ было обставлено треножниками, кастрюлями, котликами, ящиками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ было постлано множество соломы, на которой покоились борзыя, или туго свернувшись кренделькомъ, или на всемъ боку, нѣжно потягиваясь и выпрямляя усталыя ноги.

Я раскурилъ сигару и занялся разсматриваніемъ подробностей этой картины. Псари и конюхи пробуждались поочередно и, выползая, то изъ среды борзыхъ, то изъ чащи, немедленно приступали къ исполненію должностей; лошади начали потихоньку ржать и постукивать копытами, храбро поглядывая на приступившихъ съ торбами къ одной изъ фуръ, для насыпки овса; то вдругъ которая-нибудь изъ собакъ вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, зѣвала, вытягивала шею, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ на мѣстѣ, ложилась снова и свертывалась въ клубокъ: эта перекладка на другой бокъ сопровождалась неизбѣжнымъ рычаньемъ одной или обѣихъ сосѣ-

докъ; иныя изъ нихъ были такъ неуживчивы, что вскакивали сами, съ явнымъ намѣреніемъ къ дракѣ: затѣвалось общее ворчанье; въ такомъ случаѣ немедленно присоединялся къ нимъ голосъ котораго-нибудь изъ псарей: «но-о! а-си-на! въ свал-ку», и спокойствіе водворялось. Но вотъ, въ палаткѣ раздалось одно изъ многознаменательныхъ покрякиваній, за нимъ протянулось мягкое, эластическое «эй!» и два псаря побѣжали къ крайнему шалашу: «Артамонъ Никитичъ! Артамонъ Никитичъ! графъ проснулся.» Въ отвѣтъ на это раздалось громкое и быстрое «сейчасъ» — и высокій, стройный малый выскочилъ изъ шалаша въ одномъ жилетѣ. Онъ тотчасъ напялилъ на себя темный казакинъ и, не мѣшкая, отправился къ ящикамъ: вынулъ серебряный судокъ съ пустымъ стаканомъ, подъ лѣвую мышку захватилъ графинъ съ водой, а въ правую руку взялъ бутылку съ фонаремъ.

На встрѣчу къ нему изъ палатки вышла красивая борзая собака, потянулась сначала назадъ, потомъ напередъ, потомъ уперлась на всѣ четыре лапы, мощно встряхнулась, загремѣла ошейникомъ и замахала хвостомъ, привѣтствуя Артамона Никитича.

Отправясь вслѣдъ за графиномъ и бутылкой, я услышалъ въ началѣ явственные признаки полосканія графскаго рта, потомъ полосканіе стакана и всплескъ воды на траву, потомъ, когда въ слѣдъ за этимъ всплескомъ стаканъ снова началъ наполняться жидкостью, уже не изъ графина, а изъ бутылки, я успѣлъ раза два погладить мягкіе и красивые завитки сѣраго Чауса.

— Кажется, ночью былъ дождикъ?—спросилъ Атукаевъ своего камердинера послѣ трехъ звучныхъ глотковъ.

Я тотчасъ смекнулъ, что человѣкъ, имѣвшій удовольствіе размачивать себя въ продолженіе пяти часовъ, имѣетъ полное право доносить о дождяхъ, слякотяхъ и прочихъ выскочкахъ природы, а потому, не желая вводить въ грѣхъ полусоннаго камердинера, входя въ палатку, сказалъ:

— Былъ и очень порядочный.

Въ отвѣтъ на это донесеніе меня встрѣтили неизбѣжныя:— ба, ба, ба! и слѣдующія за тѣмъ привѣтствія, что я свалился съ неба.

— Просто-на-просто, твои выжлядники вытащили меня изъ какой-то трясины, сказалъ я, усаживаясь на графскую постель, состоявшую изъ полукопны сѣна, застланной ковромъ.

Послѣ этого пошло въ ходъ подробное описаніе моего путешествія, въ замѣнъ котораго, по примѣру всѣхъ романистовъ, слѣдовало бы заняться описаніемъ графской особы, но мы, надѣюсь, успѣемъ ознакомиться съ нимъ и безъ этихъ предисловій.

— И прекрасно,—сказалъ Атукаевъ, выслушавъ до конца мое повѣствованіе: — это тебѣ въ наказаніе за прежніе отказы потѣшиться вмѣстѣ съ нами. Ну, теперь какъ-же ты хочешь поступить на счетъ дальнѣйшаго странствованія?

— Это будетъ зависѣть отъ тѣхъ удобствъ, какія представитъ мнѣ мой экипажъ, при появленіи своемъ изъ болота.

— А по-моему, такъ эту статью придется повести иначе.

— Какъ же?

— А вотъ какъ это мы устроимъ. Во-первыхъ, ты, какъ приблудная овца, волею-неволею прилѣпляешься къ нашему стаду, и я, какъ пастырь, беру тебя подъ свою опеку. Второе и главное есть то, что у меня вчера здѣсь былъ переходъ (дневка), и вечеромъ подвыли пять голосовъ въ котловинѣ, да два отозвались въ Асоргинскихъ; по-этому мы нынче обѣдаемъ въ Клинскомъ, а вечернее поле беремъ въ Глѣбковѣ: оттуда, какъ тебѣ извѣстно, останется до дома всего-то восемь верстъ: слѣдовательно, Игнатка твой откормитъ здѣсь лошадей и увезетъ на парѣ изломанную телѣжку домой; третья уйдетъ, вмѣстѣ съ кухней и моими заводными, въ Клинское, а завтра возница твой, съ новой таратайкой, явится къ намъ въ Глѣбково. Гутъ?

— Да еще какой гутъ! просто, на славу.

— Ну, и чудесно. Значитъ, ты теперь въ моемъ распоряженіи?

— Въ полномъ. Однимъ словомъ, я одна изъ самыхъ послушныхъ овецъ твоихъ, и попечительство начнется тѣмъ, что ты велишь тотчасъ подать мнѣ стаканъ самаго горячаго чаю, потому-что я продрогъ до костей.

— Ну, и прекрасно. Эй! Чаю!

Въ это время я отвернулся къ стоявшему въ углу фонарику, чтобъ раскурить сигару и вдругъ почувствовалъ, какъ двѣ ладони закрыли мнѣ глаза, и звонкій теноръ произнесъ надъ ухомъ:

— Узналъ?

— Узналъ,—отвѣчалъ я на-угадъ, желая скорѣй освободиться; но этимъ не кончилось: я долженъ былъ выдержать полный курсъ обниманій, прижиманій и лобзаній, и только по окончаніи этой давки могъ явственно отличить высокую фигуру Луки Лукича Бацова отъ дубленаго полушубка, облекавшаго оную.

— Каковъ! прискакалъ! слышалъ, братецъ, слышалъ все, какъ ты тамъ въ болотѣ.... ну, да это пустяки. Вообрази, мы почти годъ, какъ не видались; ну, да это пустяки. А вотъ что: вчера подвыли семерыхъ; а главное, вообрази, Карай-то мой, Карай! третьяго-дня — лису матерую, то-есть, можешь ты себѣ представить, съ первой угонки, какъ вложился — джи!...

Лука Лукичъ не окончилъ еще начатаго рукою жеста, выражавшаго, по его мнѣнію, ловкость и удальство Карая, какъ изъ сосѣдней палатки послышался знакомый мнѣ голосъ г. Стерлядкина.

— Вретъ, все вретъ! Не вѣрьте ему....

— Такъ и поволокъ, — продолжалъ Бацовъ. — Ну, что онъ тамъ оретъ съ просонковъ, эта щучья пасть: не вѣрь, братецъ, онъ что ни скажетъ — все пустяки. Здравствуй, графъ. А гдѣ-жъ Хлюстиковъ?

— Эй! Подать сюда Петрунчика, — сказалъ графъ людямъ. — Да онъ вчера такъ нахлестался, что, я думаю, и теперь еще не пришелъ въ память.

— Ничего, — кричалъ Стерлядкинъ изъ своей палатки. — Это ему не въ первый разъ, да и не въ послѣдній. Здравствуй, графъ, каково спалось подъ дождикомъ?

— Хорошо. А у васъ вчера что-то долго шла потѣха. Ну, что: на чемъ рѣшили?

— Извѣстное дѣло, на чемъ. Карая нынче придется по хвосту.

— Слышишь, Лука, — сказалъ графъ, обратясь къ Бацову, — и ты въ силахъ будешь перенести этотъ ударъ? А съ кѣмъ идетъ?

— Съ Азарнымъ, — кричалъ Стерлядкинъ. — На перваго подозрѣннаго, прибылые не въ счетъ; да еще добро-бы до первой угонки, а то прямо па-*завладай*.

— Ого! Ну, что ты, братъ, Лука? ужь видно, па-прямикъ съ ума спятилъ! Воля твоя, у меня въ-чужѣ сердце замираетъ. Добро-бы еще, на дюжину шампанскаго, а то, посуди самъ: вѣдь это срамъ на всю жизнь.

Бацовъ молча покручивалъ усы; замѣтно было, что онъ начиналъ трусить. — Пустяки! — сказалъ онъ, но уже не такъ громко и отчетливо.

— У тебя все пустяки! А разсуди-ка самъ: Карай твой, слова нѣтъ, собака добрая, во всѣхъ ладахъ, да молода; притомъ-же ты самъ знаешь — псовая, пылкая, слѣдовательно, на короткѣ; сверхъ-того, коли не осердишься, я скажу правду: онъ, братъ,

у тебя больно подуздоватъ [1])! а коли ты охотникъ съ толкомъ, такъ знай, что подуздоватая собака всегда не поимиста. Куда-жъ ты заѣхалъ? Добро-бы на садочнаго, да еще до угонки; а то, давай намъ подозрѣннаго, да материка: экъ, куда хватилъ! Съ Азарнымъ — шутка! Нѣтъ, братъ, я Азарнаго знаю.... Графъ не кончилъ и началъ вслушиваться. За палаткою шла страшная возня: «слышь, прочь, прибью; подлецъ буду — прочь; зарѣжу!...»

Я выглянулъ изъ палатки.

Въ шалашѣ, изъ котораго недавно появился камердинеръ, лежалъ маленькій человѣчекъ въ заячьемъ полукафтанѣ, и размахивалъ ногами, отбиваясь отъ двухъ псарей, которые старались завладѣть имъ. По голосу и складу бранчивой и отрывистой рѣчи, я тотчасъ узналъ въ немъ Петра Сергѣевича Хлюстикова.

— Тащи, тащи его! — кричалъ голосъ изъ палатки.

— Слышите, Петръ Сергѣичъ, графъ кличетъ; пойдемте, — говорилъ псарь.

— Пошелъ, дуракъ! ты видишь — я сплю.

— Нельзя: приказано будить.

— У-у! Нельзя, нельзя, скотина! прочь убирайся!

— Бери, тащи его! — раздался голосъ Бацова.

— Петръ Сергѣичъ, Лука Лукичъ зоветъ....

— Лу-ка! Лу-кичъ! Скажи ему, что онъ такой-же скотъ, какъ и ты.... А Карай, просто, шалава....

Въ палаткѣ раздался общій смѣхъ.

— Тащи, тащи его, — кричалъ Стерлядкинъ, выходя изъ своей палатки въ колпакѣ и бѣличьемъ халатѣ.

— Еще одинъ! А-а-ай! не буду. Голубчики, пустите.... Иду, право, иду, — кричалъ Хлюстиковъ, барахтаясь на рукахъ у псарей.

Въ палатку подали чай.

Хлюстиковъ явился въ слѣдъ за самоваромъ.

Украшенное тройнымъ комплектомъ веснушекъ, лицо его было до крайности мало, и въ минуту выражало на себѣ тысячу различныхъ оттѣнковъ; темнокаштановые курчавые волосы, наперекоръ всѣмъ прическамъ, постоянно убѣгали вверхъ; вообще-же, сочетаніе всѣхъ мелкихъ частицъ этого лица носило выраженіе, порождавшее въ каждомъ невольный смѣхъ. На взглядъ, Хлюстикову было лѣтъ около пятидесяти.

Онъ подобострастно подошелъ къ постели Атукаева, который погладилъ его по головѣ и потрепалъ по щекѣ.

---

1) Нижняя челюсть короче верхней.

— Вотъ, Петрунчикъ, умница; всталъ раненько; а теперь пойдетъ, умоется, причешетъ головку, и явится къ намъ молодецъ-молодцомъ.

— И подадутъ ему стаканъ чаю,—прибавилъ Бацовъ, ударяя на слово: чай.

— Чаю.... дуракъ! Я не гусь.. Эй, ча-ла-экъ! Отставному губернскому секретарю, чуть-чуть не кавалеру Петру Сергѣеву, сыну Хлюстикову—трубку, водки и селедки; но-о!—Эти слова были произнесены подобающимъ тономъ.

Въ минуту было подано то и другое.

Взявши въ одну руку коротенькую трубочку, а въ другую налитую рюмку, Хлюстиковъ значительно подмигнулъ глазкомъ, крякнулъ, плюнулъ, показалъ языкъ Бацову и мигомъ опорожнилъ рюмку; но въ то же мгновеніе глаза его выпучились, лицо сморщилось, онъ вздрогнулъ и сердито швырнулъ рюмку человѣку подъ ноги.

Разразился общій смѣхъ.

— Пад-ле-цу-ксу-су-су.... шипѣлъ Хлюстиковъ, харкая и отплевываясь.

Наконецъ, онъ жадно приступилъ къ куренью. Послѣ трехъ сладостныхъ затяжекъ, передъ носомъ Хлюстикова взлетѣлъ огненный фонтанъ отъ вспыхнувшаго пороха, положеннаго на дно трубки, и Хлюстиковъ опрокинулся на графскую постель. Наконецъ онъ вскочилъ и съ бранью убѣжалъ въ шалашъ.

Допивши второй стаканъ чаю, я вышелъ изъ палатки.

Игнатка мой крѣпко спалъ, растянувшись передъ пылавшимъ костромъ; испачканныя въ грязи и тинѣ лошади исправно ѣли овесъ, опустя головы въ изломанную телѣжку, которая казалась вовсе негодною къ употребленію. Вокругъ меня все было въ движеніи: псари осѣдлывали лошадей; кучера впрягали другихъ въ брики и колесницу; повара укладывали кострюли въ ящики; выжлятники смыкали гончихъ; стремянной, съ двумя борзятниками, подлавливалъ графскихъ сворныхъ и пихалъ въ колесницу. Между охотниками шли непрерывныя перебранки и пересмѣшки; собаки выли, прыгали, вытягивались и махали хвостами, ласкаясь къ своимъ хозяевамъ.

— Глядь-ка, глядь, Кирюха! Савелій Трофимычъ знаетъ-таки учливость, — сказалъ борзятникъ Егорка своему сосѣду.

Всѣ обратились къ колесницѣ.

Тамъ, передъ графскимъ стремяннымъ, стоялъ старичекъ-

охотникъ, лѣтъ шестидесяти, безъ шапки, и низко кланялся; на рукахъ у него лежала тощая борзая собаченка.

— Эхъ, Трофимычъ, твою-бы Красотку, замѣсь каляски, хоть и повыше куда вздыбить, такъ въ тужъ пору...

Охотники засмѣялись.

— И, что вы, батюшка Ларивонъ Петровичъ; собака—мысли; передъ Богомъ не лгу; не-перебрамшись, слабосилокъ, въ разлинкѣ. А да-ка намъ... Намедни, какъ по матеромъ-то, она, съ графской Заигрой, пострѣленокъ, ухо въ ухо! передъ Богомъ не лгу... ажно сѣдло подо мной затрепыхало... Поди, матушка, подь туды, подь... продолжалъ старикъ, сдавая свою любимицу стремянному на руки.

Собага мигомъ очутилась въ рыдванѣ, и, глядя въ оконко на удалявшагося Трофимыча, жалобно взвыла.

— Ишь, она къ почету-то не привыкла, сказалъ Егорка.

— Не замай, графъ увидитъ; она въ тѣ поры за сукъ уцѣпится, отвѣчалъ Кирюха, затягивая подпругу.

Я еще разъ взглянулъ на спавшаго Игнатку, и мнѣ стало жаль будить его. Съ правой стороны, сквозь чащу просвѣчивала заря. Я пошелъ снова къ палаткѣ: тамъ былъ слышенъ голосъ Бацова; графъ былъ уже одѣтъ; Хлюстиковъ по прежнему сидѣлъ на постели подбоченясь, и, прищуря глазъ, насмѣшливо поглядывалъ на Бацова.

— Это пустяки, продолжалъ Бацовъ. Послѣ этого ты станешь увѣрять меня, что я не человѣкъ.

— Конечно, развѣ ты человѣкъ! Ты — Бацовъ. Графъ, голубчикъ, прикажи дать рюмочку.

— Петрунчикъ, ты, душка, кажется намѣренъ съ утра сдѣлаться никуда не годнымъ, сказалъ Атукаевъ, щипля его за щеку. Этимъ ты меня очень огорчишь.

— Голубчикъ, ваше сіятельство. Одну только, право одну. Я вѣдь по одной пью.

— Ну, нечего дѣлать. Дай ему мадеры.

— Только, побѣлѣй, этой — знаешь, великороссійской изъ-подъ орла... Кхе! Тутъ Хлюстиковъ щелкнулъ языкомъ, заболталъ ногой и выразилъ многозначительную мину.

— А знаешь-ли за что его изъ суда выгнали? спросилъ Бацовъ, обратясь ко мнѣ.

— Умны были, догадались... эхъ, Бацочка моя, ты и того не смыслишь! расталке муа... Кхе!

Хлюстиковъ мигомъ опорожнилъ рюмку.

Люди начали снимать палатку.

Отдавъ наскоро кое-какія порученія своему кучеру, я поспѣшилъ къ обществу.

Шестьдесятъ гончихъ стояли въ тѣсномъ кружкѣ, подъ надзоромъ четырехъ выжлятниковъ и ловчаго, одѣтыхъ въ красныя куртки и синіе шаравары съ лампасами; у ловчаго, для отличія, куртка и шапка были обшиты позументомъ. Борзятники были одѣты тоже однообразно, въ верблюжьи полукафтанья, съ черною нашивкою на воротникахъ, обшлагахъ и карманахъ; рога висѣли у каждаго на пунцовой гарусной тесьмѣ, съ кистями. Всѣ они были окружены своими собаками и держали за поводья бодрыхъ и красивыхъ лошадей сѣрой масти.

Намъ подвели осѣдланныхъ лошадей; людямъ начали подносить вино.

— Ну, смотри у меня, началъ графъ, обратясь къ охотникамъ: — на лазу [1]) стой, глазъ не раскидывай; проудилъ [2]) — не твоя бѣда, прозѣвалъ — ремешкомъ поплатишься. Чуть запримѣтилъ, что красный звѣрь пошелъ на тебя: не зарься, дай поле; поперечь, а то, въ щипецъ [3]) нажидай... особенно, лису — заопушничала подлѣ тебя безъ помычки, на глади — стой, не дохни; а мѣсто есть на пролазъ, тотчасъ рогъ ловчему посылай. Ты, Кондрашка, смотри, берегись: я видѣлъ самъ прошлый разъ, какъ ты Бацовскую лису, безъ голосу, втравилъ въ отъемную вершину... А главное, на драку [4]) безъ толку не подавать; у всѣхъ васъ есть эта замашка; глядишь, чуть щелкнула которая, или тамъ увидалъ полѣно [5]) али трубу [6]), и пошелъ кличь кликать — и всѣ, дурачье, сыплютъ къ нему, а ловчій хоть умирай на рогу: «у насъ, дескать, своя забота!» Вотъ я за вами самъ начну присматривать. Садись. Люди начали садиться на лошадей; собаки радостно взвыли и заметались вокругъ охотниковъ.

Ловчій [7]) со стаею тронулся впередъ; за нимъ поплелась длинная фура съ борзыми; доѣзжачіе [8]) разравнялись по три въ

---

1) Мѣсто, откуда нажидаютъ звѣря.
2) Протравилъ — не поймалъ.
3) Пасть.
4) На подмогу.
5) Волчій хвостъ.
6) Лисій хвостъ.
7) Правящій стаею гончихъ собакъ.
8) Охотникъ съ борзыми.

рядъ: раздался свистокъ; Егорка поправилъ на себѣ шапку, тряхнулъ головой, откашлянулъ и залился звонкимъ переливистымъ теноромъ:

«Эхъ — не одна во полѣ дороженька».

Еще свистокъ и двадцать стройныхъ, спѣтыхъ голосовъ грянули разомъ:

«Пролегала...»

Вскорѣ и эхо изъ лѣсу крикнуло намъ вслѣдъ:

«Эхъ заростала...»

Русское солнышко засвѣтило намъ съ лѣвой руки.

Отойдя съ версту, мы увидѣли въ сторонѣ маленькую деревушку. Графъ приказалъ охотникамъ идти до мѣста, а мы повернули на право, и, въ сопровожденіи стремянныхъ, поѣхали рысью по узкой проселочной дорожкѣ. У крайней избы стояли пять осѣдланныхъ разномастныхъ лошадей; возлѣ нихъ бродило окол дюжины борзыхъ и два человѣка въ нагольныхъ полушубкахъ, туго подпоясанныхъ ремнями.

— Вотъ и наши мелкотравчатые, сказалъ Атукаевъ, слѣзая съ лошади.

Навстрѣчу къ намъ выбѣжалъ изъ избы низенькій, плотный, съ крошечными усиками и распухлыми щеками, не старый человѣчекъ, въ сѣренькомъ казинетовомъ сюртучкѣ, и началъ раскланиваться на всѣ стороны.

— Что, ваше сіятельство, заждались? а мы было тотчасъ только что... лепеталъ онъ, пожимая съ низкими поклонами руку Атукаева.

— Вотъ, прошу познакомиться: нашъ помѣщикъ Трутневъ, сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ.

— Очень пріятно-съ. Честь имѣю рекомендоваться, лебезилъ Трутневъ, шаркая ногами.

— Я, кажется, уже имѣлъ удовольствіе васъ встрѣчать?

— Ахъ, да, виноватъ: у Трещоткиныхъ... они, признаться сказать, немножко мнѣ съ родни... Здравствуйте, почтеннѣйшій Петръ Сергѣичъ; мое вамъ почтеніе, Лука Лукичъ! Степану Петровичу...

Трутневъ остался на крылечкѣ съ Стерлядкинымъ; мы вошли въ просторную крестьянскую избу: два окна на улицу и одно на дворъ, печка, полати и кругомъ лавки; въ красномъ углу стоялъ длинный столъ: одна половина его была густо исчерчена мѣломъ и завалена картами; на другомъ концѣ красовался гра-

финъ съ водкой, а подлѣ него, солонка, кусочекъ чернаго хлѣба и полуизгрызенный кренделекъ. Тутъ-же, оперпись локтемъ о конецъ стола и задумчиво опустя лысую голову, сидѣлъ осанистый мужчина, въ телячьемъ яргакѣ; онъ держалъ между пальцевъ на вѣсу погасшую трубку, и не обращая ни на что вниманія, разсуждалъ самъ съ собою.

— Мо-шен-никъ ты... валетъ семь съ пол-тиной... па-роль про-игр-алъ! Са-а-вра-саго взять — нѣтъ, врешь, Во-лодь-ка! бормоталъ сидящій.

Явился человѣкъ, потеръ полою столъ и убралъ карты; потомъ протянулъ руку къ графину.

— Ст-ой, дур-ракъ. Ку-да! завопилъ разсуждавшій. Онъ медленно поднялъ голову и уставилъ въ насъ глаза: Гр-аби-те-ли! произнесъ онъ, опускаясь снова, и уронилъ трубку на полъ.

— Этотъ теперь ни на что не годенъ, сказалъ Бацовъ.

Вбѣжалъ Трутневъ, и началъ торопливо будить протянутаго вдоль лавки мужчину въ синемъ пальто, съ густыми бакенбардами.

— Стёпа, а Стёпа, вставай! Графъ пріѣхалъ.

Стёпа отбивался локтемъ и бормоталъ: От-стань не хочу... ну, пошелъ....

— Экъ ты ихъ усахарилъ, сказалъ Бацовъ Трутневу.

— Стёпа... графъ! крикнулъ Трутневъ надъ самымъ ухомъ.

Стёпа обернулся, оттѣнилъ глаза рукою, всмотрѣлся и вскочилъ какъ встрепаный.

Въ это время Хлюстиковъ овладѣлъ графиномъ, налилъ рюмку и запѣлъ: «Чарочка моя и проч.»

— Ахъ, M-r le comte! Mille pardons! Извините, право извините, болтали бакенбарды и кинулись будить лысину.

— Петръ Ивановичъ! чтожъ ты? мы всѣ...

— Граб-ит-ель-и... у-къ!.. Петръ Ивановичъ еще икнулъ и замоталъ головой.

— Ну, не замай его — травитъ тутъ, сказалъ Бацовъ. Мы вышли.

Полями, буграми, лощинами, перелѣсками, то тротомъ, то шагомъ, проѣхали мы верстъ десять, и наконецъ, спускаясь на луговину, услышали стройный хоръ пѣсенниковъ. Завидя насъ, они перестали пѣть и начали поить у ручья лошадей и выпускать борзыхъ изъ фуры. Освобождаясь отъ заточенія, собаки радостно взывали, прыгали, потягивались и ласкались къ лошадямъ и

охотникамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ стрѣлой помчались къ намъ и съ радостнымъ визгомъ начали прыгать на сѣдла къ своимъ господамъ.

— Ты, Ларка, сказалъ графъ стремянному, — возьми теперь къ себѣ Обругая, Крылата и Язву; а мнѣ къ Чаусу, Злодѣя и Наградку, а Сокола и Пташку отдай тому охотнику, котораго, вотъ, имъ — графъ указалъ на меня — угодно будетъ взять къ себѣ на лазъ.

Пока я благодарилъ графа за вниманіе, стремянной ловко подвернулся ко мнѣ и шепталъ: — возьмите, сударь, кума Никанора, у него сабаки пріемисты. Это предложеніе мнѣ не понравилось: я мѣтилъ на удалаго малаго, Егора.

Мы подъѣхали къ стаѣ.

— Ну, выбирай любаго, сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ. Они у меня всѣ знаютъ свое дѣло.

У каждаго изъ охотниковъ, на которыхъ я мелькомъ взглядывалъ, просвѣчивало въ глазахъ сильное желаніе попасть ко мнѣ на барскій лазъ. Не желая быть невнимательнымъ къ предложенію стремяннаго, я рѣшился, какъ говорятъ, однимъ камнемъ сдѣлать два удара.

— Кумъ Егоръ, со мной! сказалъ я отрывисто.

— Эхъ, сударь, забыли; я вамъ докладывалъ: Никанора, шепталъ стремянной.

— Ну, братъ, извини. Промахнулся.

Егорка, съ радостнымъ лицомъ, подбѣжалъ ко мнѣ и принялъ на свору Сокола и Пташку.

Поднявшись на крутой бугоръ, мы проѣхали съ версту полемъ, и остановились у котловины. Графъ пригласилъ гостей и приказалъ доѣзжачимъ занимать мѣста.

Стая гончихъ и красныя куртки тотчасъ отдѣлились отъ насъ, и медленно потянулись вверхъ.

— Сударь, не изволите отставать отъ графа, шепталъ Егорка. — Онъ пойдетъ на лѣво, за эти дубки: тамъ, я знаю, лучшій лазъ. Вишь, Бацовскій стремянный такъ и пялитъ туда свои бѣльмы.

Мы спустились и поднялись изъ оврага, проѣхали саженей двѣсти полемъ и кустарникомъ и остановились въ головѣ обрывистой водомоины, которая, расширяясь постепенно, сливалась съ котловиною. Графъ и стремянный потянулись отъ насъ за дубки.

Стратегическое достоинство пункта, избраннаго Егоркой, если и не удовлетворяло всѣмъ потребностямъ, нужнымъ для опыт-

щаго охотника, за то зрѣнію моему было чистое раздолье. Подъ ногами у насъ неизмѣримо длилась глубокая впадина земли, образовавшая изъ себя болото, съ высокими кочками, заросшими густымъ олешникомъ и камышами. Въ широкую ложбину эту, такъ кстати названную котловиною, врѣзывались со всѣхъ сторонъ покатые бугры, пересѣкаемые лощинами, оврагами и водомоинами. Пунктъ, на которомъ остановились мы, владѣлъ всей мѣстностью, и я могъ отчетливо слѣдить за движеніемъ охотниковъ, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ любоваться сметливостью каждаго изъ нихъ, при занятіи мѣстъ. То исчезая, то выростая словно изъ земли, красныя куртки ловчаго и выжлятниковъ, медленно плыли по горизонту. Наконецъ, они утонули въ лабиринтѣ спусковъ и только черезъ четверть часа показались снова на скатѣ высокаго холма, поѣхали прямо на насъ, и вдругъ остановились. Стоявшіе на мѣстахъ охотники были всѣ на виду; въ сосѣдствѣ со мной, на лѣво, саженяхъ въ полутораста, былъ Ларка-стремянный, а за нимъ, дальше, графъ; на право, въ кустарникѣ, черезъ который мы прошли, помѣстился старикъ Савелій Трофимычъ, съ своею Красоткой.

Прошло минутъ пять въ бездѣйствіи; наконецъ Атукаевъ приложилъ серебряный рожокъ къ губамъ: раздался короткій и трескучій звукъ; старшій доѣзжачій тотчасъ повторилъ его на другой сторонѣ ложбины, по-ближе къ ловчему; сигналъ этотъ, въ переводѣ на языкъ человѣческій, означалъ: *мечи гончихъ въ островъ!* Я явственно увидѣлъ, какъ четыре красныя куртки упали въ стаю; ловчій одинъ поѣхалъ медленно съ бугра, и къ его ногамъ, словно мухи, покатились разомкнутыя гончія, отрываясь по-парно отъ темнаго пятна, посреди котораго копошились красныя куртки; наконецъ, онѣ остались однѣ, и, мгновенно вскочивъ на лошадей, помчались въ низъ, въ слѣдъ за остальными гончими. На краю болота заревѣлъ басистый рогъ ловчаго, захлопали четыре арапника — и пошло порсканье.

— Теперь, сударь, извольте становиться на мѣсто.

— Развѣ я не на мѣстѣ?

— Нѣтъ. Теперь намъ нужно въ притинъ, сказалъ Егорка. — Изволите видѣть? продолжалъ онъ, указывая на окрестность.

Я взглянулъ. Дѣйствительно, мѣста, на которыхъ, за минуту до этого, стояли охотники, были пусты. Всѣ они расползлись, словно мухи по щелямъ.

— Куда-жъ намъ?

— А вотъ, — сказалъ Егорка и поворотилъ лошадь.

Мы въѣхали въ густой кустъ ивняка, изъ-за котораго можно было видѣть только однѣ наши головы; мѣстность отсюда открывалась еще явственнѣе.

Вскорѣ къ порсканью присоединился голосъ одной собаки.

— Это Будило, сказалъ Егорка.

Къ первому голосу примкнули еще два, такіе-же басистые.

— Это Рожокъ и Квокша, продолжалъ мой стремянный.

Красныя куртки зашевелились въ болотѣ, и начали накликать на горячій [1]).

— Что-жъ это значитъ?

— Это еще ничего! Вотъ, кабы Кукла да Соловей.... А, вотъ, и онъ.... Эхъ, варятъ.... подваливаютъ.... Ну, повисъ на щипцѣ! Теперь, баринъ, держитесь крѣпче; лошадь подъ вами азарная.

Я укоротилъ поводья, укрѣпился въ сѣдлѣ и взглянулъ на Егорку: онъ дрожащими руками перебиралъ узду и выправлялъ свору; лицо его блѣднѣло, ротъ былъ полураскрытъ, глаза свѣтились, какъ у молодаго ястреба.

Ловчій подалъ въ рогъ.

— По красному, сказалъ Егорка, чуть дыша. Съ этимъ словомъ въ котловинѣ закипѣлъ адъ: съ фаготистыми на-подборъ голосами собакъ слился тонкій, плакучій, переливистый и неумолкаемый голосъ Куклы; къ ней подвалили всю стаю, и слилось зоркое порсканье. Камышъ затрещалъ, болото пошло ходуномъ, и словно вздрагивало и колебалось, подъ громомъ этого бѣсовскаго речитатива.

— Ну, одна катитъ, прошепталъ Егорка, глядя въ болото.

Я тоже началъ всматриваться.

Лисица тихо прокрадывалась мимо насъ по болоту, и, какъ тонкій осенній листокъ, стлалась между кочекъ, то поднимая свою вострую головку, то, припадая къ землѣ, она, наконецъ, миновала нашъ лазъ, и, подбуженная новымъ приливомъ порсканья, вынеслась на бугоръ и покатила прямо въ кусты: старикъ Трофимычъ стоялъ не шевелясь; наконецъ онъ заулюлюкалъ, указалъ ее собакамъ и скрылся изъ вида.

Въ то же время на противоположной намъ сторонѣ, въ разныхъ мѣстахъ, охотники принялись травить въ нѣсколько своръ.

Мнѣ почудилось, наконецъ, что стая погнала въ нашу сторону и дѣйствительно, черезъ минуту, что-то начало ломиться въ камышѣ; вскорѣ за тѣмъ выкатилъ матерой волкъ, и понесся по

---

1) Свѣжій слѣдъ.

кочкамъ, прямо въ вершину, въ головѣ которой былъ нашъ секретный постъ.

— Егорка, видишь? спросилъ я шопотомъ.

Егорка мой стиснулъ зубы и только дрожащею рукой подалъ мнѣ знакъ пригнуться: онъ блестящими глазами своими, казалось, прожигалъ кустъ, сквозь который смотрѣлъ на волка.

Наконецъ, звѣрь очутился противу насъ, саженяхъ въ десяти: Егорка молча показалъ его собакамъ и бросилъ свору изъ рукъ. Пять собакъ рванулись разомъ, и Соколъ первый, грудь-въ-грудь, сцѣпился съ волкомъ: оба они слились въ одно неразрывное цѣлое, прокатились по землѣ, и исчезли въ водомоинѣ; прочія собаки скучились и прыгнули туда-же; мы очутились тамъ-же, но, увы! раздался пронзительный визгъ и храбрый нашъ Соколъ, облитый кровью, катался по землѣ: волкъ сидѣлъ, ощелкиваясь отъ прочихъ собакъ, которыя не смѣли уже къ нему подступить. Егорка подалъ на драку, но звѣрь прыгнулъ на чистоту, принялъ на право и поскакалъ полемъ. Не долго, однако-жъ, длилась эта прыть: въ рытвинѣ, противу насъ, мелькнула шапка стремяннаго, и въ то-же время три свѣжія собаки понеслись на встрѣчу дерзкому бѣглецу.

Волкъ не устоялъ противу перваго напора пріемистыхъ и свычныхъ съ дѣломъ бойцовъ: онъ оробѣлъ, ощелкнулся и пошелъ на утекъ, но Крылатъ и Обругай повисли на немъ; наши собаки подоспѣли, скучились, и свалка сдѣлалась общею; прежде однако-жъ, чѣмъ мы успѣли подскакать, волкъ стряхнулъ съ себя кучу собакъ и, ощетинясь, сѣлъ въ кружку, страшно сверкая глазами: подлѣ него катался по землѣ Обругай, съ прокушеннымъ бокомъ. Егорка прыгнулъ съ лошади и пошелъ къ волку съ кинжаломъ въ рукѣ. Видя новаго врага, разсвирѣпѣвшій звѣрь рванулся отчаянно впередъ, и побѣжалъ, ощелкиваясь отъ собакъ, мимо дубковъ къ кустарнику. Но, вотъ, изъ-за куста, между полынью, шмыгнуло что-то, съ свистомъ, какъ пущенная стрѣла, и сѣрый Чаусъ, въ мгновеніе ока, сцѣпился съ звѣремъ, и покатился съ нимъ по пашнѣ; собаки налетѣли на нихъ гурьбой, и изъ нихъ образовался одинъ неразрывный клубокъ.

Къ намъ подскакали старикъ Савелій и графъ.

И вотъ, въ срединѣ этого кружка, что-то сильно поколебалось; собаки разлетѣлись въ розь, и посреди нихъ, какъ два достойные бойца, волкъ и Чаусъ поднялись на дыбы, схватились яростно и снова грянулись на землю; собаки снова накрыли ихъ плотною бронею.

Графъ приказалъ принять звѣря.

Охотники прыгнули съ лошадей, и Егорка первый, схватя волка за заднюю ногу, всадилъ ему въ пахъ кинжалъ по рукоятку; собаки отскочили; на землѣ остался одинъ только Чаусъ: пасть его впилась въ волчье горло и замерла на немъ; звѣрь, хрипя, лежалъ въ растяжку; стремянный бросился къ Чаусу и рознялъ ему пасть кинжаломъ. Храбрый боецъ, при общихъ похвалахъ, отошелъ тихо въ сторону и снова палъ на землю, сильно дыша; изъ горла у него валила клубомъ кровавая пѣна; налитые кровью глаза блестѣли, какъ раскаленные угли.

Егорка съ радостнымъ лицомъ принялся вторачивать волка, какъ трофей, принадлежавшій ему по правамъ охоты.

— Ваше сіятельство! Честь имѣю праздравить вашу милость съ полемъ, батюшка, — сказалъ старикъ Савелій, снимая шапку.

— И васъ также, Савелій Трофимычъ, — отвѣчалъ графъ весело и подражая старику въ ухваткахъ.

У Трофимыча была въ торокахъ лиса.

Мы спѣшились и пошли лѣвымъ берегомъ котловины, весело разговаривая о событіяхъ удачной травли. Я гладилъ Чауса, который шелъ подлѣ графа, и сдѣлался смиренъ, какъ овца. Атукаевъ былъ очень-доволенъ быстротою дѣйствій и сметливостью своихъ охотниковъ.

Ловчій, стоя на бугрѣ, вызывалъ на рогъ гончихъ изъ острова; мы подошли къ нему; вскорѣ и прочіе охотники начали туда съѣзжаться.

На той сторонѣ котловины затравили двухъ волковъ прибылыхъ, лисицу и нѣсколько зайцевъ. Каждый изъ охотниковъ, разсказывая подробности травли, приписывалъ своей сворѣ необыкновенныя достоинства; но всѣ они, однако-же, завистливо поглядывали на торока Егоркины, потому-что подобнаго волка никому еще изъ нихъ не случалось возить за своимъ сѣдломъ.

— Сорокъ лѣтъ сижу на конѣ, ваше сіятельство, повторялъ Трофимычъ, а такихъ не припимывалъ!

Въ это время къ намъ подъѣхали Бацовъ и Стерлядкинъ съ прочими господами.

— Посмотри-ка, Лука Лукичъ, сказалъ я, указывая на волка.

— Это, братецъ, пустяки; а ты, вообрази себѣ, Карай-то мой, Карай, опять лису, такъ, вотъ: джи!...

— Гдѣ-жъ она? спросилъ Стерлядкинъ.

— Ну, вотъ, у Кирюхи, отвѣчалъ Бацовъ, указывая на графскаго охотника.

— Значитъ, ты травишь въ чужіе торока!

Всѣ засмѣялись.

Въ Асоргинскихъ, до обѣда, мы еще затравили одного волка и двухъ лисицъ, и ровно въ часъ за полдень жители Клинскаго, всѣ, отъ мала до велика, выбѣжали за околицу встрѣчать нашъ поѣздъ. Съ гордымъ и веселымъ видомъ, съ бубнами, свистками и пѣснями вступили удалые охотники въ деревню, обвѣшанные богатою добычей.

У новой и просторной на видъ избы стояли походные брики, а на крылечкѣ люди и повара, ожидавшіе нашего возвращенія.

Съ шумомъ, весельемъ и смѣхомъ вскорѣ усѣлись мы за столъ. Во время обѣда, графъ по-очередно призывалъ къ себѣ отличившихся охотниковъ, выдавалъ имъ опредѣленную награду за *краснаго* и подчивалъ виномъ. Уже подали намъ жаркое, и въ стаканахъ запѣнилось искристое вино, когда вошелъ старикъ Савелій, съ своею неразлучною Красоткой.

— Ну, старикъ, поздравляю съ полемъ, сказалъ графъ, — говорятъ, что Красотка хорошо скачетъ? Отчего она такъ худа?

— Въ различкѣ, батюшка, ваше сіятельство: не перебрамшись.

— Это за краснаго; а Красотку дарю тебѣ за усердную службу.

— Много доволенъ вашей милостью, сказалъ старикъ. Навсегда вамъ слуга, ваше сіятельство.... Сорокъ лѣтъ на конѣ сижу.... Еще покойному дѣдушкѣ вашему, графу Павлу Павловичу, служилъ вѣрою и правдою; передъ Богомъ, не лгу.... продолжалъ онъ, утирая рукавомъ радостныя слезы.

— Старикъ, продай мнѣ Красотку, сказалъ Бацовъ, подавая ей кусокъ пирога.

— Какъ продать-то, баринъ?... свой выкормокъ, сударь, батюшка: самому-то не причемъ быть.... на старости лѣтъ, ни роду ни племени; одна племянница была, и тое Господь прибралъ.

— Ну, чтожъ? вѣдь Красотка тебѣ не внучатная? возразилъ Бацовъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ началѣ на Бацова, потомъ на Красотку, и потрясъ головой.

— Нѣтъ, сударь, не продажная!

Мы встали.

II.

Споръ. — Тамбовская идиллія. — Подозрѣный. — Карай и Азарной. — Травля. — Явленіе изъ болота. — Застава изъ благороднаго матеріала. — Плѣнъ. — Новооткрытый способъ продовольствовать армію. — Ганька и Мотрюха. — Новый инструментъ. — Предметъ сатисфакціи съ бабушкой. — Ужинъ подъ столомъ. — Дверь невидимка. — Побѣгъ.

Послѣ обѣда между охотниками начался жаркій споръ съ различными шутками, прибаутками и прочими варіяціями. Стерлядкинъ отпускалъ остроты на счетъ Бацова и ловко надъ нимъ подтрунивалъ; послѣдній возражалъ, горячился, отбранивался, но все это было у него какъ-то не въ попадъ, какъ говорятъ «не въ строку». Меня одолѣвала дремота, но уснуть не было возможности, потому что волею-неволею я обязанъ былъ состоять въ роли свидѣтеля и посредника.

— Ну, ты, скажи пожалуйста, такъ ли это все было, какъ я говорю? обращался ко мнѣ Атукаевъ, разсказывая о подвигѣ Чауса.

Вслѣдъ за тѣмъ, Бацовъ, въ спорѣ съ Стерлядкинымъ и прочими, приступалъ ко мнѣ съ умоляющимъ видомъ: — Ну, вотъ ты, какъ сторонній человѣкъ, увѣрь ихъ, пожалуйста и т. под.

Правду сказать, не видавши по дальности разстоянія ничего, что дѣлалось на той сторонѣ котловины, я бралъ многое на совѣсть, но не желая оставить въ одиночествѣ бѣднаго Луку Лукича, поддерживалъ его, сколько могъ.

Вскорѣ, однакоже, этимъ разговорамъ положенъ былъ конецъ. Вошелъ стремянный и доложилъ Атукаеву, что къ нему пожаловалъ пастухъ Ерема.

— Ну, вотъ, кстати; давай его сюда, проговорилъ графъ стремительно. Вотъ вамъ, господа, и конецъ всѣмъ побасенкамъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Бацову и Стерлядкину. Вѣрно есть, подозрѣный.

Съ этимъ словомъ, въ отворенную настежь дверь, протиснулся необычайнаго вида человѣкъ. Ростомъ онъ былъ—косая сажень, лицемъ страшенъ, борода всклочена, въ нечесаной головѣ торчала солома и ржаные колосья. Нарядъ его состоялъ изъ лаптей, посконныхъ затасканныхъ портовъ и побурѣвшаго сермяжнаго полукафтанья съ множествомъ заплатъ и отрепанными рукавами; подъ мышкой держалъ онъ баранью шапку, а въ правой рукѣ такую палицу, что ой-ой-ой! При взглядѣ на это страшилище

мнѣ тотчасъ вспалъ на мысль Геснеръ, съ его Меналками, Дафнисами, Палемонами и со всею вереницею пригоженькихъ лицъ, удержанныхъ памятью изъ дѣтскаго чтенія. Поверхъ кафтана, отъ дождя, Ерема драпировался толстою неудобосгибающейся и не идущей въ складки дерюгой, накинутой на плеча въ видѣ гусарскаго ментика Помолясь Святымъ, Ерема поклонился всей честной компаніи, отшатнулся къ притолкѣ и загородилъ собою дверь.

— Что скажешь, Ерема? началъ графъ.

— Русачка обошелъ, ваше графское сіятельство; произнесъ Ерема такимъ голосомъ и тономъ, по которому можно было понять съ разу, что этотъ страшный и неуклюжій дѣтина былъ простѣйшее и добрѣйшее существо.

— Хорошо. А гдѣ лежитъ? На чистотѣ? Травить можно?

— Какъ-же, батюшка. Въ Мышкинскихъ зеленяхъ, на мишици. Трави, куды хошь. Матерой русачина; сулѣтошиній. Онъ самый, батюшка, безобманно....

— А, ну, если только онъ, такъ спасибо. Вотъ тебѣ за усердіе (графъ подалъ ему цѣлковый рубль); а эти господа еще отъ себя прибавятъ. Только, смотри, тотъ ли? Пожалуй, вмѣсто его, ты насадишь собакъ на какого-нибудь настовика! 1) какъ-бы намъ не сплоховать?

— Будьте въ надеждѣ, батюшка, ваше графское сіятельство, онъ самый; ужъ я къ нему пригляделся: что ни день, почитай, видаю. И къ скотинѣ нріобыкъ.... энто, нарочно нагоню стадомъ — только что ужимается, пѣсъ, да уши щулитъ.... лобанина, такой....

— Ну, вотъ вамъ господа, и дѣлу конецъ, сказалъ Атукаевъ Стерлядкину и Бацову. Вотъ и увидимъ чья возметъ. А, ужъ русачокъ, рекомендую, распотѣшитъ дружковъ, если это лишь тотъ, которымъ я прошлый годъ потѣшался разъ до трехъ, такъ ужъ скажу напередъ — одолжитъ! Будетъ за кѣмъ повозить воду! Ну, Лука Лукичъ?

— Чтожъ, пустяки, отвѣчалъ Бацовъ, выпуская обильную затяжку дымомъ, но въ этихъ, какъ-то небрежно сказанныхъ словахъ уже было замѣтно раздумье.

— Этакъ, пожалуй, мы, недолго думая, и на попятную.... прибавилъ Стерлядкинъ.

---

1) Молодой заяцъ, февральскій и мартовикъ.

— У, щучья пасть! на попятную; кто на попятную? ты, что-ли пойдешь?

И у Бацова съ Стерлядкинымъ вошли перекоры. Пользуясь ихъ увлеченіемъ, графъ подмигнулъ мнѣ глазомъ и я пошелъ за нимъ въ сосѣднюю свѣтелку.

— Поддерживай, пожалуйста, Луку, сказалъ онъ почти шопотомъ. Мнѣ хочется, чтобъ онъ отравилъ этого барышника (Стерлядкина); ужъ онъ слишкомъ допекаетъ бѣднаго Бацова, а Карай, можетъ быть, и оскачетъ: собака по породѣ выше Азарнаго.

— Чтожъ, господа, полноте вамъ спорить, не видя дѣла. Хотите сажать, уступлю вамъ зайца, а не хотите — стану мѣрять своихъ молодыхъ, сказалъ Атукаевъ, входя обратно.

— Вотъ, тебѣ, и весь сказъ, возразилъ Стерлядкинъ Бацову. Идетъ — такъ? Я не отступаю отъ вчерашняго уговора.... Только не иначе, какъ на-завладай, и заднюю по хвосту. Мнѣ не жаль собаки....

— Ну, вотъ, что ты меня, дурака что ли нашелъ! Пущу я на-завладай съ осенистой и втравленой собакой! Тебѣ говорятъ русскимъ языкомъ, что Карай вогодокъ — и скачетъ щенячью.... До-угонки, изволь. Я тѣ вставлю очки! Развѣ я не видалъ твоего рѣдкомаха? За псарскими воду возитъ; а тутъ ... Пустяки братъ.... ты меня храбростью не удивишь!

— Ха, ха, ха! Вотъ онъ каковъ! А вчера, какъ рисовался?

— Полно-те, господа, кончайте; къ чему тутъ въ далекое, забѣгать? Еще собакъ вздумали портить!... помѣряли и — конецъ.... Вы за славу, а мы за васъ попридержимъ. Ты за кого держишь? спросилъ меня графъ.

— Я? Теперь, пока незнаю. А вотъ, взгляну, которая покажется, отвѣчалъ я.

— Ну, и прекрасно. Такъ, идетъ что ли, господа? Велите ввести собакъ.

— Да, къ чему и вводить? У насъ семь пятницъ на недѣлѣ. А, тамъ, пожалуй, чего добраго, еще и разревется, какъ тюлень на льду, произнесъ какъ-то съ высока и самонадѣянно Стерлядкинъ, поднимаясь со стула.

— Ахъ, ты щучья и.... началъ было Бацовъ съ свойственной ему быстротой и энергіей, но графъ не далъ ему кончить. Всѣ мы приступили къ состязателямъ и уговорили ихъ — «мѣрять

1) Т. е. первую осень.

собакъ» просто, а сами вызвались присутствовать въ качествѣ судей и общимъ приговоромъ утвердить славу за быстрѣйшей.

Послали привести собакъ на поглядѣнье. Перваго Азарнаго ввелъ Стерлядкина стремянный на сворѣ. Это была муругопѣгая, чисто псовая собака, собранная вполнѣ, рослая, круторебрая, на твердыхъ ногахъ, но, собака скамьистая [1]) и съ короткимъ щипцемъ. Увидѣвши своего господина, она степенно подошла къ нему и положила голову на колѣно.

Вслѣдъ за нимъ, на свистъ Бацова, вихремъ влетѣлъ Карай въ комнату и прыгнувъ къ нему на грудь, заскиглилъ и замахалъ хвостомъ. «Охъ, ты мой.... шалунокъ....» приговаривалъ Бацовъ, лаская своего любимца. Карай спустился на полъ и началъ бѣгать и обнюхивать. Это была очень породистая густопсовая собака, почти во всѣхъ ладахъ [2]): онъ былъ немного лещеватъ, но съ крутымъ верхомъ [3]) и на вѣрныхъ ногахъ: сухая голова, глаза на выкатѣ, тонкій щипецъ, хотя немного подуздоватъ. Глядя на этого, съ черною лоснящеюся шерстью и проточиной на лбу, бѣлогрудаго красавца, видно было, что онъ еще не опсовѣлъ и по молодости не сложился вполнѣ, но, по ладамъ и «розвязи» нельзя было не предпочесть его Азарному.

— Ну-съ, ваше сіятельство, сказалъ я, полушутя, еслибъ пришлось попридержать, я бы не отсталъ отъ Карая.

— И прекрасно, отвѣчалъ Атукаевъ, а я, пожалуй, потянусь за Азарнымъ.

Трутневъ подобострастно приткнулъ къ графу и хвалилъ Азарнаго; г. Бакенбарды молча управлялся съ недопитымъ стаканомъ.

Карай, какъ будто понимая мои слова, прыгнулъ ко мнѣ на грудь; но эта минутная ласка ничего не значила въ сравненіи съ тѣмъ взглядомъ, какимъ подарилъ меня Бацовъ.

Черезъ полчаса охота, въ полномъ составѣ, тронулась съ мѣста. Сопутствуемые ватагой мальчишекъ, мы выѣхали за околицу. Графъ приказалъ ловчему идти въ Глѣбково, но если не будетъ дождя, остановиться въ завалахъ, гдѣ надѣялись найдти лисицъ; ловчій со стаей и охотниками принялъ на лѣво и пошелъ торной проселочной дорогой; мы же, по слѣдамъ Еремы, разравнялись и поѣхали прямо полемъ. Кромѣ Карая и Азарнаго

1) Или *прямостеная*, т. е. съ ровной спиной.

2) Статьи собаки.

3) Спина съ оваломъ.

ъ нами не было собакъ. Впереди всѣхъ, держа по прежнему шапку подъ мышкой, широко шагалъ нашъ необыкновенный вожакъ: онъ, казалось, подвигался впередъ очень медленно, но лошади наши постоянно шли за нимъ тротомъ; вскорѣ начались зелени и посрединѣ ихъ возвышался небольшой, засѣянный рожью-же, курганъ; на лѣво это озимое поле отдѣлялось отъ овсянища широкимъ рубежемъ и тотъ-же самый рубежъ загибалъ подъ прямымъ угломъ и тянулся на право по легкому скату въ болотную ложбину, поросшую кустарникомъ и молодыми березками, гдѣ и заканчивались озими.

Поднявшись на темя теперь почти незамѣтнаго для насъ возвышенія, казавшагося издали плоскимъ курганомъ, настухъ остановился и показалъ прямо на низину поля, гдѣ, саженяхъ въ сорока отъ насъ, былъ круглый мшарникъ, или, лучше сказать, не засѣянный рожью мочевинникъ, какихъ бываетъ множество въ озимыхъ поляхъ: желтая сухая трава ярко отдѣлялась отъ окаймлявшихъ ее густыхъ зеленей.

— Ну, какъ, сударики, прикажете? куда гнать будемъ? спросилъ Ерема Бацова и Стерлядкина.

— Да онъ здѣсь? спросили оба разомъ.

— Тутотка, вонъ, влѣвѣ, къ самой головкѣ.

— А куда передомъ? Ты видѣлъ?

— Да, такъ-вотъ, на вынось, въ уголъ, къ рубежамъ.

— Не хлопочите, господа, сказалъ графъ. Если это русакъ и материкъ, такъ я васъ увѣряю, что онъ потянетъ рубежемъ; другого ходу у него быть не можетъ и какъ вы не отъѣзжайте, а на жниво вамъ его не сбить, скорѣй-же заловятъ на зеленяхъ, если осилятъ.

— Какъ-же поднимать? спросилъ Бацовъ.

— Просто, спуститесь на вашу грань и — катай изъ подъ арапника. Сосворьте собакъ.

Комужъ показывать?

— Да, вотъ, хоть мой стремянный. — Ларка, продолжалъ Атукаевъ своему стремянному: — насади собакъ и доскакивай. А ты, Лука Лукичъ, отдай свой арапникъ Еремѣ, онъ подниметъ русака. Да не путай-же своры — экая горячка! Смотри, точно на эшафотъ его ведутъ. Ну, братъ, вижу, ты огневый!...

И точно, отдавши арапникъ настуху, Бацовъ принялся сосворивать собакъ: я замѣтилъ, какъ пропуская свору узломъ внутрь, дрожащія руки его едва попадали въ кольца.

— Что онъ дѣлаетъ? крикнулъ графъ. Смотри, Лука, какъ

ты сосворилъ? ты захлеснешь кобелей на мертвую петлю, или самъ полетишь съ сѣдла!

— Ахъ, да не торопите.... вижу.... приговаровалъ Бацовъ, суетливо вымахивая свору назадъ.

Наконецъ, уладивши дѣло, онъ очутился въ сѣдлѣ.

Щожъ, аль пугнуть? спросилъ Ерема, брося палку и шапку.

— Погоди, вотъ баринъ станетъ на мѣсто, сказалъ графъ.

Бацовъ спустился саженей на десять по скату.

— Довольно, крикнулъ ему Стерлядкинъ. Тутъ и двадцати саженей не будетъ.

— Ступай теперь, хлопай у края, сказалъ графъ. Да не кричи, какъ вскочитъ.

Пастухъ, съ кнутомъ въ рукѣ, отправился во мшарникъ. Стремянный подобралъ поводья и сталъ саженяхъ въ десяти ниже Бацова.

Минута тревожнаго ожиданія настала для всѣхъ. Мнѣ очень хотѣлося взглянутъ въ лицо Бацову, но онъ стоялъ къ намъ спиною и глядѣлъ впередъ. Всѣ молчали; одинъ только Трутневъ шепталъ что-то Бакенбардамъ. Мнѣ, почему-то казалось, что Ерема и вѣкъ не доползетъ до мшарника... но, вотъ, онъ очутился на краю, между кочками, посмотрѣлъ на насъ и — хлопнулъ; со вторымъ хлопкомъ заяцъ поднялся съ логова: онъ былъ почти голубой, потому что выцвѣлъ и не смотря на раннюю осень, началъ затирать пазонки [1]. Пошелъ онъ не во весь бѣгъ, а перетрапывалъ, поднималъ уши, вслушивался и, принявши круто на лѣво, держалъ прямо къ рубежу. — Вотъ, такъ дѣтина! примолвилъ графъ, любуясь выступкой русака. Съ такимъ чортомъ едва-ли они сладятъ. Этотъ дастъ себя знать!

Съ первымъ прыжкомъ русака, стремянный пустился рысью и указывая на него арапникомъ, приговаривалъ: о-то-то-то!... до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ передъ собой собакъ, послѣ чего онъ пустилъ лошадь во весь опоръ и зарко заухалъ.

Какъ передать простымъ, текучимъ словомъ невыразимую быстроту и измѣнчивость той картины, которая развилась теперь передъ нами — ясная, живая, но едва слѣдимая глазомъ?... Мы говоримъ: полетъ сокола, блескъ молніе, но, что нарисуютъ эти слова въ понятіи человѣка слѣпаго отъ рожденія и

---

1) Заднія ноги.

не видѣвшаго ни лѣта соколинаго, ни синяго неба, ни черныхъ тучь съ ихъ огненной утробой?!... 1)

Бацовъ выдержалъ себя молодцомъ; онъ подалъ собакъ во время, по охотничьи, по первому звуку голоса доѣзжачаго и самъ остался на мѣстѣ. Собаки помчались ухо-въ-ухо по лошади; Азарной первый возрѣлся въ русака, но прыть его длилась только на мгновеніе: завидя звѣря, Карай нахнулъ мимо его и оставя далеко за собою, круто, щегольски, угналъ русака, т. е. «поставилъ ушми назадъ», и самъ пронесся далеко въ сторону; громкое, единодушное браво сопутствовало ему; мы тихо спустились и окружили Бацова.

Азарной, по слѣдамъ Карая, примѣрялся, вложился, но, разъѣхался съ русакомъ легко и быстроногій звѣрекъ въ мгновеніе ока, отросъ отъ него и очутился на рубежѣ и пока сладилась и возрѣлись собаки — онъ былъ уже далеко. Азарной первый пошелъ по немъ рубежемъ, но, тутъ ему суждено было осрамиться окончательно. Растерявшись отъ своей первой заркой угонки, Карай не скоро сладился и не видя зайца, пошелъ по Азарномъ, но, въ тотъ мигъ, когда взглянулъ на русака, онъ собрался съ разу, объѣхалъ Азарнаго «съ ушей» и отдѣлился отъ него на столько, что тотъ, скача сзади съ натугой, казался словно стоячимъ, или, говоря языкомъ охотника, началъ «удить».

Взрывъ общаго одобренія раздался вокругъ меня, но онъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ необъяснимымъ звукомъ человѣческаго голоса, какой послышался мнѣ съ правой руки. Я взглянулъ на Бацова: онъ былъ блѣденъ и смутно глядѣлъ впередъ; ротъ у него былъ открытъ, губы дрожали, онъ, мнѣ казалось, былъ близокъ къ помѣшательству... Да, глядя на Бацова, я только теперь понялъ значеніе слова — «охотникъ». Нѣтъ, это не простой, обыденный, понятный каждому терминъ;

---

1) Однажды на всегда прошу извиненія у моихъ читателей за тѣ выраженія, которымъ я обязанъ придерживаться при описаніи подобныхъ сценъ и въ разговорахъ между охотниками. Языкъ охотничій испещренъ множествомъ такихъ словъ и оборотовъ, которые могутъ казаться правильными и понятными только для однихъ охотниковъ. Какъ передать, напримѣръ, не измѣняя смысла и не умаляя силы выраженія: *повисъ* на щипцѣ, *заложился* по русаку, заяцъ началъ *отростать* и тысячи подобныхъ терминовъ? Въ другомъ случаѣ, избѣгая ихъ и выражаясь языкомъ книжнымъ, я рискую подвергнуться нареканію у спеціалистовъ дѣла и заслужить справедливый отъ нихъ упрекъ въ непониманіи предмета. *Авторъ.*

въ не есть кое-что такое, чему, можетъ быть посмѣются, но не разгадаютъ, не поймутъ многіе...

Но, вотъ, съ страшной силой и неуловимой для глаза быстротой, Карай швырнулъ зайца съ рубежа на озими и самъ полетѣлъ кубаремъ; отъ этого внезапнаго толчка, оторопѣвшій русакъ понесся прямо въ пасть къ Азарному. Новое браво изъ нашего кружка привѣтствовало удальца; молчалъ одинъ только Бацовъ.

Заложась на встрѣчу къ зайцу, Азарной сколопся, свихнулъ его къ рубежу, повисъ на немъ и держалъ долго на щипцѣ, но осилѣть не могъ; Карай, справившись, снова швырнулъ русака отъ рубежа. Сбившись на зелени, заяцъ началъ *усѣдать*, наровя все-таки достичь другого рубежа, но Карай не давалъ ему хода; раза два собаки скучивались, залавливали и мы слышали даже, какъ стремянный отгокатъ ихъ... но, видно, что и тутъ пришлась по Сенькѣ шапка: въ тотъ мигъ, когда обѣ собаки скучились и я считалъ уже зайца пойманнымъ, онъ прыгнулъ на сажень вверхъ и, пока собаки слаживались, очутился отъ нихъ саженяхъ въ двадцати и катилъ по рубежу прямо въ кусты. Насталъ послѣдній дебютъ для Карая, заискавшаго уже общее сочувствіе: всѣ постепенныя впечатлѣнія для глаза исчезли при видѣ той заркости и быстроты, съ какой онъ снова подоспѣлъ къ русаку и швырнулъ его съ рубежа на сосѣднее жниво, но самъ уже не пошелъ съ мѣста; зайцемъ завладѣлъ Азарной и, скача за нимъ «въ намахъ», проводилъ въ кусты. Бѣдный нашъ Карай, сидя на мѣстѣ, съ поднятою ногой, жалобно взвизгивалъ. Бацовъ проговорилъ что-то неопредѣленное и помчался во всю прыть къ своему любимцу; мы тоже поскакали вслѣдъ за нимъ.

Когда мы остановились, Бацовъ сидѣлъ уже на рубежѣ и держалъ на рукахъ Карая изъ передней лапы у него текла обильно кровь. По осмотрѣ раны оказалось, что онъ сорвалъ передній ноготь. У пылкихъ собакъ это бываетъ за-частую, особенно если неопытные и горячіе охотники травятъ ими въ позднюю осень по мерзлой пашнѣ. Впрочемъ сорванный ноготь, кромѣ сильной боли на первыхъ порахъ и двухнедѣльной хромоты, пока образуется молодой ноготокъ, худшихъ послѣдствій за собой не влечетъ.

Всѣ мы обрадовались этому незначительному случаю, тѣмъ больше, что, скача за Бацовымъ, графъ и прочіе охотники полагали увидѣть собаку съ переломанной ногой.

Подъѣхалъ Стерлядкинъ и волею-неволею началъ поздравлять

и привѣтствовать своего соперника; но онъ не успѣлъ промолвить и пяти словъ, какъ за ложбиной послышалось отчаянное: ату-эво! и протравленный нами русакъ вынесся обратно изъ кустовъ по рубежу прямо къ намъ; его гналъ Азарной и пять новыхъ собакъ, а за собаками, на рьяномъ конѣ, не разбирая ни кустовъ, ни кочекъ, безъ шапки, поблескивая лысиной, съ висками на отлетѣ, выскочилъ, въ полномъ смыслѣ слова, изъ болота Петръ Ивановичъ! Заяцъ увидѣлъ насъ и вильнулъ въ сторону; Карай возрѣлся, рванулся, взвизгнулъ, помчался и, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ русака, послѣдній, лежа на боку, только потрепыхивалъ лапками: Карай убилъ его грудью.

— О-го-го-го! загудѣлъ Петръ Ивановичъ, соскакивая съ лошади въ то время, какъ Азарной и его собаки накрыли убитаго русака. «Атрышъ! атрышъ!» закричало все наше общество. Графскій стремянный очутился тутъ-же.

— Отпазончи [1]) русака и вторачивай [2]) въ свои торока, сказалъ ему Трутневъ.

— Какъ это? Что такое! Я травилъ... да это разбой, господа... это... я... отнять насильно — пожалуй... а, въ противномъ случаѣ, я не позволю... я...

— Ну, что ты мелешь, не видавъ дѣла, перебилъ его Трутневъ. Ты выслушай напередъ.

Всѣ наперерывъ принялись объяснять Петру Ивановичу обстоятельства дѣла; онъ слушалъ внимательно и съ увлеченіемъ повторялъ: онъ... съ рубежа... опять... съ Азарнымъ! фу, чортъ, знатно!... Лихо! лихо! А что, я говорилъ вамъ, господа, прибавилъ онъ, обратясь къ Бакенбардамъ и Трутневу, что Карай будетъ дивная собака! я это вижу по ладамъ. Ну, Лука Лукичъ, поздравляю!

Подъѣхали два человѣка Петра Ивановича и привезли отъисканную въ болотѣ шапку; стремянный отпазончилъ и второчилъ русака. Всѣ мы обратились къ Бацову и дружно поздравляли его съ полнымъ успѣхомъ; Стерлядкинъ тоже усердно вторилъ намъ; Бацовъ, глядя на насъ молча, былъ какъ-то сановитъ, тихъ и серьозенъ; онъ еще не успокоился и былъ словно въ угарѣ послѣ такихъ сильныхъ и дорогихъ охотнику впечатлѣній, испытанныхъ въ столь короткій срокъ. Карай сидѣлъ подлѣ него и зализывалъ больную ногу. Ерему всѣ одѣлили щедро.

---

1) *Отпазончить,* т. е. отрѣзать заднія лапки. Ихъ отдаютъ тутъ же поймавшей русака собакѣ.

2) Привязать къ сѣдлу.

— Господа, пора вамъ тронуться; времени остается немного, сказалъ Атукаевъ, глядя на часы.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! ваше сіятельство, какъ можно? Надо замочить лапки; за то, чтожъ это будетъ... Что мы за охотники послѣ этого? А ночевать ко мнѣ, господа, прибавилъ Петръ Ивановичъ; я ужь такъ распорядился; графъ, ваше сіятельство, ночевать ко мнѣ... и Петръ Ивановичъ, принимая отъ своего стремяннаго флягу, пропѣлъ со всѣми операми извѣстную охотничью пѣсню: «*Выпьемъ, други, на крови...*» и пр.

Но выпилъ только одинъ Петръ Ивановичъ; прочіе отказались.

Верстахъ въ пяти отъ мѣста пашли мы охоту; когда мы очутились близко отъ экипажей, стоявшихъ на лугу, въ сторонѣ отъ дороги, изъ одной брыки выскочилъ Хлюстиковъ и пустился въ присядку; онъ былъ уже «въ своемъ видѣ», т. е. былъ пьянъ.

— А, Петрунчикъ! такъ-то ты держишь слово? произнесъ грозно Атукаевъ: — ты хотѣлъ спать, а теперь — «въ положеніи». Кто это его употчивалъ?

— Н-не изв-вѣстно-съ, отвѣчалъ поваръ, стараясь держаться какъ можно прямѣе,

— А, понимаю, продолжалъ графъ, глядя во всѣ глаза на своего приспѣшника.

— Не изв-вольте сумлеваться... васьсьво... мы нетокма-что ни-чевоеъ... обидно, васьсьево!... во-какъ горько, обидно... Поваръ застучалъ кулакомъ по груди и прегорько заплакалъ.

— Прибрать ихъ въ фургонъ, сказалъ графъ людямъ.

Петрунчика обиженнаго подхватили на руки и, какъ мѣшки съ мякиной, попихали въ собачью фуру.

Стерлядкинъ простился съ нами и, взявши обѣщаніе со всѣхъ — завтра у него обѣдать, пересѣлъ въ дрожки и отправился домой.

Мы кинули гончихъ въ сосѣдній островъ и до сумерекъ затравили русаковъ двадцать на котелъ, т. е. для собакъ. Въ то время, когда я подъѣзжалъ къ острову вмѣстѣ съ Бацовымъ, графъ обусловилъ насъ — не соглашаться на предложеніе Петра Ивановича ѣхать къ нему на ночлегъ. «Мы ночуемъ въ Глѣбковѣ, какъ дома; а тутъ, эти господа напьются непремѣнно и не дадутъ спать до утра, или, что всего хуже, затравятъ насъ клопами; я ужь это испыталъ», прибавилъ графъ. И точно, во время гоньбы, Петръ Ивановичъ подъѣзжалъ къ Атукаеву и къ намъ: тотъ ссылался на насъ, а мы отказались на-отрѣзъ. Петръ Ивановичъ, успѣвшій уже порядочно подбодрить себя, въ самый

разгаръ гоньбы ускакалъ съ людьми и собаками домой. Быстрые осенніе сумерки застали насъ въ ту пору, когда мы вызвали гончихъ изъ острова. Сдавши собакъ, мы съ однимъ стремяннымъ пустились на рысяхъ до мѣста нашего ночлега. Дѣло въ томъ, что намъ никакъ нельзя было миновать усадьбу Петра Ивановича, которая была всего-то въ двухъ верстахъ отъ Глѣбкова. Мы условились пронестись мимо дома на маршъ-маршѣ и тѣмъ избавиться отъ объясненій, въ случаѣ, если-бы даже самъ Петръ Ивановичъ, стоя у воротъ, вздумалъ приглашать насъ вторично. Но, увы, плану нашему суждено было остаться тамъ, откуда онъ и возникъ, т. е. въ воображеніи: не доѣзжая усадьбы за полверсты, намъ предстояло проѣхать плотину и пересѣкавшій ее мостъ; все это состояло въ единственномъ, безспорномъ владѣніи помянутаго уже не разъ Петра Ивановича. Тутъ-то представилось зрѣлище, которое я увидѣлъ первый разъ въ жизни: на плотинѣ стояла толпа мужиковъ, съ кирками, кольями и топорами, а подвинувшись ближе, мы увидѣли самого Петра Ивановича: растянувшись персонально, поперегъ дороги, онъ заградилъ намъ путь; на мосту торчали однѣ перекладины; накатникъ былъ снятъ и лежалъ въ кучѣ.

— Нѣтъ дальше ходу! крикнулъ намъ Петръ Ивановичъ и застучалъ каблуками по землѣ. Или застрѣлюсь тутъ на мѣстѣ, или вы ночуете у меня...

Мы, молча, переглянулись.

— Полноте, Петръ Ивановичъ! Къ чему вы это затѣваете? Я вѣдь вамъ сказалъ уже, что я не одинъ. Со мной, вотъ, господа, прислуга, охота, цѣлый обозъ; мы вамъ надѣлаемъ столько хлопотъ...

— Ломай дальше! крикнулъ Петръ Ивановичъ мужикамъ.. Ночуйте у меня или въ полѣ... Бррр! У меня все готово... Армія давай сюда! угостимъ армію... бррр..

— Чего-же вы хотите?... Чтобъ мы ночевали на мельницѣ?...

— И я съ вами!

— Мы вернемся назадъ...

— И я съ вами!

— Мы, наконецъ, уѣдемъ домой.

— И я съ вами... бррр.

И на все это Петръ Ивановичъ, по его понятіямъ, рѣшался единственно потому, что онъ благородный человѣкъ и товарищъ истинный, а не жомини, не щелконеръ! Что онъ готовъ для насъ

перехватить себѣ горло ножемъ. «А вы вотъ этого не сдѣлаете!» прибавилъ онъ наивно.

Пока мы торговались съ этимъ навязчивымъ кунакомъ, подвалилъ обозъ и стая къ плотинѣ. Увидѣвши Трутнева, Петръ Ивановичъ вскочилъ какъ встрепанный. — Володя! другъ! помоги... Рѣжутъ, жгутъ... обида! понимаешь — обида!...

— Горько, обидно! васьсьево! вторилъ ему плачевный голосъ изъ фургона.

— Чтожъ, ваше сіятельство, удостойте; мы, этакъ, тово, вечерокъ вмѣстѣ... прибавилъ Трутневъ.

Съ послѣднимъ словомъ Трутнева, Петръ Ивановичъ отутился на колѣняхъ передъ лошадью Атукаева.

Между тѣмъ стемнѣло совсѣмъ, нахмурилось, брызнулъ мелкій дождикъ.

Что оставалось послѣ этого? Подумали и согласились!

Обрадованный кунакъ нашъ кинулся какъ шальной къ мосту, прикрикнулъ на мужиковъ и принялся самъ настилать накатникъ. Переправя стаю и обозъ впередъ, мы, наконецъ, всѣмъ обществомъ тронулись въ путь и начали подниматься на пологую гору; налѣво отъ насъ потянулась каменная стѣна, направо начали попадать въ глаза неопредѣленнаго вида строенія. Миновавши ихъ, мы повернули въ высокіе каменные ворота; направо стоялъ громадный, съ заколоченными наглухо ставнями, старинный домъ; за нимъ, въ углу, свѣтились два окна флигеля, гдѣ помѣщался Петръ Ивановичъ съ семьей. Услыша топотъ, къ намъ вышелъ подслѣпый лакей со свѣчкой и, мигая вѣками, старался освѣтить двѣ ступеньки крылечка подъ соломенной крышкой.

При входѣ въ первую комнату изъ скверной, вонючей и сорной передней, мы тотчасъ были пожалованы въ званіе друзей Петра Ивановича и расцѣловавшись съ нимъ какъ подобало, вступили въ слѣдующую комнату, игравшую роль гостиной, потому что въ ней обрѣтался ситцевый диванъ, нѣсколько креселъ и стояло въ углу старинное, необыкновенной формы фортепьяно, съ оваломъ на спинѣ и круглыми боками, очень походившее на супоросную свинью.

— Вотъ, тутъ, господа, пожалуйте... Графъ, прошу садиться, а я вотъ вамъ, тотчасъ жену, тово... чаю... Эй! Каролина, выходи! чаю господамъ... Ком-гиръ! крикнулъ онъ, громко стуча кулакомъ вь дверь. Да вы не хотите-ли, тово... передъ чаемъ пройдтись по водкѣ, лучше... А, вотъ она; рекомендую, графъ..! да! вы уже знакомы... вотъ, господа, рекомендую, моя жена.

только, вы съ нею не очень-то... просто, этакъ, тово, она глуха — чортъ, не знаю чѣмъ лечить... русскія лекарства не дѣйствуютъ... Вы, пожалуйста, не церемоньтесь съ ней... Каролина, чаю господамъ... Тей! тей! крикнулъ Петръ Ивановичъ, выдѣлалъ рукой какъ наливаютъ чай и убѣжалъ.

Пока это говорилось и показывалось, между нами, медленно отворя дверь, еще медленнѣе появилась молодая дама съ завязанной щекой, въ опрятномъ сѣренькомъ капотѣ изъ полутерно; въ то время, какъ мужъ выкрикивалъ у нея надъ ухомъ: тей! она успѣла выдѣлать два книксена и, по исчезновеніи Петра Ивановича, молча сѣла въ ближайшія кресла: въ черныхъ, прекрасныхъ глазахъ ея свѣтилась какая-то робость, сиротливость; на блѣдномъ, кроткомъ, чисто нѣмецкаго типа лицѣ была замѣтна грусть, а глядя на тощую грудь и руки этой женщины, нельзя было сомнѣваться, что у нея до крайности потрясены и разслаблены нервы.

Кое-какъ откланявшись, мы тоже начали усаживаться гдѣ попало; графъ помѣстился ближе и, какъ знакомый, первый вступилъ въ разговоръ.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ довольно громко.

— Ваше зіятелство на акотъ? отвѣчала Каролина Ѳедоровна.

Въ такомъ родѣ длился у нея разговоръ съ Атукаевымъ около четверти часа; наконецъ, я подошелъ какъ можно ближе и сказалъ довольно громко по-нѣмецки:

— Вы вѣрно скучаете, живя постоянно въ деревнѣ?

— Мои родные въ Карлсруэ, отвѣчала она и грустно улыбнулась.

— Вы любите чтеніе? спросилъ я еще громче.

— У моего мужа умерли всѣ собаки, было отвѣтомъ.

Я снова сѣлъ на мѣсто.

Вошелъ Трутневъ и не обращая вниманія на Каролину Ѳедоровну, пустился въ розсказни.

— Что, вамъ, я полагаю, скучно, ваше сіятельство? Тутъ, тово....

— Нѣтъ. Только жаль, что вотъ наша дама затрудняется въ отвѣтахъ. Прежде она слышала хорошо.

— Представьте, это Петръ Ивановичъ ее оглушилъ... Когда онъ бываетъ подъ гулькомъ, такъ знаете, этакъ, ему вздумается тово, по праву супружества... Одинъ разъ, какъ-то въ сердцахъ, по головѣ, тово... ну и оглохла. Изъ синяковъ не выходитъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.

Каролина Өедоровна слѣдила за выраженіемъ лица Трутнева и, полагая, что онъ разсказываетъ намъ очень смѣшную исторію, весело улыбалась.

Я вскочилъ, самъ не зная по какой причинѣ, съ мѣста и вышелъ въ другую комнату.

Петръ Ивановичъ, преобразившись изъ яргака въ архалухъ, бѣгалъ по комнатамъ, выскакивалъ на крыльцо, кричалъ, бранился и торопилъ прислугу, отдавая каждому по пяти самыхъ разнорѣчивыхъ приказаній. Между прочимъ, я слышалъ часто произносимыя имъ имена: Ганьки и Мотрюшки.

— Ну, что, сказалъ? спросилъ онъ, поймавши за воротъ бѣжавшаго черезъ залъ рыжаго, съ веснушками, въ сѣромъ казакинѣ мальчика.

— Сказалъ.

— И Ганькѣ сказалъ?

— Сказалъ.

— И Мотрюшкѣ?

— Сказалъ.

— Да, ты, дуракъ, ты бы Ганькѣ сказалъ, чтобъ она тово... а Мотрюшкѣ, чтобъ она это... понимаешь? Сарафанъ, дуракъ, бѣги, скажи опять-молъ, въ сарафанахъ и ткача сюда .. А ты куда? накинулся онъ на подслѣпаго лакея.

— Дуракъ! Я сказалъ, чтобъ столъ, тово, карты и все такое, въ кабинетъ...

— Да я бѣгу по вашему приказу, чтобъ ключника послать, овса добыть, овса нѣтути....

— Дуракъ, тебѣ говорять—карты! понимаешь? въ кабинетъ, ты — столъ тамъ, чтобъ и все этакое....

И Петръ Ивановичъ влетѣлъ въ гостиную.

— Чтожъ, чаю о сю пору? Чаю! Что ты тутъ разсѣлась! грибъ нѣмецкій! Тей! тей! крикнулъ онъ, дергая жену за плечо. Блѣдная, растерянная, она робко взглянула ему въ лицо, и по направленію руки Петра Ивановича вышла въ дверь.

— Друзя мои! Графъ! Ваше сіятельство! Не поскучайте, пожалуйста; извините, я сейчасъ.... Только, вотъ, на счетъ пѣвчихъ....

И Петръ Ивановичъ снова исчезъ.

Не смотря на это громкое — тей! чая намъ вовсе не дали, и Петръ Ивановичъ больше не вспоминалъ объ этомъ; Каролина Өедоровна, тоже, словно въ воду канула и больше къ намъ не появлялась.

Оставшись въ троемъ, мы принялись разсуждать о скачкѣ Карая; такъ прошло около получаса; въ это время я увидѣлъ, какъ Петръ Ивановичъ, подкравшись на цыпочкахъ къ нашей двери, тихо притворилъ обѣ половинки; вслѣдъ за тѣмъ, мы услышали топотъ и установку въ залѣ, кое-кто покашливалъ и пересмѣивался; наконецъ, дверь распахнулась снова и Петръ Ивановичъ появился къ намъ съ довольнымъ лицомъ.

— Неугодно-ли, господа, сказалъ онъ какъ-то торжественно и, обратясь къ двери, хлопнулъ въ ладоши.

Съ этимъ сигналомъ, въ сосѣдней комнатѣ разразился неистовый крикъ. Я не помню, какъ я очутился тамъ: толпа деревенскихъ бабъ, подъ управленіемъ ткача, горланила какую-то вступательную пѣсню, звуки которой какъ-то лопались въ ушахъ. Наконецъ, при появленіи графа и Бацова изъ гостиной, а Трутнева съ Бакенбардами изъ кабинета, двѣ бабы, разряженныя въ китайчатые съ мишурной оторочкой сарафаны и самъ ткачъ съ его необыкновеннымъ инструментомъ, отдѣлились отъ сонмища и начали какую-то мордовскую пляску подъ припѣвъ хора:

«Ахвицеръ, ахвицеръ, ахвицерикъ молодой!
Ахвицерикъ молодой,
Подъ нимъ коникъ воронои:
Конь копытомъ землю бьетъ, а дѣвица слезы льетъ!»

Ганька и Мотрюха откидали непостижимыя колѣнца, а ткачъ трещалъ подъ пѣсню хора на своемъ неслыханномъ инструментѣ. Инструментъ этотъ былъ ни что иное, какъ тупейный гребешокъ съ придѣланной къ нему какъ-то бумажкой.

«Ну, Каролина Өедоровна знала для чего оглохла,» думалъ я, слушая этотъ *гвалтъ*.

Не такъ онъ дѣйствовалъ на Петра Ивановича: упоеніе его было, какъ видно, безгранично; онъ и шевелилъ плечами, и выступалъ козыремъ, и засучивалъ рукава, и притопывалъ, и прищелкивалъ и, наконецъ, что всего хуже, кажется, окончательно забылъ о насъ грѣшныхъ. Трутневъ тоже началъ понемногу увлекаться этимъ зыкомъ; г. Бакенбарды держалъ себя гордо и степенно, хотя и можно было поручиться, что не будь тутъ этотъ Monsieur le comte, онъ непремѣнно закружился-бы въ общемъ водоворотѣ.

Мы вернулись въ гостиную и начали со смѣхомъ и досадой пополамъ высказывать каждый свое мнѣніе о беззаконномъ на-

шемъ арестѣ. Бацовъ въ особенности выражался на счетъ этого очень ѣдко и убѣдительно, но все его краснорѣчіе заканчивалось общимъ и дружнымъ между нами смѣхомъ и едва мы съумѣли-бы придумать что-нибудь для своего избавленія, еслибъ не слѣдующій случай:

Неизвѣстно откуда появился передъ нами камердинеръ Атукаева съ весьма недовольнымъ видомъ и произнесъ на первый разъ очень простую, но до крайности вразумительную фразу:

— Ваше сіятельство! Какъ вамъ будетъ угодно, а ночевать тутъ не приходится.

— А что?

— Помилосердуйте.... Лошади у насъ не отпряжены и стоятъ безъ корма. Собаки о сю пору на дворѣ, подъ дождемъ: пріюту никакого.... Въ конюшнѣ, въ сараяхъ, вездѣ течь; все стоитъ не покрытое; поваръ, вишь, крыши изводитъ на плиту. Людямъ ѣсть нечего и размѣститься негдѣ; у экипажей я поставилъ караулъ, того и гляди очистятъ!...

— Вотъ-тѣ разъ! Хотѣлъ угощать армію! проговорилъ графъ въ раздумьи. Неужели нѣтъ корму ни людямъ, ни лошадямъ?

— Точно такъ-съ. У нихъ и свои лошади третьи сутки овса не нюхали, а тутъ гдѣ-же взять на такое количество; сами изволите знать: у насъ не десять лошадей! Да, вотъ, для васъ тоже кушать о сю пору не готовятъ. Дворовые бѣгали на село куръ да яица собирать: мужики ихъ приняли въ колья; тамъ драка, безобразіе, пьянство, крикъ.... А дворня-то — всѣ воръ на ворѣ, у своихъ тащитъ изъ-подъ замка.... помилуй Богъ, бѣды не оберешься!...

Прослушавъ это донесеніе, мы переглянулись въ разъ и громко, отъ души захохотали.

Отнеся этотъ смѣхъ не счетъ сочувствія нашего общему веселью, Петръ Ивановичъ влетѣлъ въ гостиную козыремъ, выдѣлалъ колѣнце и заключилъ меня перваго въ объятія, но Матрюха выручила остальныхъ отъ этой мялки. Появившись съ припляской передъ Петромъ Ивановичемъ и маня его къ себѣ руками, она припѣвала въ тактъ; «О-охъ, кости болятъ! Всѣ суставы говорятъ» и т. д. — Геній, а не женщина! крикнулъ тотъ и умчался за своей дамой, припѣвая: ходи разъ, ходи два! и т. далѣе.

— И прекрасно, началъ Атакуевъ, обдумавши тѣмъ временемъ, свой планъ:—вели людямъ собраться какъ можно тише и

тронуться въ разъ со двора; лошадей нашихъ держать на готовѣ, а Петрушчика дать сюда: пусть его веселится сколько душѣ угодно; мы его, господа, употребимъ вмѣсто громоотвода и отдадимъ на жертву, а сами улизнемъ отъ сюда.... Ступай-же и обдѣлай все, какъ можно аккуратнѣе.“

— Слушаю.

И обрадованый Артамонъ Никитичъ, заговаривая и заигрывая съ бабами, ловко добрался до передней.

Его мѣсто въ гостиной замѣнилъ г. Бакенберды.

— А мусье ле контъ! началъ онъ. Же ву ле фелиситъ авекъ дю бьенъ э-три гранъ плезиръ!

Злодѣй! такъ и видно было по лицу, какъ долго онъ мучился надъ постройкою этой необыкновенной фразы.

— Чтожъ, намъ тутъ очень весело, сказалъ графъ по-русски, глядя на меня такъ убійственно, что я чуть не лопнулъ, подобно ракетѣ, отъ усилія не разразиться смѣхомъ.

— Но, мнѣ, признаться, это всегдашнее тужуръ пердри надоѣло, проговорилъ Бакенбарды и, à la Чайдъ-Гарольдъ, помѣстился возлѣ меня въ креслахъ.

— Къ тому-же вамъ для занятія досталась такая дама, которая ничего не слышитъ: хоть стрѣляй! началъ онъ, относясь ко мнѣ.

— Да, жаль.... промолвилъ я, кусая свою губу. — Давно она потеряла слухъ?

Вотъ, съ великаго поста.... Это муженекъ ее оглушилъ. Вздумалъ стучать объ эту печку и еслибъ я не случился тутъ.... да что и говорить, когда-нибудь онъ-таки ее доканаетъ.... мѣсяца три голова у нея была настоящая подушка.... Да, вотъ, и старшая дочь, вы не видали ее? сдѣлалась уродомъ, должно быть по его милости: теперь у нея ростетъ горбокъ....

И замѣтя наше расположеніе слушать, г. Бакенбарды пошелъ дальше. Изъ его длиннаго повѣствованія, за исключеніемъ французскихъ фразъ, мы уразумѣли слѣдующее:

Оставшись послѣ родителей подесятому году, Петръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ меньшой сестрой своей, попалъ на воспитаніе къ бабушкѣ, женщинѣ извѣстной въ околоткѣ по богатству и гордому характеру. Въ семнадцать лѣтъ Петръ Ивановичъ возъимѣлъ рѣшительное намѣреніе прицѣпить къ боку саблю. Черезъ десять лѣтъ службы въ гусарскомъ полку, онъ явился на родину, съ отставкой въ карманѣ и съ полнымъ запасомъ антигусарскаго удальства. Поселясь въ отцовскомъ большомъ и пре-

красно устроенномъ имѣніи, котораго, прибавимъ въ скобкахъ, теперь не осталось и половины, Петръ Ивановичъ часто навѣщалъ бабушку и не замедлилъ тамъ влюбиться въ компаньонку своей сестры, то есть въ Каролину Ѳедоровну. Освѣдомясь объ этомъ, бабушка вскипятилась и чуть не отодрала розгами поручика Петрушку; но Петрушка былъ гусаръ и страстный поклонникъ сатисфакціи: зная на вѣрное, что бабушка его никакъ не согласится стать на барьеръ, или такъ называемую *благородную дистанцію*, онъ придумалъ задать ей сатисфакцію другаго рода: забрался къ ней въ садъ и, лежа подъ кустомъ, выждалъ время, когда хорошенькая нѣмочка, по обычаю, вышла помечтать. Увидѣвши предметъ своей любви и сатисфакціи, Петръ Ивановичъ накинулся на нее какъ Бедуинъ, заткнулъ ей глотку носовымъ платкомъ, схватилъ ее подъ мышку à la Малекъ-Адель въ свои владѣнія. Очутившись въ той самой гостиной, въ которой теперь шла у насъ рѣчь, Каролина Ѳедоровна увидѣла передъ собой Петра Ивановича, во-первыхъ, на колѣняхъ и съ гусарской клятвой на устахъ; во-вторыхъ, Петръ Ивановичъ взялъ предметъ своей сатисфакціи съ бабушкой подъ ручку и ввелъ его въ сосѣднюю комнату: тамъ сказалъ онъ ей: «*ву зетъ мейне либе фрау*», и кончилъ сатисфакцію съ бабушкой.

Черезъ два дня послѣ этого соблазнительнаго происшествія, пріѣхалъ предводитель съ дворянами и отобравши отъ бѣдной нѣмки и дворовыхъ людей показаніе, посовѣтовалъ Петру Ивановичу прекратить это дѣло и поберечь себя, а то, дескать, тутъ явится и бабушка и уголовная палата и проч. и проч. Вообразивъ, что все это дѣлается по проискамъ бабушки и желая «насолить» ей окончательно, Петръ Ивановичъ послалъ за приходскимъ священникомъ и, въ присутствіи трехъ благородныхъ свидѣтелей, прекратилъ уголовное дѣло въ самомъ его зародышѣ, а что всего лучше «утеръ носъ и палатѣ и бабушкѣ!»

Черезъ годъ послѣ этого, когда у Петра Ивановича родилась старшая его дочь, заботливый папаша, вообразивъ почему-то, что трусливѣе жидовъ и нѣмцевъ нѣтъ людей на свѣтѣ, вздумалъ вывѣтривать заранѣе изъ дѣвочки нѣмецкій духъ: схватя ребенка съ рукъ матери, онъ отнесъ его и положилъ въ ясли къ самому злому жеребцу и началъ его подхлестывать. Лошадь трясла головой, щулила уши и вздымалась на дыбы, а Каролина Ѳедоровна, растянувшись на полу, обнимала колѣни Петра Ивановича и кричала неистово. Вотъ уже пошелъ девятый годъ,

какъ Петръ Ивановичъ варьируетъ этотъ способъ на разные лады, для того, чтобы вывѣтрить изъ жены и двухъ дочерей своихъ — нѣмецкій духъ.

— А впрочемъ, — заключилъ г. Бакенбарды, — надо сказать, что за исключеніемъ этихъ маленькихъ шалостей, онъ, по истинѣ, благороднѣйшій человѣкъ и удивительный товарищъ! Сетюньомъ де комильфо! Мы съ нимъ вмѣстѣ служили.... Въ полку у насъ было общество необыкновенное — не то, что въ пѣхотѣ; всѣ мы говорили не иначе, какъ по-французски; Боже сохрани, по-русски! или высморкать носъ передъ фронтомъ, тотчасъ вызовутъ на дуэль!

Съ появленіемъ Хлюстикова, Петръ Ивановичъ пришелъ въ совершенную ражу, кинулся цѣловать Атукаева и доказывать, что онъ способенъ быть благороднѣйшимъ человѣкомъ и удивительнымъ товарищемъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ-бы въ награду намъ, выслалъ бабъ и велѣлъ накрыть столъ. Трудно передать, какая суета и давка пошла въ залѣ, гдѣ, чтобъ сберечь время для танцевъ, Петръ Ивановичъ шнырилъ безвыходно, торопилъ прислугу и надѣлялъ всѣхъ затрещинами. Между-тѣмъ, графъ подозвалъ Петрунчика и приказалъ ему пить какъ-можно-больше за ужиномъ и развлекать вниманіе Петра Ивановича.

Въ одиннадцать часовъ мы сѣли за столъ. Что это была за сервировка! У меня въ приборѣ не доставало ножа; г. Бакенбарды помѣстился за пустой тарелкой; Бацовъ стащилъ у Трутнева съ прибора салфетку. Наконецъ, появилось огромное, но единственное блюдо нарѣзанной кусками курятины, облитой какимъ-то желтоватымъ растворомъ. Курятина оказалась совершенно сырою. По-счастью, подъ столомъ очутилась борзая собака и пожирала кусокъ за кускомъ. Петрунчикъ велъ себя удивительно: перепивая и забавляя хозяина, онъ завладѣлъ имъ до того, что Петръ Ивановичъ обратилъ на насъ вниманіе только въ то время, когда, убѣдившись, что брошенные нами подъ столъ куски уничтожены, мы разомъ поднялись съ мѣстъ.

Въ гостиной между-тѣмъ появились три постели, приготовленныя для насъ во время ужина, а въ залъ, по снятіи стола, собралось бабъ въ двое больше прежняго и мы убѣдились, что протѣсниться къ выходу намъ не было возможности. Въ довершеніе удара, Бацовъ, осматривая постель, вздумалъ поднести свѣчу по-ближе къ дивану; онъ ахнулъ и подозвалъ насъ. Было отъ чего ахнуть: по всей обивкѣ дивана и на проточенныхъ обояхъ сидѣли въ три шеренги клопы.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! — крикнулъ энергически Лука Лукичъ и выбѣжалъ вонъ.

Мы боялись, что онъ, по-горячности, испортитъ дѣло наше въ конецъ. И точно, было близко къ тому, когда Бацовъ вернулся къ намъ, таща Бакенбарды за руку.

— Посмотрите, что это? — заговорилъ онъ, проводя свѣчкой вдоль дивана. — Это свинство, это подлость, наконецъ; затащить гостей насильно, не дать чашки чаю, кормить, чортъ знаетъ, чѣмъ, и послѣ, травить!... Это на смѣхъ, что-ли, онъ дѣлаетъ? — прибавилъ Лука Лукичъ, ставя свѣчку и сверкая глазами.

— Полно, Лука Лукичъ! приступили мы къ Бацову.

— Нѣтъ, этотъ мерзавецъ стоитъ пятисотъ нагаекъ, — крикнулъ Бацовъ, свирѣпѣя.

— Что-жъ тутъ, господа, — лепеталъ Бакенбарды, — домъ не мой, я былъ-бы радъ.... если-бъ.... да не знаю, какъ помочь....

— Оставь, Лука Лукичъ, — перебилъ Атукаевъ и обратился къ Бакенбардамъ. — Послушайте, — сказалъ онъ, — вы видите ясно, что въ этой берлогѣ остаться мы не можемъ. Помогите намъ, пожалуйста, выбраться отсюда такъ, чтобъ онъ не замѣтилъ этого....

— Очень-радъ, очень радъ; лошади у васъ готовы? Гдѣ онѣ? Я прикажу подавать.

— Какъ-же вы это сдѣлаете?

— Очень просто, ихъ подведутъ къ балкону; я притворю дверь въ залъ, вы выйдете въ эту дверь и....

— Представьте! — крикнули мы всѣ трое, глядя вопросительно другъ на друга. Передъ нами была дверь на балконъ и мы только теперь ее замѣтили.

Пока г. Бакенбарды хлопоталъ о лошадяхъ, мы успѣли подать знакъ Хлюстикову; тотъ, вмѣсто танцевъ, придумалъ водить хороводъ, окружилъ Петра Ивановича бабами и запѣлъ: «Дунай мой, Дунай, веселый Дунай!»

Явился Бакенбарды и получивъ отъ насъ, при рукожатьи, тройной титулъ: избавителя, благодѣтеля и еще чего-то, раскланялся съ достоинствомъ, повторилъ разъ пять: «бонъ нюи», и захлопнулъ дверь въ залу.

Съѣхавши по-тихоньку со двора, мы живо домчались до мѣста и очутились въ чистой и просторной крестьянской избѣ. Нужно-ли повторять, какими глазами смотрѣлъ я, изнуренный двухдневной безсонницей, на три приготовленныя для насъ по угламъ постели? но это увлеченіе было мелко въ сравненіи съ тѣмъ

громкимъ возгласомъ, какимъ привѣтствовали мы Артамона Никитича, представшаго намъ съ клокочущимъ самоваромъ въ рукахъ: «Тей! Тей!» крикнули мы, словно по командѣ, и смѣялись какъ дѣти, припоминая въ разбивку впечатлѣнія проведеннаго нами вечера.

За вторымъ стаканомъ чая я какъ-то прилегъ носомъ къ подушкѣ и.... «Тей! Тей!» крикнули два громкіе голоса у меня надъ ухомъ; я открылъ глаза, но это было уже въ десять часовъ утра. Графъ и Бацовъ хохотали, стоя у моей постели; на столѣ, по-прежнему, кипѣлъ самоваръ, а у порога стоялъ мой Игнатка.

III.

Мы у Стерлядкина. — Что такое Трутневъ? — Тревожная вѣсть. — Братовка. — Алексѣй Николаевичъ. — Племя волкодавовъ. — Разногласица. — Ѳеопенъ. — Выдержка гончихъ. — Отъѣздъ въ Чурюково.

Черезъ часъ явился Хлюстиковъ съ распухшимъ лицомъ и глазами, какъ у кролика; онъ прибылъ пѣшкомъ, разставшись съ своей компаніей на разсвѣтѣ дня, въ то время, когда Петръ Ивановичъ свалился на одну изъ приготовленныхъ для насъ постелей.

— Что-жъ ты такъ долго путешествовалъ, моя радость? спросилъ графъ.

— Гм, гм, мы на пути, этакъ — вздремнули.... «Вотъ на пути село большое», затянулъ-было Хлюстиковъ, но голосъ измѣнилъ ему. Графъ, ваше сіятельство! голубчикъ! прикажи Петрунчику рюмочку.... душу отвести; смерть, такъ вотъ и горитъ....

Нечего дѣлать: видя страданіе Петрунчика и твердое его обѣщаніе исправиться, поднесли ему рюмочку и сдали его Артамону Никитичу на-руки, для приведенія въ надлежащій человѣческій видъ. Тотъ свелъ его и уложилъ въ одну изъ брикъ. Между-тѣмъ, люди позавтракали, разсадили борзыхъ и стаю, впрягли лошадей и тронулись въ предстоявшій намъ далекій путь.

Въ полдень, при ясномъ солнечномъ небѣ и этой истомящей теплотѣ осенняго дня, мы сѣли въ открытую коляску и поѣхали на полныхъ рысяхъ. Прижавшись бокомъ къ мягкому кузову, я молча курилъ сигару и лѣниво глядѣлъ на бѣгущія мимо насъ грядки однообразныхъ полей; солнце свѣтило по-лѣтнему; по темной зелени перелѣсковъ игралъ подсохшій листъ, поблескивая

золотистыми искорками, словно рѣдкая сѣдина въ головѣ еще не устарѣвшаго человѣка; цѣпляясь концами за жниво, кругомъ насъ плавала длинная паутина: ее было столько, что издали, на припорѣ свѣта, поле было какъ-будто накрыто хрустальнымъ ковромъ; даль терялась кругомъ въ глубокомъ туманѣ; кой-гдѣ гуляло стадо по изложинамъ; курился дымокъ, двѣ-три бабы вертѣлись съ граблями по жниву, да стрепета свистѣли крыльями, перелетывая стаями съ пашни на пашню.

— Вотъ и бабье лѣто подошло, — проговорилъ наконецъ Лука Лукичъ, поймавъ летучее волокно паутины.

— Да, какъ-бы не пошло на сушь; тогда плохо! — прибавилъ Атукаевъ въ раздумьи.

(Не по душѣ это бабье лѣто псовому охотнику; ему съ руки — изгарь, прохолодь, частыя перемочки, сѣрые деньки....)

Спутники мои снова молчали, глядя по-моему въ даль; графъ, какъ казалось мнѣ, былъ озабоченъ какою-то неотвязною мыслью.

— Которое сегодня число? — спросилъ онъ послѣ изряднаго срока.

— Седьмое, ваше сіятельство! — отвѣчалъ Артамонъ Никитичъ, покачиваясь въ лакейскомъ мѣстечкѣ.

— Шутка, какъ летитъ время! Я боюсь, какъ-бы нашъ *заправляло* не тронулся безъ насъ. Мы два дня просрочили.

— Да, я самъ только-что объ этомъ думалъ, — прибавилъ Бацовъ.

— Не извольте сумлеваться, ваше сіятельство; Алексѣй Николаевичъ не тронутся безъ насъ, для-того, что ужь если они дадутъ слово, такъ можно сказать, что навѣрное.... — возразилъ успокоительно Артамонъ Никитичъ.

Больше, кажется, и не было рѣчей во всю дорогу. Въ два часа мы подъѣхали къ дому Степана Петровича Стерлядкина. Кругомъ надворное строеніе и вообще вся усадьба поблескивала на манеръ тѣхъ яркихъ пейзажей, какіе малюютъ продавцы игрушекъ на дѣтскихъ складныхъ картинкахъ. Все было уравнено, подсажено, подновлено, подкрашено; даже въ саду, какъ я увидѣлъ послѣ, въ концѣ аллеи, упиравшей въ простой частоколъ, была дощатая стѣна съ намалеваннымъ на ней какимъ-то фантастическимъ за̀мкомъ, съ моремъ, съ кораблемъ и скалами, на которые было потрачено не менѣе полупуда охры. Хозяинъ радушно встрѣтилъ насъ на верхней ступенькѣ крыльца и проводилъ въ домъ, гдѣ стоялъ уже накрытый столъ. Въ гостиной, за зеленымъ столикомъ, трудились четверо обще-знакомыхъ

намъ сосѣдей: они *добивали* пульку — по маленькой. Стерлядкина чествуютъ вообще какъ стараго холостяка и хлѣбосола, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимаютъ его какъ человѣка, который «молотитъ на обухѣ рожь» и говорятъ, что у него каждая копейка прибита алтыннымъ гвоздемъ. Тутъ, какъ кажется, дѣло не обходится безъ зависти, потому-что Степанъ Петровичъ, какъ человѣкъ «пѣчный», скопилъ порядочный капиталъ и всѣ тѣ, которые трактуютъ его скопидомомъ и свалыгой за глаза, большею частью держатъ себя на — «придите поклонимся» и только люди независимые, на манеръ Бацова, обходятся съ нимъ запросто.

— Ну, Лука Лукичъ, поздравляю. Слышали мы, какъ Карай, тово... отлично! отлично! Можно чести приписать! басилъ одинъ изъ игроковъ, протягивая черезъ столъ пятифунтовую мягкую кисть къ Бацову.

— Да отъ кого вы слышали?

— А вотъ, Степанъ Петровичъ, не нахвалится; просто, чудо что, говоритъ...

— Совсѣмъ не то я вамъ говорилъ, господа, перебилъ Стерлядкинъ, подмигнувъ намъ глазомъ. Я и теперь готовъ повторить мои слова: Карай, точно, собака надежная, и будетъ со временемъ скакать порядочно, когда сложится, потому что вчера онъ ни на пядь не отставалъ отъ Азарнаго. Неправда-ли, графъ?

— Да, я видѣлъ... началъ Атукаевъ.

— Пустяки, господа! этимъ вы меня теперь не взбѣлените; а ты, говори-ка дѣло, а не юли... возразилъ Бацовъ, бросая шапку на одно изъ креселъ.

— Да я и говорю тебѣ дѣло... Чтожъ, Карай, собака ладная и съ ногами; хочешь мѣнка? я готовъ, хоть на Азарнаго... и придачи немного возьму...

— У, щучья пасть! придачи! тоже суется съ Азарнымъ! Нѣтъ, ты, братъ, его теперь припрячь подальше, а то, пожалуй, и въ правду мыши хвостикъ отточатъ...

Подобные перекоры шли у нихъ до тѣхъ поръ, пока мы не усѣлись за трапезу. Спасибо Степану Петровичу, мастеръ кормить! а серебра на столѣ у него было видимо-невидимо: изъ двухъ вазъ по концамъ торчали засмоленныя горлушки бутылокъ. Ѣли всѣ исправно. Въ одномъ концѣ стола оставались прибора четыре незанятыхъ; кто-то обратилъ на это вниманіе.

— Да я полагалъ, что подъѣдутъ еще наши мелкотравчатые, отвѣчалъ хозяинъ.

Съ легкой руки Стерлядкина начался у насъ подробный раз-

сказъ о вчерашнемъ вечерѣ у Петра Ивановича; графъ говорилъ обо всемъ легко и шутя, но Лука Лукичъ, при воспоминаніи объ ужинѣ и клопахъ, и по поводу ихъ о Ганькѣ и Мотрюхѣ, а въ особенности о положеніи Каролины Өедоровны, сильно раздражался и говорилъ обо всемъ чуть не съ проклятіями.

— Нѣтъ, любезному племянничку, повершилъ Стеркядкинъ (Петръ Ивановичъ былъ ему съ родни), какъ видно, не миновать сумы, если онъ поведется дальше съ этимъ пройдохой. Извините, Андрей Васильевичъ, обратился онъ къ одному изъ гостей, я говорю о Трутневѣ: онъ вамъ какъ-то съ родни... Изъ пѣсни слова не выкинешь.

— Чтожъ, отвѣчалъ тотъ, противъ правды возражать нельзя. Притомъ-же вы сами знаете, что этотъ Трутневъ сидитъ у меня вотъ тутъ! Гость показалъ на затылокъ.

— Пустяки, вмѣшался Бацовъ. Никогда не повѣрю, чтобъ какой-нибудь Трутневъ заставилъ меня дѣлать то, что противно и совѣсти, и всему...

— Чудакъ! ты вотъ говоришь и горячишься, не зная дѣла! Да знаешь-ли, что Петру Ивановичу теперь остается дѣлать только то, что Трутневу угодно; онъ не смѣетъ безъ него шагу ступить. Трутневъ богаче его въ десятеро!

— Что ты мнѣ толкуешь! Пустяки, братъ; Трутнева состояніе я знаю... Давно-ли онъ ѣздилъ на колымажкѣ, въ нанковомъ сюртучкѣ и выпрашивалъ по пудикамъ, чтобъ кормить семью. И отецъ-то его былъ больше ничего, какъ однодворецъ: самъ пахалъ...

— Я это знаю не хуже тебя, да дѣло въ томъ, что Трутнева состояніе теперь не вогнешь и во сто-тысячъ!

— Какъ-же это могло случиться?

— Выходитъ, могло, коли случилось! А дѣло склеилось само по себѣ, безъ нашего вѣдома. Какъ вышелъ въ отставку мой чудо-юда (тогда онъ былъ все не то, что сталъ теперь), Трутневъ, вотъ, въ томъ самомъ сюртукѣ, что и тебѣ памятенъ, и шасть къ нему на дворъ... дескать «отставной корнетъ уланскій! по бѣдности, жену имѣю, трое дѣтей... осмѣливаюсь просить, что милость будетъ...» и т. д. Какъ! крикнулъ гусаръ, всплеснувъ руками, уланъ! кавалерія! (нашъ братъ-пѣхота, у нихъ ни почемъ!) прошу садиться! А тотъ, не будь дуракъ, вмѣсто стула, за гитару, да какъ хватитъ камаринскую и пошёлъ въ присядку... Черезъ часъ послѣ того, новые знакомые и братья по оружію обнялись, поцѣловались, собрали бабъ, и къ вечеру стали

друзья неразрывные... На утро, Трутневъ смекнувши въ чемъ дѣло, держалъ къ другу такую рѣчь: «есть, дескать у тебя, другъ, по сосѣдству со мной мельница; отдаешь ты ее мужику за три тысячи въ годъ; такъ не лучше-ли будетъ имѣть дѣло съ другомъ и благороднымъ человѣкомъ, чѣмъ съ какой-нибудь бородастой шельмой, у которой, дескать, никакихъ благородныхъ чувствъ въ наличности не имѣется... а я стану по третямъ вносить тебѣ ту-же сумму.» Какъ не пособить благородному человѣку? Ударили по-рукамъ — бороду долой и другъ сталъ арендаторомъ. Пришелъ срокъ, Трутневъ привозитъ за первую треть денежки, аккуратно, всѣ до копеечки... ну, тутъ, какъ водится, опять пляска, а тамъ раскрыли столъ; арендаторъ метнулъ направо — налѣво, и тысяча пошла назадъ въ нанковый карманъ, да мимоходомъ зацѣпила и за другую треть помола; за остальною поѣхалъ къ съемщику самъ хозяинъ и вмѣсто тысячи, получилъ три, а векселекъ выдалъ. Съ тѣхъ поръ повадился мой владѣлецъ навѣщать друга арендатора, да въ пять лѣтъ дописался до такой премудрости, что и на всю мелницу подмахнулъ закладную въ сорокъ тысячь! А вѣдь вы знаете сами, прибавилъ Стерлядкинъ, что при ней одного лугу полтараста десятинъ, да лѣсъ непочатой, Заикнись онъ мнѣ хоть словомъ, сейчасъ внесу на купчую пятьдесять тысячъ и буду въ барышахъ!

Всѣ слушали Стерлядкина, какъ говорится, разиня ротъ.

— А теперь слухъ носится, прибавилъ разскащикъ, что сверхъ закладной, онъ набралъ векселей еще тысячь на тридцать.

— Непонятно, однако-же, сказалъ Атукаевъ, какъ можно брать векселя, устроивать подобныя сдѣлки, безъ гроша, за-даромъ...

— Нѣтъ, оно, коли хотите, такъ вовсе не за-даромъ, а за-дѣло, — возразилъ Стерлядкинъ.

— Да какъ-же это? за какое дѣло?

— А вотъ за какое: выслушайте и согласитесь, что Трутневу не за-даромъ достаются эти векселя и закладныя... Вотъ, недавно, по лѣту, вздумалъ мой мужичокъ продать выкормка-меренка. Лошадь, знаете, не хозяйственная, мужику не подходящая: въ соху слаба, борона тоже ей не подъ силу, а побѣжка на легкѣ, есть; не-то, чтобъ иноходь, а такъ, трепачокъ; откуда ни возмись Трутневъ, бацъ, бацъ, по рукамъ: за сорокъ за пять станцилъ у мужика вислоухаго жеребенка, продержалъ недѣли двѣ на конюшнѣ, подчистилъ, подстригъ ушки, расчесалъ гривку, запрягъ въ бѣговые, да и пахнулъ къ другу подъ крыльцо:

тотъ, какъ взглянулъ на *казанскаго иноходца* и разинулъ ротъ... Какъ вы думаете, на чемъ покончили? спросилъ Стерлядкинъ.

Мы всѣ молча и вопросительно взглянули ему въ лицо.

— Взялъ онъ у друга коренную-битюка, лошадь рублей въ двѣсти, пролетки московскія въ шести-стахъ на ассигнаціи, да вексселекъ въ триста цѣлковыхъ: теперь вѣдь на ассигнаціи векселей не пишутъ! Вотъ и говорите — даромъ: анъ не даромъ! Такъ, вотъ, и во всемъ...

Стерлядкинъ, какъ видно, хотѣлъ продолжать, но остановился и началъ вслушиваться; мы тоже обратили головы къ окну: оказалось, что на дворъ въѣзжали наши охотники. Степанъ Петровичъ тотчасъ началъ отдавать приказаніе человѣку, какъ размѣстить обозъ и охоту. Вскорѣ затѣмъ, безъ зова и доклада, появился у двери плотный дѣтина, въ синей черкескѣ съ патронами на груди; въ одной рукѣ держалъ онъ косматую шапку, а въ другой письмо.

— А? Аѳанасій! Здравствуй! Какъ ты попалъ сюда? заговорилъ графъ къ вошедшему.

— Алексѣй Николаевичъ приказали кланяться и просятъ поспѣшить, сказалъ Аѳанасій, подноcя письмо графу.

— Какъ-же ты узналъ, что я здѣсь?

— Я было ѣхалъ въ Клинское, да версты за четыре отсюда встрѣлъ охоту вашего сіятельства...

Атукаевъ углубился въ чтеніе, но не конча всего письма, бросилъ его на столъ и обратился къ намъ съ досадой: — ну, вотъ вамъ и новость, господа! Жигуновы съ компаніей ѣдутъ на наши мѣста! Ну, что это за народъ! Цунятники... дѣла не дѣлаютъ, а другимъ портятъ! Вотъ, читайте, продолжалъ онъ, кидая письмо черезъ столъ.

Я схватилъ и прочелъ въ слухъ слѣдующее:

«По обѣщанію твоему, я ждалъ тебя весь день пятаго, и не дождавшись, сегодня въ ночь посылаю нарочнаго. Поспѣши пожалуйста, какъ можно скорѣе, потому что дальше пятницы я ждать не могу и тронусь, чтобъ захватить по дорогѣ ближайшія отозванныя мѣста въ Чурюковѣ, Бокинѣ и дальше. Вотъ еще новость: я узналъ навѣрное, что Жигуновы съ компаніей идутъ на наши лисьи Новохоперскія мѣста. Если вы не поспѣете ко мнѣ въ Братовку раньше десятаго, то идите прямо къ Чурюкову, гдѣ я буду стоять па крови, или въ Бокино на передохъ, гдѣ стану поджидать васъ.» «Твой и проч.

Алексѣй Алѣевъ.»

— Вотъ вамъ и радость! прибавилъ графъ сердито.

— Ну, это еще дѣло не страшное, возразилъ Стерлядкинъ. Развѣ это охота! это сбродъ мелкоты, вотъ, въ родѣ Трутнева и насъ грѣшныхъ... Тамъ сколько собакъ, столько и господъ!

— И точно, ваше сіятельство, безпокоиться тутъ не о чемъ, прибавилъ Аѳанасій увѣрительно: — объ Жигуновской охотѣ и поминать грѣшно: собаки—цуньки, полуборзики... Прошлый годъ мы прослышали въ Грайворонѣ объ лисицахъ... подходимъ къ острову, а Жигуновы ужь тутъ: порсканье такое идетъ... Мы скружили стаю, слушаемъ: тявъ, тявъ! съ тѣмъ и вызвали! а сами глядятъ на насъ... Мнѣ Алексѣй Николаевичъ изволилъ приказать осмотрѣть ихнюю стаю: нѣтъ-ли съ затёкомъ; вотъ, я, этакъ, подъѣхалъ, оглядываю... Тутъ самъ баринъ ихній: чей человѣкъ? говоритъ. Такъ и такъ, молъ, сударь, посланъ осмотрѣть собакъ, нѣтъ-ли, дескать, какого сумленія, (извѣстно, на счетъ чумы) хотимъ, молъ, метать своихъ гончихъ...—Кланяйся, говоритъ, Алексѣю Николаевичу и доложи, молъ, что чумы у меня нѣтъ, да и лисицъ въ островѣ не найдете: моихъ только что вызвали. Ну, такъ и доложилъ... Вздоръ! изволилъ сказать нашъ баринъ. Мечи! говоритъ ловчему... Какъ заровнялся нашъ Ѳеопенъ! только что прошелъ опушку, варомъ заварила стая... слышимъ, рогъ, другой! Пятерыхъ къ намъ на щипцѣ и вынесли, тутъ, при ихнихъ-же глазахъ и вторичили всѣхъ... Баринъ-то Жигулинъ, говоритъ, перчатки изорвалъ, глядя на насъ...

— Отъ кого-же узналъ Алексѣй Николаевичъ, что они ѣдутъ въ наши мѣста?

— Ловчій нашъ Ѳеопенъ ѣздилъ на отзывъ, такъ, вишь, козловскіе купцы ночевали съ нимъ, тѣ сказывали, говорятъ, навѣрное. А волковъ что у насъ отозвано, ваше сіятельство! такъ, въ пору, хоть-бы и въ отъѣзжее не трогаться; во всю осень, кажется, не перетравитъ, и на пороши хватитъ...

— Ну, что будетъ, то будетъ, сказалъ графъ, въ раздумьи. Надо ѣхать, господа. Ты съ нами, Степанъ Петровичъ?

— Да, ужь такъ условлено... Придется промять старыя кости.

— Такъ вотъ что, Аѳанасій, ты останься тутъ до утра, а завтра пойдешь съ охотой вмѣстѣ... мои плохо знаютъ дорогу; а мы съ вечера вышлемъ подставныхъ лошадей, и къ обѣду, какъ разъ, въ Братовкѣ.

— Слушаю.

— Степанъ Петровичъ! уложи же насъ, пожалуйста, нынче

пораньше, а завтра и самъ пошевеливайся. Надо, въ самомъ дѣлѣ, поспѣшить.

Послѣ обѣда гости разъѣхались. Къ Степану Петровичу начали являться—старосты, гуменщикъ, ключникъ и прочій людъ, для выслушанія его распоряженій. Мы закурили сигары и отправились въ садъ, гдѣ между прочимъ видѣли и помянутую уже картину. Когда мы вернулись назадъ, Степана Петровича уже не было въ домѣ, онъ стоялъ у дверей одной изъ кладовыхъ: тамъ при немъ отщитывали окорока, отвѣшивали муку и разную поварскую провизію; мы пошли туда и были свидѣтелями слѣдующей сцены:

За спиной у Стерлядкина стоялъ бѣлокурый, съ живыми глазами, миловидный мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, въ зеленомъ ототничьемъ казакинѣ; онъ всхлипывалъ и утиралъ рукавомъ слезы. Услыша этотъ плачъ, Стерлядкинъ обернулся и произнесъ полусердито и наставительно:

— Пошелъ, пошелъ, говорятъ тебѣ; еще расхныкался тутъ! Другой-бы радъ былъ, что оставляютъ его дома, на печкѣ... Что, за тобой няньку, что-ли, возить? Ты разсуди, вѣдь это не въ Осоргино хлопунцомъ прокатиться... тутъ, братъ, осень на сѣдлѣ сидѣть... чичеръ захватитъ, разнеможешься... куда тебя дѣвать? Притомъ-же, въ охотѣ что будешь дѣлать? волка отродясь не травливалъ, лисицы въ глаза не видалъ...

— Помилосердуйте, сударь... Чтожъ я опосля того за человѣкъ выхожу... Когдажъ я долженъ научиться? выходитъ, мнѣ и вѣкъ изъ хлопунцовъ не выдти!... а вотъ, прикажи только, я лучше старыхъ балбесовъ управлюсь съ дѣломъ...

— О чемъ онъ хлопочетъ? спросилъ графъ.

— Да вотъ, дуракъ, оставляю дома, при молодыхъ, такъ нѣтъ, возьми его, въ отъѣзжее! Тоже охотника корчитъ... возьми, а тамъ и няньчись съ нимъ! Онъ думаетъ, что это легкое дѣло, домашнее...

— Батюшка, ваше сіятельство! заступитесь... нечто, я ужь такъ, не человѣкъ... приступилъ мальчикъ.

Кое-какъ общими силами склонили Стерлядкина, онъ согласился, примолвя: — смотри-же у меня, если ты только тамъ раскиснешь или лошадь подобьешь, я тебя тогда пѣшкомъ прогоню домой. Ступай, собирайся.

Обрадованный мальчикъ не находилъ какъ выразить свою радость, онъ поцѣловалъ руку Стерлядкина, поклонился намъ и побѣжалъ по двору въ припрыжку.

Вечеромъ мы долго не засиживали и напившись чая, часу въ десятомъ, разошлись по мѣстамъ, обѣщая каждый встать ранѣе другихъ; Стерлядкинъ слушалъ и подсмѣивался, и онъ былъ правъ, какъ оказалось на дѣлѣ: на утро, никто изъ насъ не думалъ еще открывать глазъ, какъ комната наша освѣтилась и въ ней появился человѣкъ съ подносомъ, а вслѣдъ за нимъ и самъ хозяинъ въ своемъ утреннемъ нарядѣ.

— Чтожъ, горячіе охотники, видно вы только на словахъ! Поднимайтесь-ка..:

Мы вскочили словно по командѣ, собрались живо и, въ свою очередь, начали торопить самаго Стерлядкина къ отъѣзду.

Чуть брезжилось, когда мы сѣли въ коляску и поскакали по ровной проселочной дорогѣ; смѣнивши въ полупути подставныхъ лошадей, мы, ровно въ полдень, очутились на широкомъ выгонѣ, отдѣлявшемъ большое село Братовку и господское гумно отъ усадьбы.

Миновавши конный дворъ съ конюшнями и высокимъ манежемъ и множество хозяйственныхъ новыхъ и прочно поставленныхъ строеній, мы подъѣхали дворомъ къ одному изъ флигелей, съ мезониномъ и балконами по обѣимъ сторонамъ, въ родѣ продолговатыхъ крытыхъ террасъ. Прямо противъ насъ стоялъ небольшой, довольно уже ветхій домъ, за которымъ раскидывался во всю ширину двора густой садъ, а надъ нимъ высился тонкій шпиль красивой колокольни и куполъ домовой церкви.

Поднявшись изъ маленькой передней по лѣстницѣ вверхъ, мы прошли двѣ небольшія комнаты и очутились въ рабочемъ кабинетѣ Алексѣя Николаевича Алѣева: письменный столъ, съ часами и бумагами, стоялъ по срединѣ, сафьянный диванъ, кушетка, нѣсколько креселъ, да коверъ во всю стѣну, густо увѣшанный ружьями, рогами, ошейниками, сворами, охотничьими ножами, кинжалами и проч., вотъ и вся немудрая обстановка этого обитателя.

— А вотъ и они! произнесъ Алексѣй Николаевичъ двумъ своимъ собесѣдникамъ, завидя насъ изъ другой комнаты и проворно поднимаясь къ намъ на встрѣчу.

— Здравствуй, кумъ ты мой любезный! запѣлъ графъ, переступая порогъ.

— Ну, заждались... только что объ васъ шла рѣчь... приговаривалъ хозяинъ, цѣлуя графа и Бацова. — Здравствуйте, Степанъ Петровичъ; очень радъ... и вы съ нами?

— А вотъ, братъ, рекомендую... перебилъ графъ, показы-

вая на меня. Это еще ружейникъ... отщепенецъ... да мы его втравимъ въ дѣло!

Мы пожали другъ-другу руки и размѣнялись обычными привѣтствіями.

Алѣевъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, довольно высокаго роста, худощавый, мускулистый, бодрый, съ открытою рѣзкою физіономіей, чистый типъ, такъ сказать, отшлифованнаго, выносившаго служаки кавалериста: голубые глаза его смотрѣли смѣло, открыто впередъ, а по очертаніи рта и подвижности лица при разговорѣ, въ немъ былъ замѣтенъ человѣкъ съ энергіей и рѣшительнымъ характеромъ. Есть люди такого склада, съ которыми встрѣтясь первый разъ въ жизни, послѣ двухъ, трехъ обыденныхъ фразъ, вы подчиняетесь невольному влеченію относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, открыто, прямо, безъ задней мысли — на распашку... къ этому подвигнуть всякаго могъ легко, съ разу Алексѣй Николаевичъ.

Кромѣ Алѣева, были тутъ еще два его собесѣдника: одинъ изъ нихъ, недальній сосѣдъ—охотникъ, мужчина еще моложавый съ лица, но съ совершенно бѣлой головой, другой, владимірецъ-охотникъ, прискакавшій сюда за восемь сотъ верстъ потѣшиться; онъ былъ постарѣе годами перваго, но коренастѣе, здоровѣе его, съ быстрыми пріемами и веселымъ характеромъ.

Трудно было прослѣдить весь ходъ разговора, который возникъ съ разу между охотниками, по случаю подвига Чауса; графъ описывалъ его безъ всякихъ прибавленій и охотничьихъ прикрасъ. но по увлеченію, съ какимъ онъ говорилъ о травлѣ *матераго,* можно было угадать въ немъ страстнаго охотника.

— Ну, очень радъ, что Чаусъ тебѣ служитъ, заключилъ Алѣевъ, да иначе и быть не могло: онъ отъ хорошаго гнѣзда; его однокорытники у меня работаютъ на славу.

— Да, спасибо, я доволенъ. А признайся, однакожъ, прибавилъ графъ, съ лукавой усмѣшкой, что порода въ немъ все-таки не прямая.... Я, братъ, самъ охотникъ и знаю, чего стоитъ выпустить кровную собаку изъ рукъ!

— Чегожъ тебѣ еще надо? Вѣдь я не продалъ же его, а подарилъ.... ты вѣдь знаешь моихъ собакъ и порода твоего Чауса тебѣ извѣстна.

— Да, оно такъ, а знаешь-ли, все какъ-то думается, нѣтъ-ли тутъ подмѣси?...

— Говорю-же тебѣ серьёзно, что онъ Пылаевой крови; да вотъ, справься, посмотри самъ: мать его убилась прошлый годъ

по зайцу, въ Астабенскихъ, она дочь Пылая, а отецъ, Ахидъ, вотъ что за Васильемъ рыщетъ; собака тоже кровная.... Ну а твой бѣлогрудый что подѣлываетъ? Теперь онъ погодовалъ. Какъ ему кличка? Карай что-ли? Я думаю, ужъ скачка видна? спросилъ Алѣевъ у Бацова.

— А вотъ-съ, неугодно-ли вамъ будетъ отнестись по принадлежности, къ почтеннѣйшему Степану Петровичу, они вамъ будутъ имѣть честь доложить, какъ ихъ дворянская совѣсть указуетъ, отвѣчалъ Бацовъ весело и самонадѣянно.

Тутъ снова завязался у насъ общій и самый оживленный разговоръ о скачкѣ Карая.

Ознакомившись и наговорившись вдоволь, мы въ два часа отправились всѣмъ обществомъ въ домъ къ обѣду. Боже мой, какой столина протягивался вдоль зала! Вокругъ него стояли и стулья обыкновенные, и креслы, и дѣтскіе стульчики на высокихъ ножкахъ. Раскланявшись въ гостинной съ хозяйкой дома, молодой, довольно полной блондинкой, съ живыми голубыми глазами, мы, чрезъ пять минутъ общаго разговора, оживленнаго присутствіемъ и находчивостью нашей веселой собесѣдницы, сдѣлались какъ-бы давно обитающими здѣсь членами одного семейства. Тѣмъ временемъ въ залъ и въ гостинную набралось такое множество разнохарактерныхъ лицъ, что у меня съ непривычки начало пестрѣть въ глазахъ: тутъ были и дядька, молчаливый, созерцательный, но довольно впрочемъ сытый нѣмецъ, и восхищенная своей таліей и прической гувернантка, и, грѣшнымъ дѣломъ, русскій учитель, и учитель музыки, крохотный полячокъ, съ носомъ, взятымъ на прокатъ у великана, и нѣсколько дамъ родственныхъ и неродственныхъ, живущихъ въ домѣ, такъ, «чтобъ жить»; а дѣтей набѣжало столько, что и не перечтешь: два сына и маленькая дочь, были дѣти собственно Алѣева, остальное все было—племянники, племянницы, воспитанники, воспитанницы, бѣдныя сироты и проч. Все это населеніе быстро размѣстилось вокругъ стола, а лакеи принялись повязывать имъ салфетки подъ бороды. Интересно было наблюдать, какъ всѣ члены этого шаловливаго общества старались вести себя за столомъ, какъ можно благочиннѣе, а между тѣмъ, пользуясь зѣвкомъ гувернантки и прочаго начальства, выдѣлывали разныя штучки.

Послѣ обѣда дѣти убѣжали въ садъ, а мы, съ сигарами и съ чашками кофе въ рукахъ, вышли и размѣстились на балконѣ.

— Не хотите-ли, я вамъ покажу своихъ молодыхъ? сказалъ Алѣевъ.

— Сдѣлай милость: я давно хотѣлъ предложить тебѣ.... да, ты, ужъ, пожалуйста, кажи намъ всѣ своры. Вотъ онъ посмотритъ, прибавилъ графъ, указывая на меня.

— Васька! обратился Алѣевъ къ коренастому молодому малому, съ красными одутлыми щеками и сонной рожей. — Вели охотникамъ вести сюда по сворно псарскихъ, а самъ съ Мишкой приведи впередъ молодыхъ. Я теперь пустилъ немного, всего-то одиннадцать, за то всѣ племенные, продолжалъ Алѣевъ.

Вскорѣ Васька и слѣдомъ за нимъ мальчикъ въ нанковомъ сюртукѣ привели на сворахъ одиннадцать молодыхъ собакъ; глядя на нихъ, трудно было вѣрить, что это щенки. Не знаю, что думали мои охотники, но я сознавалъ, что такой красоты, статей и роста собакъ вижу первый разъ въ жизни.

— Вотъ, звѣри! проговорилъ графъ, сходя съ балкона къ собакамъ.

— Сколько имъ? спросилъ Бацовъ, отправляясь вслѣдъ за Атукаевымъ.

— Восьмой мѣсяцъ.

— Заиркинымъ не будетъ; она выметала позднѣе, прибавилъ Васька, указывая на четырехъ половопѣгихъ.

— Ну, что тамъ, разница въ двухъ недѣляхъ, возразилъ Алѣевъ.—Вотъ, посмотри, Лука Лукичъ, пара, у Мишки на право, одинакіе съ загривинами; только и наслѣдства мнѣ отъ моего Дорогаго! Они отъ Лейды. Эти, вотъ, Заиркины; а тѣ, пятеро, отъ Вьюги и Поражая.

Графъ и Бацовъ обходили кругомъ и разсматривали собакъ съ такимъ вниманіемъ и увлеченіемъ, что я больше смотрѣлъ на нихъ, нежели на собакъ, отъ которыхъ дѣйствительно трудно было оторвать глазъ.

— Лучше ты мнѣ и не кажи этихъ цунекъ (повѣсъ, негодныхъ), сердце не будетъ болѣть.... проговорилъ графъ, отчаянно махнувъ рукой и пошелъ обратно на балконъ.

— А что? А кобели-то теперь будутъ безъ малаго аршинъ въ наклонѣ! прибавилъ Алѣевъ.

— Мы мѣряли съ Никитой: эти всѣ по тринадцати вершковъ, а этому вотъ, больше....

— Ну, ужъ ты все вымѣрялъ тамъ.... пошолъ прочь отсюда, проговорилъ Атукаевъ.

Васька самодовольно улыбнулся, подсвиснулъ и увелъ собакъ.

— А знаешь-ли, прибавилъ графъ, я скоро, кажется, перестану ѣздить къ тебѣ.

— Отчего?

— Да какъ сказать? не думаю, чтобъ зависть, что ли.... а такъ, какъ нагляжусь на твоихъ собакъ, на своихъ и глазу-бы не накидывалъ; такъ и подмываетъ перевѣшать всѣхъ до тла, да и забастовать....

— Помилуй, чегожъ ты хочешь еще? Давно-ли ты сталъ охотникомъ? Все бы разомъ! Нѣтъ, этого скоро не достигнешь.... Надо выжидать. Вотъ, вѣдь, добился же наконецъ: стая у тебя, хоть куда! Чегожъ еще желать! Ну, что, Соловей работаетъ?

— Да только, кажется, и собакъ, что Соловей да Кукла. Все же отъ твоихъ....

— Ну, вотъ и веди породу.

Тутъ человѣкъ десять охотниковъ, одѣтыхъ на манеръ Аѳанасья, въ синія черкески съ позументомъ и патронами на груди, привели по сворно своихъ собакъ. Всѣ мы сошли съ балкона и принялись разсматривать этихъ волкодавовъ, о которыхъ слава гремѣла во всѣ концы охотничьяго мірка, такъ-что коренной охотникъ владимірецъ или костромичъ, при встрѣчѣ съ своимъ братомъ воронежцемъ или тамбовцемъ, перечисляли поимянно охотниковъ и по сворно собакъ «братовской породы», и каждый желая возвысить достоинство собственной охоты, говорилъ: «вотъ мать моихъ собакъ, внучка Наяну», или «отецъ этихъ собакъ, сынъ Пылая и Юрги», прямо изъ Братовки!» Эту геральдику собачьей породы твердятъ охотники издавна, еще со временъ существованія дѣда и прадѣда Алѣева. Я засматривался больше на тѣхъ собакъ, у которыхъ были *цапины* и *хватки*, и обращался объ этомъ съ вопросомъ къ охотникамъ.... «Волкъ попятналъ», было общимъ отвѣтомъ.

— А вотъ, отецъ твоего Чауса, говорилъ между тѣмъ Алѣевъ, показывая на сѣропѣгаго кобеля въ сворѣ у охотника Василья. Вотъ мать твоего Карая, Лука Лукичъ, продолжалъ онъ къ Бацову; а отецъ его, «Крылатъ», рыщетъ за Аѳанасьемъ, его тутъ нѣтъ. Собака злобная; я надѣюсь, что Карай будетъ брать волка въ одиночку, и проч.

За псарскими, Васька, какъ стремянный, привелъ барскую свору: всѣ почти собаки были половопѣгіе, но какими глазами долженъ былъ смотрѣть на нихъ опытный и горячій охотникъ, я желалъ бы лучше спросить у него самаго, а не рисоваться на чужой счетъ въ выраженіи чуждыхъ мнѣ впечатлѣній. Между тѣмъ, пока мы обходили и разсматривали этихъ необыкновенныхъ собакъ, Алексѣй Николаевичъ разъяснялъ намъ ихъ по-

роду: — вотъ, это — Наградка, мать этой Запрки; а это — Награждай и Поражай, ея сыновья. Эти собаки чисто Наяновой крови. А эти, вотъ: Побѣдимъ, Лихачъ и вотъ эта, отъ Пылая.

— А эта? спросилъ я нетерпѣливо, гладя бѣлую какъ кипень, съ шелковистыми завитками и черными на выкатѣ, блестящими глазами собаку поразительной красоты.

— А, это — Аптекарша! отвѣчалъ Алѣевъ, смѣясь. Она будетъ двоюродная Наградкинымъ дѣтямъ; отецъ ее Масловской породы. Она скачетъ первую осень.... Вообразите, какую штуку она выкинула дней шесть тому назадъ. Въ Астабенскихъ вывели на меня гончія молодаго волчка; она вынеслась первая къ нему, на всѣхъ духахъ, да какъ понюхала—не тѣмъ пахнетъ! верть, да поджавши хвостъ ко мнѣ подъ лошадь!... Ну, теперь, господа, я вамъ покажу собаку, которая по истинѣ дивитъ меня самаго. Васька! приведи своего чернопѣгаго.

Ко всѣмъ впечатлѣніямъ, испытаннымъ нами при осмотрѣ прежнихъ собакъ, намъ оставалось бы прибавить не многое къ достоинствамъ чернопѣгаго, еслибъ Алексѣй Николаевичъ не объяснилъ нѣкоторыхъ подвиговъ этой удалой собаки. Васька одинъ, кажется, былъ недоволенъ холоднымъ разсказомъ своего барина о его любимцѣ, посредствомъ котораго онъ самъ началъ «выходить въ люди» въ кругу заслуженныхъ уже охотниковъ.

— А онъ долженъ быть золъ, сказалъ я, глядя на глаза чернопѣгаго, которыми онъ смотрѣлъ какъ-то непривѣтливо.

— Напротивъ, повершилъ Алѣевъ, смирнѣе его едва ли найдется теперь собака въ охотѣ и присворенъ удивительно; отъ стремени ни на шагъ.

Вечеромъ, во время чая, когда мы, простившись съ семействомъ Алѣева, ушли къ нему на верхъ и облеклись въ халаты, главные охотники принялись разсуждать о подробностяхъ начертаннаго заранѣе маршрута. Это для меня былъ въ высшей степени занимательный разговоръ, потому что мнѣніе Атукаева рѣзко расходилось съ мнѣніемъ большинства, на сторонѣ котораго былъ и Алѣевъ. Возникъ вопросъ: прямо ли идти намъ *въ степь* «на лисьи мѣста», или взять по пути мѣста трудныя, но вѣрныя, гдѣ было отозвано нѣсколько выводковъ волковъ ловчимъ Ѳеопсиомъ, за которые онъ ручался. Алексѣй Николаевичъ крѣпко стоялъ на томъ, чтобъ брать поле въ Чурюковѣ, гдѣ были подвыты и сосчитаны волки; графъ зналъ это мѣсто, но трусилъ его: онъ уже не разъ уходилъ оттуда *не видя шерстинки*, съ измученной стаей.

— Правду тебѣ скажу, по совѣсти, повторялъ онъ разъ до двухъ, я боюсь Чурюкова, какъ огня! Тутъ, мнѣ кажется, не справишься ни какими силами: мѣсто крѣпкое, уйма, разлетистое; тутъ мы ничего не сдѣлаемъ, изобьемъ собакъ, а время уйдетъ!

— Помилуйте, графъ, возражалъ тотъ: — Чурюкова бояться, лучше и охотникомъ не слыть. Я, третьяго года, въ одно поле взялъ оттуда девятнадцать, и въ томъ числѣ двухъ матерыхъ и шесть переярковъ, да прошлый годъ, проходомъ изъ Бокина, съ измученной стаей и подбитыми сворами, кинулъ по пути, и то добылъ шестерыхъ.... Скорѣе-же въ Бокинѣ не справишься безъ тенётъ, а тутъ, что...

Надо сказать, что подобная фраза въ устахъ другаго охотника была-бы чистое самохвальство, но въ устахъ Алѣева, это было больше ничто, какъ сама истина; о предметѣ этомъ онъ и говорилъ какъ бы мимоходомъ, по необходимости.

Бацовъ, Стерлядкинъ и Владимірецъ возстали общимъ бунтомъ противъ Атукаева и твердо держались мнѣнія Алексѣя Николаевича; всѣ они, какъ я замѣтилъ, жаждали скорѣе увидѣть въ дѣлѣ его стаю и ловчаго Ѳеопена, котораго слава была утвержена давно и окончательно. При томъ-же, травить матерыхъ волковъ одной псарской сварой, а при нуждѣ принимать изъ-подъ одной собаки, для многихъ казалось чѣмъ-то невѣроятнымъ.

— Ну, какъ знаешь тамъ.... повершилъ графъ. Ты, вѣдь, всему голова, и пословица говоритъ—куда голова, туда и ноги.... Я только, вотъ, на счетъ лисьихъ мѣстъ.... все боюсь, какъ-бы намъ не опоздать.

— Какъ ты это судишь, графъ? Да знаешь-ли, что намъ раньше октября въ тѣ мѣста носа совать не слѣдуетъ!... Вѣдь тамъ степь не нашей чета! Разлеть, соры, уборка поздняя (хлѣбовъ), время теплое, звѣрь не въ рыску. Пусть-ка эти господа, горяченькіе (говорятъ, уже полетѣли туда), попробуютъ.... увѣряю тебя, что они останутся безъ собакъ и вернутся ни съ чѣмъ; а мы возьмемъ обаполъ полей шесть славныхъ, выстоимся во время и, съ свѣжими собаками, явимся къ мѣсту.... И такъ рѣшено? Въ Чурюково?

— Въ Чурюково, крикнулъ Атакуевъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Ура! У-ра-а-а! Закричали мы разомъ такъ, что, кажется, стѣны дрогнули.

— А я-то, я-то? отецъ семерыхъ дѣтей! Изъ Владиміра въ Чурюково! прибавилъ Владимірецъ пискливымъ голосомъ, складывая крестообразно руки, и разсмѣшилъ всѣхъ.

— Вошли Аѳанасій и камердинеръ Атукаева.

— А вотъ и твои прибыли, сказалъ Алѣевъ. Аѳанасій вели же размѣстить охоту и накормить людей.

— Да вѣдь охоты моей тутъ нѣтъ; она въ Лозовкѣ....

— Какъ-же это? Отчето-же не сюда?

— Ну, нѣтъ, я себѣ не позволю этого, возразилъ Атукаевъ. Пусть ловчій посмотритъ, тогда и соединимся.... а то, въ случаѣ какого нибудь несчастья, да и лучше всѣхъ собакъ лишусь, чѣмъ сдѣлать непріятность; особенно тебѣ!

— Вотъ еще нѣжности! Вѣдь у тебя собаки здоровы?

Да, это такъ; только не наше дѣло! Пусть ловчіе тамъ какъ знаютъ 1).

На другой день утро мы провели въ манежѣ, гдѣ часа три продолжалась выводка лошадей, потомъ, по прежнему, отправились въ домъ къ обѣду, а часу въ четвертомъ послѣ обѣда уѣхали на псарный дворъ, смотрѣть гончихъ; для меня собственно интереснѣе было взглянуть на личность Алѣевскаго ловчаго Ѳеопена.

Околесивъ страшнаго размѣра господское гумно, мы спустились къ мостику, гдѣ, на омытомъ рѣчкой съ трехъ сторонъ бугрѣ, былъ устроенъ псарный дворъ.

— Гдѣ Ѳеопенъ? спросилъ Алѣевъ у выжлятника Пашки, попавшагося къ намъ навстрѣчу.

— Ушелъ въ проводку.

— Вотъ-те разъ! пріѣхали, а смотрѣть не на что. Ѳеопенъ-то стаю увелъ. Да скоро-ли онъ вернется?

— Запарка готова, отвѣчалъ Пашка. Сейчасъ станемъ кормить.

Отъ бездѣлья, я занялся разсматриваніемъ мѣстности; на право поле высокимъ гребнемъ тянулось надъ рѣкой въ даль и заканчивалось у села Никольскаго; на лѣво, въ верстѣ отъ насъ, у сельца Воскресенскаго, надъ берегомъ той-же рѣки, шумѣла красивая ольховая роща; кругомъ были луга, а сзади— Братовка.

---

1) Между охотниками настоящими, это правило должно быть соблюдаемо въ точности и лежать на отвѣтственности ловчихъ, потому что нѣтъ ничего легче привить чуму, какъ неосмотрительнымъ сообщеніемъ съ чужой неизвѣстной охотой.

— А вотъ и онъ, сказалъ Атукуевъ, указывая по направленію къ рощѣ.

И точно, Θеопенъ, незамѣтно для насъ, подошелъ берегомъ рѣки къ мостику: на немъ былъ помятый картузъ, синяя поддѣвка и длинные, выше колѣнъ, сапоги. Подъ мышкой онъ держалъ арапникъ, а за спиной у него висѣлъ большой длинный рогъ.

— Это онъ. Да гдѣ-же стая? спросили разомъ Стерлядкинъ и Бацовъ.

— Вѣрно бросилъ гдѣ-нибудь въ полѣ, отвѣчалъ Алѣевъ.

Между тѣмъ, Θеопенъ, увидя нашъ экипажъ, подошелъ къ кучеру, понюхалъ табаку, спросилъ что-то и той-же медленной стопой пошелъ къ намъ и снялъ шапку.

Здравствуй, Θеопенъ! крикнули графъ и Бацовъ.

— Здравія желаю.... изволили прибыть.... вотъ и хорошо.... Θеопенъ наклонился къ корыту и опробовалъ рукой налитую въ немъ запарку.

— Гдѣжъ твоя стая? спросилъ графъ.

— Да вонъ.... шишкинскихъ гусей стерегутъ. Давай сухари, прибавилъ онъ, обратясь къ Пашкѣ.

Графъ, Бацовъ и прочіе охотники въ недоумѣніи глядѣли другъ на друга. Гораздо послѣ я уразумѣлъ значеніе этой переглядки. Было отъ чего разинуть ротъ любому охотнику: ловчій уводитъ не сомкнутую стаю, за версту, за двѣ т. е. туда откуда слышенъ рогъ въ лѣсъ, въ поле, въ луга, гдѣ ходятъ гуси, пасутся овцы, мычатъ телята; крикнетъ онъ собакамъ: — стай-ѣсь! и стая скучилась, сжалась, усѣлась и глядитъ поднявши головы какъ, понюхивая табачокъ, ея пестунъ бредетъ одинъ до дому, и когда-то ему вздумается позвать въ рогъ своихъ послушныхъ дѣтокъ?... Сидятъ собаки, не шевелятся, ждутъ, а вокругъ нихъ столько жирныхъ, лакомыхъ блюдъ!... тамъ гусыня гогочетъ къ стаду, тутъ мычитъ телокъ.... Да! спросите у любаго ловчаго о подобной продѣлкѣ и онъ станетъ клясться, божиться, что тутъ дѣйствуетъ не человѣчья, а нечистая сила, а между-тѣмъ, у ловчаго Θеопена это дѣло будничное, урядовое; это его азбука — склады увидимъ послѣ.,..

Пашка принесъ полумѣрокъ сухарей; Θеопенъ разсыпалъ ихъ по корыту и размѣшалъ лопаткой, потомъ вскинулъ рогъ черезъ плечо и далъ позовъ. Съ этимъ звукомъ, роща огласилась визгомъ и стая безъ смычковъ помчалась къ мосту: охотники

паши пристально глядѣли на собакъ, я, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на ловчаго.

Дѣтина этотъ былъ лѣтъ сорока, роста средняго, плечистъ и крѣпокъ. Черными полуоткрытыми глазами своими глядѣлъ онъ ровно, устойчиво; глаза эти какъ-то лѣниво переходили съ предмета на предметъ. Говорилъ онъ плавно, съ отрывомъ, подумавши, какъ будто не-хотя. Длинный носина его былъ наглухо заколоченъ частыми понюшками кабаку, отчего Ѳеопенъ гнусилъ, произнося слова. Но какъ рѣзко, при всей этой неразвязности маперъ, неклейкости протяжной рѣчи, обозначался въ немъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ мудреныхъ людей, которые «себѣ-на умѣ», которые «не даютъ маха»!

Собаки скоро очутились на бугрѣ и усѣлись въ два ряда во кругъ корыта, въ такомъ отъ него резстояніи, что можно было между ними и корытомъ проѣхать на телегѣ. Ѳеопенъ снова взбуровилъ овсянку лопаткой, стукнулъ о край и крикнулъ: дбурцъ! собаки живо кинулись къ корыту и принялись лакать.

— Ну, Ѳеопенъ, ты колдунъ! сказалъ Атакуевъ.

— Чѣмъ это.... ваше сіягельство?

— Да какъ-же? Кому-жъ придетъ въ голову кинуть въ чужомъ поселкѣ, заглазно, разомкнутую стаю! Долго-ли до грѣха?

— М-м.... ничего-съ.... они привычны.... Стой! крикнулъ Ѳеопенъ собакамъ.

Собаки тѣмъ-же порядкомъ отскочили отъ корыта и выровнялись; Ѳеопенъ снова размѣшалъ овсянку.

— Дбруцъ!

Пиръ начался снова.

— Что, ваше сіятельство, собачки наши служатъ вамъ?

— Какъ-же. Соловей началъ стаю править.

— А голосами какъ?

— Тонкоголосы оба, онъ и Кукла.

— Гм.... этакой дряни и у насъ много....

— Ну, давай мѣнка, я двухъ толстоголосыхъ отдамъ за одного пискуна.

— На что-жъ.... не замай пищатъ....

— То-то: ты себѣ на умѣ.... Вотъ я-бы этихъ арлекиновъ пару взялъ.

— На что-жъ.... они и намъ годятся....

Въ такомъ родѣ длился у нихъ разговоръ, пока не вернулся

Алѣевъ съ псарнаго двора, куда онъ уходилъ съ Владимірцемъ осматривать молодыхъ гончихъ; онъ объявилъ Ѳеопену, на утро, въ десять часовъ, выступленіе.

— Слушаю. А куда идти думаете?

— Идемъ въ Чурюково.

— Слушаю.

Мы уѣхали.

На другой день, часу въ восьмомъ утра, охота наша въ полномъ составѣ пришла въ Братовку и въѣхала на дворъ довольно-парадно; Алѣевскіе охотники вышли на встрѣчу къ своимъ собратамъ, здоровались съ людьми и осматривали собакъ, послѣ чего обѣ партіи отправились въ одинъ изъ флигелей, гдѣ былъ приготовленъ для всѣхъ завтракъ. Начали выносить и укладывать наши пожитки; часа два времени прошли въ суетахъ и сборахъ; особенно на дворѣ было до крайности пестро и шумно. Я почти не отходилъ отъ окна и засматривался на эту разительную картину: тамъ, борзятникъ одѣлялъ недоѣденнымъ пирогомъ свою свору; тутъ, конюхъ отъѣзжающій перебранивался съ конюхами-домосѣдами за подмѣненный недоуздокъ; два обозничихъ разбивали на звѣнья огромный ворохъ тенетъ и укладывали счетомъ въ тенетную фуру; подлѣ нихъ, дворовая женщина, въ синемъ холстинковомъ платьѣ, въ бѣлой косынкѣ на плечахъ, совала сыну борзятнику двѣ чистыя сорочки и что-то съѣдобное, въ узелкѣ; тутъ, вострая борзая сучека вертѣлась кольцомъ передъ двумя волкодавами, а тѣ щулили уши и топали какъ индѣйскіе пѣтухи, съ поднятыми къ верху хвостами.... Наконецъ явился Алексѣй Николаевичъ въ полномъ нарядѣ и возвѣстилъ намъ минуту общаго подъема. Подпоясавшись черкесскими ремнями, съ сворами черезъ плечо и кинжалами у бока, мы всей компаніей вышли на крыльцо. Обѣ охоты были въ полной готовности къ выступленію. Охотники были одѣты легко и щеголевато, не смотря на походное свое положеніе; одинъ только Ѳеопенъ нарядился въ какой-то длинный балахонъ, въ которомъ онъ, съ своимъ носомъ и помятымъ козырькомъ, былъ похожъ на плѣннаго Турка.

Алѣевъ подалъ знакъ; двѣнадцать борзятниковъ сошлись въ кучу и съиграли свой позовъ: звуки были какъ-то торжественны, и грустны, и проницающи глубоко.... собаки взвыли и запрыгали; изъ дому высыпалъ народъ, и дѣти, и няньки, и дядьки, и куча зѣвакъ; все это глазѣло, слушало.... и вотъ, Ѳеопенъ взмостился на своего соловаго киргиза, снялъ шапку, перекрестился, под-

свиснулъ стаю и тронулся со двора; за стаей тронулась другая, потомъ пошли своры, за ними двинулся обозъ.... Мы ушли въ домъ: тамъ, на кругломъ столѣ, былъ уже готовъ для насъ сытный завтракъ; ѣсть не хотѣлось никому; всѣ мы были какъ-то странно настроены: воображеніе рисовало въ безсвязныхъ картинахъ эту степь и даль, и чудилась заранѣе тревога нашей кипучей, кочевой жизни.... но вотъ, загремѣли колеса и бубенчики подъ крыльцомъ; всѣ мы, по обычаю, усѣлись по мѣстамъ, поднялись въ разъ, помолились; Алѣевъ простился на-долго съ семьей и мы въ четырехъ экипажахъ съѣхали со двора....

Теперь, господа, до свиданія въ Чурюковѣ.

IV.

Статья intermedio, о томъ — что такое ловчій? Каковъ онъ есть и какимъ ему быть подобаетъ.

Въ мірѣ, насъ окружающемъ, есть много такихъ лицъ и предметовъ, съ ихъ относительнымъ значеніемъ, о которыхъ, говоря мимоходомъ, вскользь, мы выражаемся съ увѣренностью въ полнотѣ и непогрѣшительности ихъ пониманія; а между-тѣмъ, въ иную пору, спрашивая себя добросовѣстно о томъ или другомъ предметѣ, кажущемся намъ какъ-нельзя-лучше яснымъ и понятнымъ, мы станемъ въ тупикъ и не придумаемъ, что отвѣчать на свой навязчивый вопросъ. Кажется, понятно различіе между санникомъ и колесникомъ: такъ, вотъ, и думается, что санникъ ни за что не натянетъ обода на спицы, а колеснику и во вѣкъ не умудриться — накрутить вязокъ, уравнять полозъ и т. под., а спросите-ка инаго краснобая, что такое санникъ и что колесникъ? вотъ тутъ и выдетъ запятая.... А что такое ловчій? слышится мнѣ прежній вопросъ, не смотря на то, что я уже имѣлъ честь докладывать однажды, что ловчій есть, во-первыхъ — человѣкъ, какъ и всѣ мы люди, а во-вторыхъ, охотникъ — правящій стаей гончихъ собакъ; но, чудится мнѣ снова, что этотъ вопросъ, словно нить Аріадны, потянется за мной далеко, если я не скажу теперь-же нѣсколько вразумительныхъ словъ о томъ, что такое ловчій.

И такъ, вмѣсто описанія грустной картины нашего ночлега въ «степныхъ дворикахъ» (лежащихъ, не знаю, подъ какимъ градусомъ широты и долготы, верстахъ въ двадцати отъ села

Чурюкова, куда мы держимъ путь), я счелъ за лучшее познакомить васъ короче съ этой, стоющей вниманія, личностью.

Ловчихъ есть два, пожалуй, даже три рода: можетъ-быть, кто-нибудь отъищетъ ихъ и больше, да о тѣхъ говорить не стоитъ, потому-что они люди такого сорта, для которыхъ все-равно, быть-ли ловчимъ или каменьщикомъ, плотникомъ, сапожникомъ, однимъ-словомъ, быть тѣмъ, чѣмъ имъ быть *приказано*, слѣдовательно, каждый изъ нихъ попалъ въ ловчіе только потому, что ему не пришлось быть ни пастухомъ, ни дворникомъ. Но ловчій по природѣ, по призванію, по *охотѣ*, это другое дѣло, и дѣло новое, невообразимое для тѣхъ, кто не испытывалъ на себѣ и не видывалъ изъ примѣра, на что бываетъ способенъ человѣкъ и что можетъ сдѣлать онъ по увлеченію, по страсти, по *охотѣ*. Ловчій по призванію, это абрекъ, сорви-голова, жизнь-копейка! человѣкъ на диво другимъ, человѣкъ по волѣ, по охотѣ обрекшій себя на трудъ, на рискъ, на испытаніе, на истязаніе.... По натурѣ своей онъ долженъ быть не ровня другимъ людямъ: это натура-особнякъ, это двужильный, желѣзный человѣкъ!

Говоря объ артистѣ, не худо имѣть нѣкоторое понятіе и объ инструментѣ, на которомъ онъ играетъ, и потому скажемъ въ началѣ кое-что и о томъ орудіи или инструментѣ, посредствомъ котораго ловчій пріобрѣтаетъ себѣ или громкую извѣстность и славу (конечно, между охотниками), или совершенное безславіе.

Изъ всѣхъ собакъ, которые, по своей породѣ и свойствамъ, принадлежатъ къ различнымъ родамъ охоты, едва-ли отъищется хоть одна, которой-бы суждено было терпѣть такую скорбную участь, какой обречена наша русская, такъ-называемая стайная — паратая гончая собака [1]. По самой уже природѣ она предназначена къ постоянно-тщетному доискиванію чего-то, вѣчно-убѣгающаго отъ нея, о близости котораго доноситъ ей тонкое чутье; она тянется изъ всѣхъ жилъ, работаетъ до истощенія послѣднихъ силъ, носится, ищетъ, гамитъ, хлопочетъ и все это

---

1) Чистыхъ туземныхъ породъ гончихъ собакъ, между охотниками, въ Россіи признается двѣ: первая польская, тяжелая — ружейная, и порода *паратая*, т. е. быстро, «на всѣхъ духахъ», гонящая звѣря. Наилучшею признается порода такъ-называемыхъ костромскихъ звѣрогоновъ, употребляемыхъ исключительно подъ борзыми; но между этими двумя породами есть пропасть варіацій въ слѣдствіе умничанья самихъ охотниковъ, посредствомъ подмѣшиванія англійской, тумана, арлекина и проч., такъ точно, какъ непонимающіе дѣла нѣкоторые борзятники мѣшаютъ крымку и горскую со псовой породой борзыхъ и тѣмъ уничтожаютъ кровныхъ собакъ.

для доставленія потѣхи другимъ, сама-же не можетъ и не смѣетъ дотронуться до предмета своихъ вѣчныхъ поисковъ и чуть она отрыскала, увлеклась дальше своего предѣла, какъ уже крикъ выжлятника и грозная рука съ арапникомъ встрѣчаютъ и провожаютъ ее къ новымъ поискамъ, гоньбѣ и тревогѣ. И за всю эту усердную службу въ награду — скудная запарка, всегдашній кнутъ и вѣчное заключеніе въ тѣсную закуту въ обществѣ неуживчивыхъ и задорныхъ товарищей, среди удушающихъ міазмовъ, грызни, блохъ, болѣзней, подъ тяжкимъ гнетомъ неволи, укорачивающей и безъ того ея недолгій вѣкъ.

За что-же эта необходимѣйшая и самая дорогая собака въ охотѣ, эта рьяная, самоотверженная, добычная труженица и вѣрнѣйшая помощница охотнику, доставляющая ему одно изъ наилучшихъ для него удовольствій, оставлена имъ въ такомъ черномъ тѣлѣ и не выходитъ ни на мигъ изъ-подъ тираніи своихъ грозныхъ надсмотрщиковъ и стражей, въ то время, какъ сухопарая борзая и вислоухая лягавая пользуются такимъ почетомъ и ласкою своего господина, ѣдятъ съ одной съ нимъ тарелки, спятъ на мягкихъ диванахъ и пользуются всѣми благами довольствъ и свободы? а за то, что ни одна изъ охотничьихъ собакъ не обладаетъ такимъ количествомъ звѣрскихъ инстинктовъ, сколькими надѣлена гончая собака, преимущественно звѣрогонъ; его жадность, заркость и злоба, безъ постояннаго вниманія и строгаго за нимъ досмотра, ведутъ его прямо къ звѣрской одичалости, къ «набаловкѣ», т. е. онъ изъ звѣрогона дѣлается «скотинникомъ» и можетъ разомъ испортить всю стаю, оттого-то выдержка стаи гончихъ такъ трудна и требуетъ большаго терпѣнья, умѣнья и мастерства. Мы уже видѣли мимоходомъ примѣръ выдержки собакъ и то, что заставило охотниковъ опытныхъ и знающихъ, т. е. графа и Бацова ахнуть отъ удивленія, при взглядѣ на стаю, брошенную ловчимъ въ поле безъ призора и острастки; чтобъ знать причину этого удивленія, постараемся уяснить ее примѣромъ, болѣе общимъ и, къ сожалѣнію, не рѣдкимъ во многихъ охотахъ.

Положимъ, что общій нашъ знакомый, примѣрно г. Иксъ, вышелъ, какъ водится, поручикомъ въ отставку и, поселясь въ опустѣломъ отчемъ домѣ, въ началѣ принялся горячо за такъ называемую агрономію; провозившись года два съ этой *штукой*, которая прежде ему и во снѣ не грезилась, онъ сбилъ съ толку старосту и уполовинилъ собственный доходъ, накопецъ разсердился захандрилъ и растянулся вдоль дивана съ трубкою въ

зубахъ и съ твердымъ намѣреніемъ лежать и скучать; но, лежать и скучать, подъ-часъ бываетъ очень скучно.

Толпа приспѣшниковъ и прислужниковъ рабски поглядываетъ на Икса и подмигивая глазкомъ, извѣщаетъ другъ друга, что, дескать, баринъ нашъ «тово». Понявши широкій смыслъ этого «тово», ближайшій изъ прислужниковъ и довѣренное лицо, сирѣчь *камардинъ*, улучивъ минуту, закладываетъ за спину руки, прилипаетъ къ притолкѣ, заводитъ длинную рѣчь о томъ, о семъ, и заключаетъ ее тѣмъ, что ихъ милости *за гля ради скуки* слѣдуетъ завести свою охоту. На дѣльное возраженіе барина, что если онъ не нашелъ достойныхъ сподвижниковъ и исполнителей по части агрономіи, то откуда возьметъ онъ охотниковъ, потому что это дѣло требуетъ и охоты и знанія, и пр. и пр., камардинъ возражаетъ еще дѣльнѣе, что, дескать, помилуйте, сударь! да намъ-ли не управиться! плёвое дѣло охота! и т. д. И это плевое дѣло сдѣлало то, что г. Иксъ всю ночь промечталъ о мѣдныхъ рогахъ и кафтанахъ съ позументомъ, и на утро составилось новое совѣщаніе, на которомъ положено, что виновникъ затѣи, т. е. камердинъ, исполнитъ роль стремяннаго, Васькѣ и Петрушкѣ быть борзятниками, а скотнику Ефиму, что еще при покойникѣ дѣдушкѣ ѣзжалъ *при гончихъ* и знаетъ дѣло, быть ловчимъ. Кончено, Васькѣ и Петрушкѣ объявлено, что они *борзовики*, а скотника Ефима потребовали къ барину на лицо:

— Сдай свою должность Аѳонасью; ты получишь надбавку мѣщины и будешь ловчимъ, говоритъ г. Иксъ тономъ диктатора и обладателя рода человѣческаго.

— Слушаю-съ.

— Ступай, пусть снимутъ съ тебя мѣрку на охотничій кафтанъ.

— Слушаю-съ.

— А послѣ поѣдешь, вотъ, съ нимъ, для покупки гончихъ у помѣщика Охабнева; только выбрать лучшихъ, первый сортъ...

— Слушаю-съ.

И такъ, дѣло устроено; семь смычковъ *первый сортъ* гончихъ и пять своръ удивительныхъ (по словамъ Охабнева) борзыхъ прыгаютъ у крыльца вокругъ разряженныхъ охотниковъ; подводятъ Иксу коня и онъ приказываетъ ловчему идти въ такое мѣсто, *гдѣ больше звѣря:*

— Слушаю-съ, отвѣчаетъ преображенный скотникъ, красуясь въ зеленомъ кафтанѣ на барской пристяжной, и топчетъ неистово свою стаю.

Чтобъ найдти побольше звѣря и потѣшить барина, ловчій избралъ заранѣе мѣстомъ своего поприща самый большой и частый лѣсъ. Пришли. Баринъ и новые охотники стали по мѣстамъ, гдѣ кому пришло по нраву; посвистывая, ловчій въѣхалъ въ опушку: ни съ того, ни съ сего, собаки рявкнули и понеслись; поскакалъ и ловчій, — куда, зачѣмъ, — никто не знаетъ... Стоятъ, ждутъ; вотъ, вотъ, побѣгутъ зайцы, лисицы, волки; пожалуй, не выскочилъ бы медвѣдь!... У всѣхъ глаза и уши на сторожѣ; но, вотъ, прошелъ часъ, прождали другой, изъ лѣсу ни слуха, ни послушанія... не выждалъ Иксъ: шлетъ онъ Петрушку искать ловчаго; пропалъ и Петрушка; шлютъ Ваську, привести Петрушку, и Васька, словно въ воду канулъ... Наконецъ, выпуча глаза, на взмыленной лошади, несется ловчій изъ лѣса и кричитъ стремянному, не встрѣчалъ-ли онъ собакъ?

— Какихъ собакъ?

— Да гончихъ... чтобъ ихъ розорвало..

— Послушай, скотина, кричитъ Иксъ: — если ты у меня растеряешь собакъ, я тебя тогда...

— Слушаю-съ... И ловчій скачетъ шибче прежняго и трубитъ неистово.

Стоятъ и ждутъ баринъ и стремянный и дождались вечера! А, вотъ, вышла наконецъ одна гончая изъ лѣса на опушку и облизывается; грудь и морда у нея въ крови; за нею приплелась другая, такая-же красненькая; сошлись и всѣ, а ловчаго нѣтъ, какъ нѣтъ... Явился наконецъ ловчій, Васьки нѣтъ; вернулся Васька, Петрушка пропалъ... Что за диво! Отродясь такихъ чудесъ никто надъ собой не видывалъ! А дива нѣтъ тутъ никакого: дѣло видимое, простое: лѣшій сшутилъ, вотъ и весь сказъ! На томъ рѣшили и тронулись въ обратный путь. А отчего гончія въ крови? о томъ и слова никто не вымолвилъ: «должно быть такъ надо», думаетъ баринъ и молодые охотники; только Петрушка, вернувшись изъ лѣсу, пошепталъ что-то ловчему на ухо, а тотъ почесалъ затылокъ да махнулъ рукой.

Второе поле задумали взять тамъ, гдѣ-бы не было лѣшихъ; выбрали залежи: мѣсто все въ отъёмахъ, а зайцами — прудъ пруди! Вотъ, разравнялись полемъ и ѣдутъ къ мѣсту: борзятники хлопаютъ по межамъ, а ловчій ведетъ стаю и любуется на выжлица Громилу, какъ тотъ тянетъ передомъ и вскидываетъ носъ на вѣтеръ. «Должно быть верхочутъ», думаетъ ловчій, глядя ласково па выжлица, вмѣсто того, чтобъ дать ему кнута и вернуть въ стаю; а Громило поднялъ носъ еще выше, рявкнулъ

и пошелъ писать... Стой, стой! назадъ! Не тутъ-то было! Рванулась и вся стая, слѣдомъ за старымъ вожакомъ; поскакалъ и ловчій...

«А, вѣрно горячій слѣдъ», думаетъ Иксъ въ простотѣ сердечной и шлетъ Ваську и Петрушку на помощь къ ловчему. «Вотъ теперь-то увижу настоящую травлю», думаетъ онъ снова и подается впередъ, глядя на шапку ловчаго, чуть видную изъ-подъ бугра и... передъ бариномъ вскорѣ развернулась картина въ полномъ блескѣ! Десять овецъ лежатъ на лугу, уже бездыханныя, стая накинулась и теребитъ телька... борзыя шныряютъ по стаду за поросятами... Кричитъ Иксъ, кричатъ охотники... Грозитъ Иксъ выпороть ловчаго; тотъ кричитъ «слушаю-съ», топчетъ овецъ лошадью и поретъ кнутомъ свою остервенѣлую стаю. А вотъ, на крикъ пастуховъ, является толпа бабъ мужиковъ съ цѣпами и дубинами... Иксъ заскрипѣлъ зубами, махнулъ рукой и помчался къ дому, проклиная себя, и Охабнева, и собакъ, и охоту, и охотниковъ.

Пора однакоже намъ обернуть темную сторону медали.

Изъ этого примѣра, я думаю, достаточно понятно то, что можно и должно требовать отъ каждаго ловчаго и сколько требованій, по строгому уставу правильной псовой охоты, обязанъ онъ выполнять въ разъ, въ одно и тоже время, а сверхъ того, иногда удовлетворять и «затѣямъ барина», этой, большей частью, ни къ чему не ведущей помѣхѣ дѣлу.

Для отчетливаго выполненія своей обязанности, ловчему необходимо первѣйшее изъ условій: желѣзное здоровье и съ нимъ вмѣстѣ — страсть къ своему дѣлу. Съ ними не страшны для него ни безсонныя ночи, ни тѣ труды, о которыхъ говорить не станемъ, потому что увидимъ ихъ со временемъ на дѣлѣ. Съ этими двумя качествами, онъ долженъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія необходимыя достоинства: искусство въ ѣздѣ, то-есть, смѣтливость, проворство, находчивость, умѣнье сберечь стаю, а главное, мастерская выдержка собакъ, неусыпное наблюденіе за ними, заботливость объ отвращеніи заразы и чумы; порсканье, удальство и прочіе атрибуты, за которыми гоняются многіе бары-охотники, я признаю въ ловчемъ достоинствами второстепенными.

Говорить отдѣльно о каждомъ изъ этихъ качествъ, здѣсь не мѣсто: лучше мы дотронемся до орбиты годичной дѣятельности настоящаго ловчаго.

Зима на дворѣ, покончились мелкія пороши, запастѣлъ снѣгъ,

заперъ ловчій стаю на лежку и самъ справляетъ каникулы, то-есть, протянулся вдоль лавки подъ окномъ и сосетъ свою носогрѣйку, да сходитъ вечеркомъ въ застольную поточить лясы, порядиться о святкахъ скоморохомъ и т. под. Впрочемъ и въ это время есть у него забота, и важная — *блюсти выжловокъ*, но этотъ предметъ мы пройдемъ молчаніемъ и оставимъ ловчаго на боку до-тѣхъ-поръ, пока не сошла вешняя вода, не заигралъ въ полушку листъ на молодыхъ березкахъ; пришла, значитъ, ловчему пора сѣдлать коня: за недѣлю до выхода, подвалилъ онъ погбдковъ выжлятъ къ стаѣ, далъ имъ обнюхаться, обсидѣться и, прощай родимая сторона! Верстъ за пятьдесятъ ведетъ онъ старую, умѣлую стаю, перемкнувши ее съ молодыми и сталъ въ бору на мѣсяцъ срокомъ. Изо-дня-въ-день, утреннюю и вечернюю зори, гамитъ, трубитъ и скачетъ ловчій по лѣсу... Вотъ, *молодые* узнали слѣдъ, идутъ *въ доборъ*, не гонятъ *по зрячему,* стали *тверды тропъ*, перестали *скалываться,* узнали *позовъ,* затвердили голосъ своего пестуна, привыкли *къ стойкѣ*, однимъ словомъ, ловчій подровнялъ стаю, а самъ узналъ голоса, изучилъ помычку, изслѣдилъ характеръ гоньбы каждаго новобранца и вотъ, къ Петровскимъ заговѣньямъ привелъ ихъ домой на отдыхъ, на поправку. Взгляните теперь на ловчаго: глаза у него гноятся и горятъ, какъ разкаленные угли, лицо раздулось отъ комара, борода отросла на вершокъ, горло издаетъ звуки на манеръ чугуннаго котла, осипъ нашъ ловчій, разломило его! Ничего, вздохнетъ, оправится; а когда прикажете ему заняться этою оправкою? Петровки «на дворѣ», а у него не подвыто, не сосчитано ни одного гнѣзда! Времени осталось «нѣсколько»; до Успенья «рукой подать», а тамъ... На другой день, утромъ, наказавъ выжлятникамъ на-строго, что, дескать, безъ меня, пока вернусь, «Сороку въ отсадку, Крутишку въ подмазку, Заливку выпустить въ отгулъ, Бушуя съ Бандоркою запереть въ случную, а у Ворошилы, какъ при мнѣ, воспу засыпать». Ловчій нашъ засѣдлалъ свѣжаго коня и къ вечеру, за сорокъ верстъ отъ дома, поджидая солнечнаго заката, сидитъ на завалинѣ у Щепиловской мельницы, а клинобородый хозяинъ баетъ съ нимъ на такую статъ, дескать, Азарьинскимъ приходитъ круто: головъ двадцать пощетили за весну; а Кунаевскіе, хоть со двора не спускай: что ни день, то овцу или жеребенка стащатъ...

— А отголосъ ваши ребята слыхивали?

— Какъ не слыхать; почитай, что ни день, въ нашихъ верховьяхъ воютъ.

— Ну, ладно, дядя, пригляди за лошадью; а мнѣ пора.

— Да ты бы щецъ хлебнулъ, родной; семь соберутъ...

— Нѣтъ, спасибо, пора.

И вотъ, идучи лѣсомъ, съ арапникомъ подъ мышкой и доискиваяся между махоркой въ кисетѣ кремня, ловчій нашъ думаетъ: «ну, коли въ Куняевѣ, да въ Азарьинѣ похватываютъ, такъ гнѣздо на старомъ мѣстѣ.»

Пришелъ онъ къ «верховьямъ», прислушался, глядитъ... На право простлалось круглое озеро, словно зеркало изъ вороненой стали, только въ одномъ углу его еще дрожитъ и медленно таетъ розовая полоска отъ запоздавшаго луча; отъ него широкимъ клиномъ вдавилось болото въ боръ, надъ болотомъ всплываетъ и стелется тонкій вечерній паръ... Тихо, пустынно, таинственно, тепло и дѣвственно кругомъ; ни звука, ни шороха... только заблякъ время отъ времени заведетъ свою печальную заревую пѣсню, да запоздалый чирокъ просвиститъ крыльями надъ чащей и свалится опукой въ темную гладь озера. Вотъ еще молодой мѣсяцъ, словно запятая, черкнутая перомъ, прицѣпился къ макушкѣ сосны... Сидитъ ловчій на пнѣ и выколачиваетъ о каблукъ золу изъ носогрѣйки, но, чу... на право у плеса, что-то шуркнуло, плеснуло... Вотъ, зарычала «старуха», грызнула одного, пискнулъ другой... разсыпались, зашлепали, взвизгнулъ еще одинъ тонкій голосокъ и, вслѣдъ затѣмъ—мѣрная хода, словно телокъ побрелъ по мелководью, ближе и ближе... прилипъ ловчій къ соснѣ, глядитъ, чуть дышетъ... вышла! встряхнулась, постояла, прислушалась, пошла... «Незамай, обсидятся», думаетъ ловчій и садится у сосны. Прождавши свое время, онъ приложилъ ладони ко рту и воетъ «старухинымъ» голосомъ; у плеса заворошились волчата, одинъ взбрехнулъ, двое отозвались, а на той сторонѣ болота загудѣлъ переярокъ. «Ладно»; взвылъ опять, подхватили всѣ въ разъ и зашлепали по болоту прямо на голосъ... вотъ, одинъ по одномъ вышли на луговину и принялись кататься и играть, теребить другъ-друга... а ловчій глядитъ да шепчетъ разъ, два, три... первой, другой, семеро! ладно!... Поиграли волчата и ушли; ловчій пошелъ кругомъ болота оглядывать по зарѣ тропу...

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого вытья, проѣзжій мужичекъ подаетъ барину письмо подъ восковой печатью, залѣпленной грошемъ; въ немъ, безтолковѣйшимъ манеромъ, изложены похожденія нашего ловчаго:

«А докладаю вашей мілости по отъпуске пісьма сего здравъ

«только меня разламило прибываю теперь на Любани, а думаю «ехать въ чумкины—завалы а зачалъ я отъ щепиловки —гнѣздо «провсрилъ и маладыхъ семь и бревнисты ранніе а на утре три «переярковъ перевидѣлъ и матерого а матерымъ все ходъ одинъ «все съ поля отъ азарьина, а въ телятникахъ мужики гдѣздо «тронулі молодыхъ перебілі а старіе вышли въ тукуевѣ прому-«чілся подъ гнѣздомъ трі дня а нашолъ-таки матка изъ моло-«дыхъ во ржі свѣла на чістоту только четверо-лсдящи малы. «а гнѣздовики вышли оттедова въ зарамное. всѣхъ перевидѣлъ «ночі не спалъ. въ грачахъ просидѣлъ надъ отноркомъ две ночі «лисятъ сѣмеро а всѣхъ по сеі дѣнь подвыто девѣть гнездъ да «три лисіихъ а впередъ постараюсь. а ребятамъ наказоваю ко-«ли у ворошины восца прашла то і ладна, а залівку пара запі-«рать а катора запустуитъ ту въ атсадку а то і такъ собакъ «мало а приеду вчемъ будитъ нсдоглядъ больна изабью. округъ «втарова спаса падеюсь прібыть. за тѣмъ —дѣла подходятъ.

И вотъ, за два дня до Успенья, ловчій вернулся домой и *докладаетъ* барину, что подвыто гнѣздъ шестнадцать, да огляжено пять лисьихъ выводковъ, а самъ чешетъ въ затылкѣ, да подкряхтываетъ, что времени «нисколько» и что настоящей ѣзды осталось двѣ недѣли!

Оставимъ-же теперь ловчаго съ его проводкою и подготовкою къ «ѣздѣ» и выхватимъ себѣ на поглядѣнье только одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, къ которымъ онъ такъ заботливо готовился весной и лѣтомъ.

Вотъ клонится сѣренькій осенній день къ вечеру; мелкій дождикъ, какъ булавочныя головки, сыплетъ въ лицо и щиплетъ за уши; ловчій вызвалъ мокрую стаю изъ болота и рѣзкимъ ходомъ ведетъ ее на ночлегъ; борзятники, одинъ по одномъ поспѣшаютъ за нимъ слѣдомъ. Вотъ подвалила охота къ двору; ловчій скучилъ стаю на улицѣ и пошелъ оглядѣть хозяйскихъ собакъ, нѣтъ-ли заразной-чумной; заглянулъ въ клевы, ругнулъ обозничаго за мокрую постилку и свиснулъ стаю на дворъ. Въѣзжаютъ борзятники, разсѣдлываютъ лошадей, выторачиваютъ зайцевъ, уносятъ потники на просушку; въ избѣ (откуда хозяйская семья перешла въ холодную, а красную на дворѣ очистили для господъ, поваръ хлопочетъ съ ужиномъ) появляются охотники, швыряютъ потники на печь, угромащиваютъ шапки съ рогами, сворами и арапниками на полку, распяливаютъ мокрые кафтаны вокругъ палатей; вбѣгаетъ борзая, кладетъ голову на столъ и умильно глядитъ на жареную курицу; поваръ кричитъ, топаетъ,

гонитъ собаку; борзятникъ отпускаетъ остроту на счетъ повара и курицы; рогъ и арапникъ валятся съ полки и падаютъ на блюдо съ котлетами; брань усиливается, смѣхъ возобновляется; входятъ новыя лица: таже раскладка потниковъ, распялка кафтановъ. Въ избѣ стало душно, тѣсно, темно: голубой дымъ отъ махорки стелется пластомъ и колетъ глаза... Входятъ, выходятъ...

Голосъ изъ сѣней. Дядюшка, Игнатъ! къ барину!

Голосъ съ палатей. Котораго тебѣ Игната?

Голосъ изъ сѣней. Игната Савельича, ловчаго.

Новый голосъ. Нѣту-ти. Не приходилъ. Ищи у стаи, либо у котла.

2-й голосъ изъ темноты. Куда, это? Видно, на провѣрку?

1-й голосъ изъ темноты. Извѣстно въ провѣрку... Въ Зарамное, глядишь...

2-й голосъ изъ темноты. Нечто тамъ подвыты?

Новый голосъ. А то какъ-же! Завтра въ Зарамномъ, а къ ночи чтобъ поспѣть въ Телюхи; ловчій самъ сказывалъ.

Вбѣгаетъ казачокъ. Охотники! Бураго бѣлоглазаго сѣдлайте подъ ловчаго. Скорѣй!

(*Дѣлаетъ козла и убѣгаетъ*).

Голосъ съ палатей. Сбѣгай, Ѳомка, скажи выжлятникамъ.

Голосъ Ѳомки изъ темноты. А самъ-то что?.. Вишь засѣлъ въ каменны палаты!

Голоса. Ха, ха, ха.

Вновь вошедшій охотникъ, развѣшивая кафтанъ. А у насъ вотъ тутъ шатры шелковые. Чтожъ, ребята, полно скалиться, пора ужинать.

А тѣмъ временемъ ловчій стоитъ у притолки въ красной избѣ и прихлебывая изъ блюдечка чаекъ, *докладаетъ* барину, что завтра «безпремѣнно слѣдуетъ брать Зарамное, чтобъ къ вечеру поспѣть въ Телюхи на повѣрку...»

Сидятъ борзятники вокругъ стола съ ложками; пришелъ ловчій въ избу, переобулся, смѣнилъ мокрый кафтанъ, второчилъ про запасъ чуйку, сѣлъ на бураго бѣлоглазаго и поѣхалъ со двора. На шестой верстѣ свернулъ онъ съ большой дороги на проселокъ, перешибъ поле, подъѣхалъ къ острову и началъ подвывать, но, отголосу не слыхать; опоздалъ ловчій къ мѣсту: *волки на добычѣ*! «А какъ снесла ихъ нелегкая совсѣмъ!» думаетъ огорченный охотникъ и выбираетъ мѣстечко повыше, да посуше, садится на земь, надѣваетъ чумбуръ на руку, накры-

ся чуйкой, раскурилъ, съ грѣхомъ пополамъ, свою носогрѣйку, куритъ и слушаетъ, какъ дождикъ пополамъ съ крупой барабанитъ по кожанному потнику и сѣдельной подушкѣ. Дождившись разсвѣта, онъ сѣлъ на коня и отъѣхалъ дальше отъ острова на темя бугра, откуда видно въ даль... А вотъ, на право полемъ *старикъ* тащитъ на спинѣ овцу... вотъ и *матка;* за нею четверо молодыхъ протянулись въ ниточку и идутъ слѣдъ въ слѣдъ; съ другаго конца бѣгутъ на рысяхъ два переярка и всѣ одинъ по одномъ спустились къ болоту и пошли на логово. «Ладно», думаетъ ловчій, а самаго бьетъ лихорадка, только не настоящая, а охотничья...

...Къ двумъ часамъ за полдень болото очищено, гончіе вызваны, ловчій переобулся, т. е. вылилъ изъ обоихъ сапоговъ воду и надѣлъ ихъ на ноги *безъ воды*, взмостился на коня и повелъ стаю за двадцать верстъ въ Телюхи. Тутъ, по прежнему, борзятники сѣли ужинать, ловчій поѣхалъ «повѣрять гнѣздо...»

Какихъ сортовъ и видовъ ревматизмовъ не призапаситъ себѣ на старость этотъ «охотникъ-неработникъ», этотъ *бездѣльный* человѣкъ въ жизни; въ которой изъ костей его не окажется зуда и ломоты, тогда, какъ поконча съ дѣломъ — подслѣпый, оглохшій, забытый и брошенный, пойдетъ перепалзывать съ лавки на печку... Эхъ, сказалось-бы! да... пора въ Чурюково.

V.

Что-то въ родѣ проклятія. — Мордва русская и французская. — Ливрейный картузъ и двойникъ его сіятельства. — Два новые штриха по Владимірцу и Бацову. — Чурюково. — Отзывъ волковъ. — Ловчій и стая. — Травля. — Пирогъ. — Глухонѣмой.

На другой день мы торопились разстаться какъ можно ранѣе съ скверными дворниками, гдѣ каждый изъ насъ, начиная отъ человѣка до послѣдней собаки, *претерпѣлъ* въ полномъ смыслѣ слова тѣ неудобства, какими, по примѣрной гадости, тѣснотѣ и вони, могутъ надѣлить путника (и въ добавокъ не даромъ) эти тамбовскіе каравансараи.... Извините за отступленіе: право, и теперь меня разбираетъ зло при одномъ воспоминаніи объ этомъ и ему подобныхъ ночлегахъ, въ которыхъ, нельзя не прибавить, многіе сочинители-патріоты находятъ столько поэзіи и аромата, какъ будто, помимо этой копоти и вони, нѣтъ на Руси предмета для ихъ хвалебныхъ гимновъ. Господи! да когда же прогля-

нутъ и принюхаются къ настоящему дѣлу эти восторженные *пѣвуны*, когда, подобно шляпкамъ и кринолинамъ, войдутъ у насъ въ моду и человѣческія пристанища?!

Верстахъ пятнадцати мы догнали обозъ и охоту, пересѣли на заранѣе осѣдланныхъ лошадей и, присоединивъ къ себѣ борзятниковъ обѣихъ охотъ, тронулись до мѣста. Любо было глядѣть на эту длинную нить всадниковъ бодрыхъ, развязныхъ, веселыхъ, съ бравою посадкой, на одномастныхъ, крѣпкихъ и красивыхъ лошадяхъ. Можетъ быть, мнѣ бы и не пришло на мысль говорить объ этомъ, еслибъ справедливость моего впечатлѣнія не подтверждалась свидѣтельствомъ совершенно посторонним.

По пути намъ слѣдовало проѣзжать помѣщичье село; охотники съѣхались и грянули пѣсню; широкая улица вела селомъ къ барской усадьбѣ, мимо сада которой лежалъ нашъ путь. Народъ повалилъ къ намъ на встрѣчу: мужики, съ цѣпами и метлами въ рукахъ, бѣжали словно на пожаръ; мальчики и дѣвочьки орали во всю глотку; имъ вторили дворовыя собаки, трусливо выставляя морды изъ-подъ воротъ; куры взлѣтались, кудахтали и выкрикивали свою куриную тревогу; впереди насъ, поднявши хвостъ, металась по улицѣ испуганная телушка и ревѣла неистово; изъ сѣней выскакивали на улицу черныя, словно изъ трубы, закоптѣлыя бабы и гамѣли къ сосѣдкамъ:

— Акулькя! Акулькя! глядь-кіо-о-о-о! И-на, какой, о-о! Мотька, не дури, съисть....

Но Мотька все-таки горланилъ какъ-то не по человѣчьи и доискивался въ навозѣ щепки, чтобъ метнуть ею въ борзыхъ.

1-й охотникъ. Вотъ она, мордва-то, семиглазая.... Кирюха, глядь-ка, вонъ выскочила: еще потемнѣй!

Кирюха (*къ бабѣ потемнѣй*). Ты, красотка, изъ котораго села?

Баба осклабилась и закрыла ротъ рукавомъ.

3-й охотникъ (*проѣзжая*). Вотъ онѣ каковы нонѣшнія!

4-й охотникъ. Хуже давешнихъ.

5-й охотникъ. Ха, ха, ха! Новыя — псовыя, бурдастымъ съ родни....

Задніе. Незамай, умоется.... А то приснится.

Послѣдній. Эй, матка! рыло-то прибери въ чуланъ: къ празднику годится....

Баба. Ишь-ты.... Мотька, не дури!

У рѣшетки палисадника появились нѣсколько дамъ и бары-

шенъ; всѣ онѣ, какъ было замѣтно, жадно разсматривали и любовались нашимъ поѣздомъ; одна изъ нихъ, самая живая и восторженная. говорила безъ умолка: «Voila chasseurs! Ah, quels cheveaux Regard, Alexandrin, quelle charmente — птичка! настоящая!...» и барышня протягивала ручку, чтобъ приласкать Савельеву красотку.

— А эта, видно, охотница, сказалъ Владимірецъ.

— То-есть, до собакъ? прибавилъ Алѣевъ.

Поясненія не послѣдовало. На балконѣ появился должно быть папаша этой охотницы: въ этомъ явленіи, конечно, важность не велика, но велико и важно то, какъ лоснилось и отдувалось у этого папаши брюшко, солидное, хорошее, настоящее брюшко; какъ мягкій, нѣжный подбородокъ папаши лежалъ въ видѣ подковы на вздутой манишкѣ, словно неваренная колбаса; важнѣе же всего, какъ держалъ этотъ папаша салфетку въ правой рукѣ и какъ щурилъ онъ одинъ глазъ, зорко, устойчиво оглядывая насъ остальнымъ.

— Ну, этотъ что, Виссаріонъ Николаевичъ? спросилъ графъ у Владимірца.

Тотъ измѣрилъ разстояніе, на которомъ былъ отъ папаши, отскакалъ саженей на пятьдесятъ впередъ, повернулъ лошадь и поѣхалъ къ намъ шагомъ. Въ минуту, этотъ способнѣйшій копировщикъ отдулъ брюшко, прищурилъ лѣвый глазъ и такъ держалъ арапникъ въ рукѣ, что мы съ разу признали въ немъ папашу съ салфеткою и разразились общимъ смѣхомъ; Владимірецъ все-таки ѣхалъ и молчалъ, но лице его какъ нельзя яснѣе договаривало: «дескать, дурачье! куда васъ нелегкая несетъ? Нельзя ли, этакъ.... вотъ, холодная индѣйка.... битокъ заказалъ; а пока подадутъ, грибки, вотъ селедка, рекомендую, сливки настоящія.... для возбужденія...» И Владимірецъ зачмокалъ, простоналъ и посмотрѣлъ на насъ съ упрекомъ, съ сожалѣніемъ, дескать, эхъ! пустой народъ! Не знаютъ что̀ нужно человѣку!

Выѣхавъ изъ села, мы отпустили обозъ и гончихъ впередъ, а борзятники пошли въ заѣздъ и начали заравниваться. Вскорѣ всѣ охотники вытянулись въ прямую нить версты на двѣ разстояніемъ и принялись охлопывать межи и кустики: то тамъ, то-сямъ поднимали зайца, но свѣжія собаки не давали хода бѣдняку и мигомъ его залавливали; рѣдкій русакъ перещитывалъ двѣ-три своры и все-таки попадалъ въ торока. Бацовъ, я и Владимірецъ ѣхали въ троемъ, сзади, безъ собакъ, и любовались измѣнчивымъ видомъ этой живой, постоянно движущейся кар-

тины. Отъѣхавъ версты за четыре отъ села, мы увидѣли шибко скакавшаго въ слѣдъ за нами верховика; на головѣ у него было что-то въ родѣ шара, по сторонамъ плескались два зеленыя крыла. Вблизи оказалось, что это мчался къ намъ лакей въ зеленой ливреѣ, а на головѣ у него торчалъ круглый плисовый набитый пухомъ, картузъ, съ желтымъ позументомъ на околышѣ. Не долго думая, посланецъ принялъ Владимірца за графа и со всѣми операми объяснилъ его сіятельству цѣль своей скачки.

— Прекрасно. А какъ зовутъ твоего барина? спросилъ нашъ шутникъ, преобразясь въ минуту, и тономъ чисто Атукаевскимъ, что, конечно, было понятно только намъ.

— Павелъ Павловичъ Здобновъ и супруги ихъ Катерины Антоновны-съ; они-съ очень желаютъ полюбопытничать на вашу охоту; а больше того, ваше сіятельство, барышни желаютъ — Катерина Павловна, Александра Павловна, Ненила Павловна, Антонина Павловна, и Агафоклея Павловна, Пелопея Павловна, Өедосья Павловна, Палаг....

— Прекрасно, прекрасно, мой милый.... очень довольно.... нынче, довольно! Завтра, если барину угодно взглянуть.... очень радъ, скажи.... я беру волковъ въ Чурюковѣ.... ну, кланяйся, мой милый....

— Слушаю-съ

— Да.... вотъ что! Картузы эти у васъ дома шьютъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Заказные; это ливрейные-съ.

— Чудесно, удивительно! Ну.... кланяйся.... очень радъ, скажи....

И самозванецъ нашъ очень вѣжливо пригласилъ насъ продолжать путь.

Вслѣдъ за тѣмъ пошло у него представленіе въ лицахъ семейной сцены, какъ Ненила, Антонина, Пелопея и прочія Павловны упрашиваютъ своего папашу послать гонца, какъ папаша велитъ этому гонцу надѣть ливрею, пуховый картузъ и проч.

— Вотъ оно! наконецъ произнесъ какъ-то торжественно Бацовъ, ударивъ меня крѣпко по плечу, и поѣхалъ молча.

Это «оно» было не что иное, какъ Чурюково, но оно было еще на десять верстъ разстояніемъ отъ насъ. Передъ нами, вдали, направо, начала темнѣть гряда лѣса; отъ лѣсу, налѣво, становилось замѣтнымъ село, а отъ него, полудугой, хлеснула тонкая полоса и только. Я ѣхалъ и изрѣдка поглядывалъ въ эту даль, но больше смотрѣлъ на Бацова: изъ веселаго, разсѣяннаго, онъ превратился въ человѣка озабоченнаго одною неотвяз-

ною мыслью; не трудно мнѣ было угадать эту мысль: я зналъ коротко Бацова-охотника: онъ былъ близокъ къ Чурюкову!

Люблю я Луку Лукича; онъ весь наружу, не любилъ рисоваться; да къ такимъ незатѣйливымъ и честнымъ натурамъ не липнетъ никакая подмалевка. Весь онъ какъ-то собрался и выразился въ этомъ одномъ завѣтномъ для него словѣ «пустяки». Говоря о скверномъ, подломъ поступкѣ сосѣда, къ слову пустяки, онъ не прибавитъ ни одной буквы; чужую и свою бѣду, неудачу, и проч., онъ клеймитъ однимъ словомъ *пустяки*; богатство у него и бѣдность, горе и радость, все — *пустяки!* Глядя вскользь на Бацова, иной подумаетъ, что этотъ человѣкъ на столько простъ, сухъ и легокъ, что изъ него не выжмешь ничего другаго, какъ тѣ же пустяки, но, кто вглядѣлся попристальнѣе въ эту своеобычную, безхитростную натуру, тотъ помыслитъ о немъ иначе. Поконча съ службой, Лука Лукичъ принялся за устройство дѣлъ семейныхъ: присватался къ его сестрѣ женихъ; былъ онъ человѣкъ достойный, да «недостаточный», — пустяки, сказалъ Бацовъ, седьмой части мало и, охватилъ полъ-имѣнія собственнаго и отдалъ за сестрой въ приданое; на остальной половинѣ содержитъ себя и покоитъ старуху мать. Чудакъ! съ чѣмъ же ты останешься? говорятъ доброжелатели. — Пустяки, говоритъ Бацовъ. — По крайности, пріѣзжай на выборы: мы тебя вкатаемъ въ исправники.... заживешь, поправишься.... — Пустяки, господа, вы этимъ меня не потчивайте, говоритъ Бацовъ и ѣдетъ на «узерку».

А вотъ и Чурюково! Подъѣхавъ ближе, я началъ внимательно разсматривать эту обѣтованную землю.

Громадное село потянулось по крутобережью и ушло въ глубь, откуда виднѣются только главы двухъ церквей да шпили колоколень. Лѣсъ, что казался издали смежнымъ, отошелъ теперь далеко отъ села на край горизонта. Перепруженная плотинами рѣка, образовала огромное озеро; налѣво оно узкимъ клиномъ вошло въ непродорную кущу чепыжника и камышей, между которыми густою дубравой стоятъ гигантскіе дубы и ольхи, и все это узкою полосой потянулось налѣво въ даль, вонъ изъ глазъ. По ту сторону, надъ кущей этой тянется крутымъ гребнемъ глубокое поле; по сю сторону, отъ озера, до насъ, прослалась во всю длину мѣстности широкая луговина; по ней бродилъ скотъ, лошади и паслось стадами безчисленное множество гусей. Нечего сказать, приволье!

Въ виду Чурюкова охотники перестали хлопать и начали

съѣзжаться къ дорогѣ: у всѣхъ висѣло въ торокахъ по нѣскольку зайцевъ.

Съ помощью проводника, встрѣтившаго насъ у одной изъ плотинъ, мы очутились въ Чурюковѣ и пошли путать,—я-бы сказалъ, изъ улицы въ улицу, если-бъ только можно было назвать улицею эту нить узкихъ, перепутанныхъ съ примѣрной безтолочью, виляющихъ туда и сюда возможностей на проѣздъ, огороженныхъ вмѣсто всякаго заборника и плетня безобразною настилкой изъ перегнившей соломы.

Четыре двора были заняты для нашего временнаго пребыванія въ Чурюковѣ. Въ трехъ избахъ были очищены квартиры для насъ, изъ четвертой доносилась къ намъ мелкая дробь отъ поварскихъ ножей. Помѣщеніе это, послѣ гнуснаго ночлега въ дворикахъ, казалось намъ очень способнымъ: люди, прибывшіе раньше насъ съ обозомъ, успѣли кое-что подмыть, подскресть, кое-гдѣ подсыпать песочку, завѣсить коврами и проч. Четыре избы эти стояли одна къ другой такъ, какъ будто между ними произошла недавно ссора; драки быть не могло, потому что ихъ раздѣляла неправильная лужайка, обрамленная той-же соломенной загородкой; эта площадка служила съ пользой для нашего обоза и экипажей. Вскорѣ на ней образовалось что-то въ родѣ ярмарки; зѣваки обоего пола и всѣхъ возрастовъ набѣжали отовсюду и запрудили ее со всѣхъ концовъ.

Общая трапеза наша происходила въ квартирѣ Стерлядкина, какъ ближайшій къ поварамъ; къ чаю всѣ собрались у Алексѣя Николаевича. Общій разговоръ какъ-то не склеивался; всѣ говорили отрывками о томъ-о-семъ и каждый заканчивалъ постороннюю матерію неизмѣннымъ вопросомъ: «Что-то будетъ завтра?» «Найдемъ-ли звѣря?» прибавлялъ другой тутъ-же, не надѣясь услышать ни отъ кого отвѣта на первый вопросъ. Всѣ знали, что для рѣшенія этой загадки былъ между нами только одинъ человѣкъ — ловчій Ѳеопенъ. Надежды было, конечно, много: волки подвыты, огляжены, сосчитаны, мы шли на *вѣрняка;* но, вѣдь могло-же случиться, что какой-нибудь мужичонка, разсердясь за украденную у него овцу, «стронулъ гнѣздо» или, матка увела гнѣздо на добычу и, обыскавъ мѣсто, перекочевала въ *крѣпь* и держитъ тамъ выводокъ, а гнѣздовики перележиваютъ въ старомъ мѣстѣ *набродомъ.* Мало-ли какихъ диковинокъ не случается въ такомъ сложномъ и хитромъ дѣлѣ!

— А что, Ѳеопена ты поилъ чаемъ? спросилъ Алѣевъ у своего камердинера Петруши, высокаго, худощаваго и статнаго ма-

лаго, который, къ слову сказать, былъ страстный охотникъ и считался первымъ борзятникомъ.

— Какъ-же-съ, онъ напился давно.

— Какъ-бы кликнуть. Вотъ отъ него узнаемъ скорѣе, господа.... Коли не заартачится! прибавилъ потомъ Алѣевъ.

— Ну, Ѳеопенъ Иванычъ, теперь держись! теперь отъ тебя зависитъ вся наша потѣха! заговорили почти всѣ мы въ разъ къ вошедшему.

Перешагнувъ порогъ, Ѳеопенъ Ивановичъ изволилъ поклониться всей честной компаніи, оглянулъ насъ по своему и сталъ у двери.

— Ну, что, объ гнѣздѣ слухъ какъ? началъ Алѣевъ.

— Хтоиъ ихъ знаетъ.... Какъ скажешь тутъ? Мужичонковъ опрашивалъ которыхъ, говорятъ молодыхъ видаютъ.

— Ну, коли молодыхъ видаютъ, такъ и гнѣздовики тутъ! подхватилъ графъ.

— А какъ знать.... Вашему сіятельству извѣстно, чай, какъ вѣрить мужику?... у него что зарубилъ, потомъ и тешетъ.... а тамъ, поди, спуй основу.... Ѳеопенъ остановился, подумалъ и прибавилъ: — вотъ провѣримъ.... безъ звѣря не быть.... гдѣ нибудь да найдутся.

Какъ много въ этихъ простыхъ, отрывочныхъ, какъ будто нехотя сказанныхъ словахъ заключалось и твердой увѣренности въ себѣ, и необыкновеннаго знанія своего дѣла: у всѣхъ посыпались съ разу доводы, предположенія, заключенія и проч. Молчалъ только одинъ Алѣевъ; онъ зналъ своего ловчаго и потому не сталъ больше разговаривать о возможности дѣла, а заговорилъ о самомъ дѣлѣ.

— Какъ думаешь, тенетчики намъ будутъ нужны?

— Мм.... оно не мѣшаетъ крылъ десятокъ перекинуть, тамъ, вотъ, изволите припомнить, у хмѣлины, въ дубкахъ, повыше пчельника, гдѣ матерой у насъ пролѣзъ, мѣсто не безъ опаски.... неравно опять сунется.... Ружейниковъ поставить тоже не мѣшаетъ: убить хоть не убьетъ, да все повыпудитъ.

— Такъ ты распорядись. Вели Качнову, Дмитрію; пускай, еще кого-нибудь захватятъ съ ружьемъ. Да чтобъ колья подготовили....

— Слушаю. Скажу.

— А если вмѣсто тенетъ поставить своры двѣ надежныхъ? спросилъ графъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, какъ можно! да тутъ какую

свору ни дай — ототрется! Мѣсто короткое, дубы въ охватъ, ржавцы, перелои, крѣпь, рѣка; собаку потерять не долго! чуть какая озарилась, тутъ и протянетъ лапки..... Вотъ спросите у барина, какъ Дорогой у нихъ въ дубкахъ волка залавливалъ: разъѣхался, пришелся въ дубъ, — только одново дохнулъ; а собака-то была какая! Въ свѣтѣ первая! Ни разу не видалъ я, чтобъ онъ спилился, либо што.... какъ зазрѣлъ, голову къ верху, и пошелъ козыремъ отщипывать! Нѣтъ, такихъ собакъ у насъ не осталось!

Къ этому панегирику о Дорогомъ, Ѳеопенъ Ивановичъ нежданно, непрошено, приплелъ еще случая два-три, доказавшіе, какъ опасно травить «въ дубкахъ, да въ пенькахъ», и угостивши насъ этими побасенками, ловко избѣжалъ даже намека о томъ, что будетъ завтра, изволилъ очень вѣжливо раскланяться и объявилъ, что ему пора на «отзывъ».

— Ну, Ѳеопенъ Ивановичъ, сказалъ я, не выдержавъ и уступая сильному желанію сблизиться и изучить на сколько удастся эту крутую, замкнутую натуру:—какъ хочешь, а меня возьми съ собой на повѣрку; я охотникъ въ новѣ: авось, съ твоей легкой руки, начну помаленьку понимать дѣло.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Только вашей милости неравно скучновато покажется.... пора теперь глухая.... звѣрь попримолкъ....

— Ужъ это не твоя забота. Скучно будетъ мнѣ, а не тебѣ. Ты только возьми меня съ собой.

— Чтожъ, поѣдемте. Только вотъ, на счетъ спокойствія вамъ, какъ.... можетъ придется остаться до утра?

— Да ужъ объ этомъ не хлопочи.

— Такъ извольте собираться. Время нисколько....

Ѳеопенъ вышелъ.

— Ну, что, господа, поняли вы, что онъ тутъ баилъ? спросилъ Алѣевъ Стерлядкина и графа.

Тѣ посмотрѣли на него вопросительно.

— А я вамъ скажу, что это значитъ.

— Что-же такое?

— А то, что волки у него за пазухой. Вотъ, увидите: завтра мы, навѣрное, съ полемъ. Я покоенъ.

Въ девять часовъ я ѣхалъ о бокъ съ Ѳеопеномъ Ивановичемъ на *отзывъ*.

Выѣхавъ изъ села, мы пустились по лѣвой, т. е. по нагорной сторонѣ пруда къ чапцѣ. То спускаясь въ изложины, то подни-

маясь вверхъ, мы подвигались впереди молча. Въ воздухѣ была тишина невыразимая, ни звука, ни шелеста; на небѣ недвижимо стояли тонкія облака; сквозь нихъ чуть-чуть мерцалъ какой-то чахлый отблескъ свѣта; полный мѣсяцъ, пресѣкая туманную оболочку, расплылся по небу широкимъ бѣлымъ пятномъ. Спутникъ мой сидѣлъ въ сѣдлѣ словно деревянный, только по воротнику фризоваго балахона, торчавшему высокой рамкой на затылкѣ, было замѣтно движеніе его головы. Оставивъ прудъ за собою, мы отъѣхали еще версты двѣ полемъ и, принявъ круто на лѣво, остановились у самой окраины.

Не меньше, я думаю, часу торчали мы тутъ, какъ двѣ статуи: не зная расположенія Ѳеопена Ивановича, я рѣшился молчать и терпѣливо ждать отъ него рѣчи. Раза два луна показывалась на чистоту въ полномъ блескѣ и минутъ на пять ярко освѣщала окрестность: у ногъ нашихъ, въ страшной глубинѣ, тянулась широкая низина; по ней, разбившись на множество рукавовъ, лѣниво сочилась рѣка, образовавшая дальше чурюковское озеро. Между этими рыскавшими туда и сюда водными нитями, въ неправильныхъ формахъ стлались камышевые плавуны, ржавцы, приболотни, затканные сплошнымъ чепыжникомъ; на право чернѣла лѣсная куща.

— Вотъ, вамъ и скучновато тутъ — началъ въ полголоса Ѳеопенъ.

— Напротивъ.... я радъ.... Вотъ, только ничего не слышно.... — проговорилъ я, обрадованный случаю выйдти хоть на мигъ изъ апатіи.

— Сыти, прострѣлъ ихъ возьми; либо, чего добраго, въ риску.... А гнѣздо тутъ.

— Гдѣ? — спросилъ я стремительно.

— Вонъ, тутъ, вотъ, какъ кнутомъ хлеснуть — къ той сторонѣ, вотъ, за широкимъ камышемъ, на плавунѣ, въ чепыжникѣ.

— Какъ-же ты узналъ, гдѣ гнѣздо?

— Какъ не узнать!... Нахаживали не въ такихъ крѣпяхъ; это что: только что лѣтомъ мокренько, а зимой хоть въ бабки играй.... бѣляку простора мало.

Снова молчаніе.

Наконецъ, далеко, на другой сторонѣ болота, въ полѣ, гдѣ-то къ Чурюкову, взвыли два голоса.

— Это какіе? спросилъ я шопотомъ.

— А такъ, шатуны, отъ гнѣзда переярки; вотъ, побродятъ округъ села, гуська гдѣ сцапаютъ, либо къ падали пробираются.

Вскорѣ отъ того мѣста, гдѣ было гнѣздо, послышалась мѣрная стопа по болоту и три волка вышли саженяхъ въ тридцати отъ насъ, поднялись на бугоръ и сѣли; одинъ изъ нихъ взвылъ толстымъ голосомъ, подошелъ къ березѣ, поднялъ заднюю ногу, поскребъ лапами землю и всѣ трое пошли полемъ.

— Вотъ, эти за дѣломъ идутъ, — проговорилъ имъ въ слѣдъ Ѳеописъ.

— Какіе-жъ это?

— Старикъ съ переярками; на добычу вышли. А вотъ и она осаживаетъ молодыхъ, чтобъ не шлялись зря, — прибавилъ мой опытный истолкователь, вслушиваясь въ шлюпотню и грызню въ болотѣ, и въ слѣдъ за тѣмъ завылъ самъ рѣзко.

Около десятка различныхъ голосовъ отозвались разомъ въ болотѣ и тутъ-же пошло новое плесканье и перегрызка; отслушавши и сочтя голоса, мы тронулись съ мѣста, спустились съ крути и проѣхавъ версты полторы луговиною, по краю лѣса и болота, очутились у какой-то пустой мазанки.

— А который-то теперь часъ? — спросилъ Ѳеописъ такимъ тономъ, по которому можно было заключить, что вопроситель находится въ добромъ расположеніи духа.

Для того, чтобъ различить стрѣлки, надо было зажечь спичку, и я кстати закурилъ сигару.

— Ого! мы долгонько простояли тамъ, уже перваго четверть.

Съ этихъ словъ зашла у насъ длинная и плодовитая бесѣда, но, увы, всѣ мои дипломатическія тонкости, всѣ подходы разлетались въ прахъ и лопались, какъ мыльные пузыри о каменную стѣну, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ казалось, нужно было мнѣ сдѣлать только одинъ шагъ, чтобъ переступить изъ области догадки въ область чистаго сознанія. Одно, что только могъ я на этотъ разъ уловить внутри этого замкнутаго человѣка, это вѣчное недовольство настоящимъ, неудовлетворенная жажда къ совершенствованію, постоянное стремленіе достигнуть крайняго предѣла, именно: доведя стаю до такой удивительной стойки, на какую, можетъ-быть, способна только одна лягавая собака, я увѣренъ, что онъ былъ-бы не прочь доучить и гончую до искусства носить и подавать поноску, если-бъ это не было уже безуміемъ съ его стороны, и не служила къ тому явнымъ препятствіемъ грубая и дикая натура гончей собаки.

Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я, съ особеннымъ искусствомъ, затрогивалъ въ немъ общечеловѣческую и самую звучную струну, т. е. самолюбіе артиста, онъ былъ глухъ, безпробуденъ. Если

я, тутъ-же спохватившись, говорилъ: «нѣтъ, Ѳеопенъ Иванычъ, я, вѣдь, говорю тебѣ это къ тому, что я слышалъ о твоей ѣздѣ уже давно — и въ Питерѣ, и въ Москвѣ, отъ всѣхъ охотниковъ.... Отвѣтомъ мнѣ было:

— Да, што, какая ѣзда.... то-жъ, бываетъ, иной....» И снова молчаніе.

— Опять-таки, — прибавлялъ я, — стая у тебя, всѣ говорятъ — удивительная.

— Да, што стая.... ничево, пищатъ.... И опять молчокъ. Тутъ я забѣгалъ уже въ тылъ и для вѣрнѣйшаго успѣха перемѣнялъ оружіе.

— Вотъ, пожалуй, — говорилъ я, — какъ-бы намъ и съ хорошей охотой не обмишулиться, какъ Жигуновы охлопаютъ наши мѣста и проч.

— Да, што, ничево.... они себѣ.... И только.

— А какъ придется на пустодолъ? Въ мѣста обобраныя?

— Да, што; найдется и про насъ.... безъ звѣря не быть.... — И опять мы молчимъ.

Въ одномъ только мѣстѣ онъ поскользнулся и то на короткую дистанцію, но былъ рѣчистѣе, именно: когда я коснулся обязанности ловчаго вообще и указалъ на нѣсколько человѣкъ, плохо знавшихъ свое дѣло.

— Конечно, иной не за свое дѣло берется; а иной, пожалуй, и радъ-бы, да сметки нѣтъ, а позаняться не отъ кого....

— Нѣтъ, ужъ, этого мастерства, мнѣ кажется, наукой не добудешь, возразилъ я.

— Да, оно и съ мастерами то-же, всяко случается. Наше дѣло тожъ бываетъ задачливо.... Конечно, насадить на гнѣздо не штука, да, поди, вотъ, тутъ ведешь къ мѣсту, душа въ тебѣ перемираетъ, не знаешь, ногой которой ступить, а тутъ какой съ нагулу, отметный — пырь, тебѣ въ собакъ; какъ удержать? не на возжахъ!... помкнули, зарвались; а тамъ, глядишь, гнѣздо, сажень за тридцать, въ сборѣ, на лежкѣ, и расплылось, словно масло по кашѣ.... тогда, поди, накликай, снуй по заплеткамъ! Нѣтъ хуже того дѣла.... наказаніе.... хоть взорвись, ничего не подѣлаешь! Изволите сами знать, каково бываетъ — какъ матка изъ-подъ молодыхъ приметъ на себя стаю, да волочаетъ ее на хвосту.... кажется-бы, такъ, вотъ, въ землю живой ушелъ!

И съ легкой руки Ѳеопенъ Ивановичъ изволилъ понюхать табаку и удостоилъ меня дальнѣйшей бесѣды; разсказалъ мнѣ нѣсколько рѣдкихъ случаевъ, но вездѣ и во всемъ, гдѣ только

участвовалъ онъ лично, собственную персону отодвигалъ на второй планъ, ставилъ въ темноту, говорилъ о ней вскользь, мимоходомъ: «вотъ, изволите видѣть, *кинули мы* гончихъ....», «вотъ онѣ, *по нечаянности,* и натекли....», «вотъ онѣ и вывели какъ разъ на то мѣсто, словно, кто *имъ шепнулъ*.... и проч.»
— Одначе, пора! заключилъ онъ, — вставая съ мѣста.

Мы сѣли на коней, поднялись на крутизну и пустились полемъ къ прежнему мѣсту. Заря разгаралась; легкій восточный вѣтерокъ подыхалъ порывами; небо очистилось: все предвѣщало ведренный день. Едва пріостановились мы и я успѣлъ лишь взглянуть на часы, какъ спутникъ мой прошепталъ: «трогайтесь» и поѣхалъ медленно впередъ; слѣдуя за нимъ, я раскидывалъ глаза по сторонамъ, наконецъ, оглянувшись круто назадъ, пріостановилъ лошадь: сзади насъ, саженяхъ въ сорока, матерой волкъ несъ на спинѣ огромную бѣлую дворную собаку, съ оторванной передней ногой; слѣдомъ за нимъ шли переярки съ полными черевами. «Не стойте», прибавилъ мнѣ Ѳеопенъ. Когда волки спустились въ болото, онъ поворотилъ лошадь назадъ и рысью подъѣхалъ къ прежнему мѣсту: по движенію камыша и всплескамъ было ясно видно, что волки шли на логово.

— А вотъ и она, — сказалъ Ѳеопенъ, указывая въ даль, на ту сторону.

Съ непривычки я едва могъ отличить, версты за двѣ, на той сторонѣ, какъ волчица и слѣдомъ за ней, гуськомъ, растянувшись въ ниточку, штукъ восемь молодыхъ волковъ спускались съ бугра въ болото. На обратномъ пути мы еще перевидѣли трехъ переярковъ, тащившихъ по гусю.

— А откуда старикъ добылъ такого здоровеннаго пса? — спросилъ я.

— Захватили на падали,— отвѣчалъ мой опытный наставникъ.

Когда мы подъѣхали къ квартирѣ, тамъ уже все было въ полномъ и суетливомъ движеніи. Бацовъ, Алѣевъ, Стерлядкинъ и графъ встрѣтили насъ на площадкѣ и допытывались что и какъ? Я считалъ себя не въ правѣ говорить; Ѳеопенъ-же изволилъ промолвить только: «ничево-съ.... надо ѣхать....» и пошелъ пояснять Качнову, гдѣ и какъ перекидывать тенета. Черезъ десять минутъ двѣ тройки съ тенетами, кольями и ружейниками тронулись на рысяхъ. Охотники ушли одѣваться. Мы съ Ѳеопеномъ Ивановичемъ были приглашены пить чай. Всѣ собрались у графа.

Минута ожиданія чуть-ли не радужнѣе, чуть-ли не слаще минуты самаго исполненія. Всѣ были то въ тревожномъ раздумьи,

то вдругъ оживясь, болтали какой-то вздоръ. Бацовъ, которому я не могъ не сообщить тайкомъ всего, что видѣлъ и зналъ, суетился, блѣднѣлъ, колотилъ меня поминутно по плечу, заглядывалъ таинственно мнѣ въ глаза и десять разъ выбѣгалъ прощаться съ Караемъ, котораго не могъ еще взять съ собой по случаю хромоты. Между-тѣмъ, Ѳеопенъ Ивановичъ, прихлебывая съ блюдечка, приговаривалъ: «графскихъ, которыхъ по выбору перетростить съ нашими; своръ двѣнадцать мнѣ нужны, въ бугры.»

— Когожъ ты думаешь взять туда?

— Первымъ дѣломъ, старика Андрея поставить: у него свора—мертвая и привалена; къ нему придать охотниковъ попылчѣй, по глазастѣй, вотъ, хоть нашего Николая, да Егорку графскаго; затѣмъ, Петра Григорича, съ двуми, а верхи займетъ Василій, съ двуми; въ заѣздъ пустить Аѳанасьеву свору...

— Ну, Аѳанасья мнѣ-бы хотѣлось поставить въ заѣздѣ у себя, возразилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Вамъ-бы все къ себѣ! Тамъ перестроститесь.. у васъ въ заѣздѣ станетъ Никита поваръ; чего лучше? собаками не возьметъ, самъ доправитъ; а тутъ неравно материки прорвутся... съ кѣмъ орудовать: всего четыре своры!

— Ну, ну, ладно. Распорядись тамъ; прикажи всѣмъ, какъ знаешь, перебилъ Алѣевъ.

Ѳеопенъ ушелъ.

Ог-ой! штой-то бу-у-у-дитъ?
Май-го ба-а-а-тюшку, кладутъ съ ма-а-тушкой
Во ма-гилку!

И Владимірецъ, сидя на лавкѣ, опустилъ руки и заголосилъ по бабьему.

Всѣ захохотали.

Допивши свой стаканъ, я очутился на крылечкѣ. На безоблачномъ небѣ солнце горѣло полнымъ блескомъ. Охотники выводили на площадку осѣдланныхъ лошадей; обѣ охоты разодѣлись въ парадные костюмы: графскіе были въ зеленыхъ кафтанахъ, расшитыхъ серебрянымъ галуномъ, и въ малиновыхъ шараварахъ съ широкимъ лампасомъ; Алѣевскіе въ новыхъ черкескахъ съ яркой оторочкой, поясами, патронами, блестящими рогами; все это сходилось и составляло группу, отъ которой трудно было оторвать глаза; но лица у всѣхъ были свѣтлѣе и торжественнѣе самаго наряда. Вокругъ этихъ молодцовъ прыгали и гремѣли ошейниками сворныя собаки. Шутка за шуткой, острота

за остротой перелетали изъ конца въ конецъ и все это поворшалось общимъ смѣхомъ.

А вотъ, скрипнули ворота, выѣхалъ выжлятникъ Пашка черкесомъ, за нимъ появился Сергѣй въ такомъ-же папахѣ, и слѣдомъ Ѳеопенъ, окруженный своими выжлятами, вывелъ въ поводу солового: тотъ-же помятый картузъ на Ѳеопенѣ Ивановичѣ, тотъже фризовый бурый балахонъ до пятъ... опять появилось это живое изображеніе плѣннаго Турка между блестящими казаками и черкесами...

— Развѣ ты не всю стаю берешь? спросилъ Алѣевъ, глядя на малочисленность гончихъ.

— Да, што.... на кой-ихъ.... будетъ и этихъ.... И Ѳеопенъ Ивановичъ полѣзъ ногой въ стремя. Сергѣй, ты пойдешь правой стороной, съ борзятниками; а ты, Пашутка, со мной, прибавилъ онъ и подсвиснулъ собакъ.

Сергѣй остался; Пашка поѣхалъ съ ловчимъ.

— Ну, Ѳеопенъ Ивановичъ нашъ сомкнулъ Бушуя съ Крутишкой, а Громилу съ Бандоркой — быть работѣ! сказалъ борзятникъ Николай, слѣдя за стаей.

— Работа, не работа! а осмѣлься-ка онъ не поставить волчка къ моимъ собачкамъ, самаго приму въ торока, прибавилъ Никита.

Общій смѣхъ.

Голосъ изъ толпы. А кстати, онъ-же нопѣ и глядитъ по волчиному.

Борзятникъ Василій *(Никитѣ)*. Ты, пожалуй, чего добраго; отъ тебя станется... Вишь у тебя на шеѣ, только что ободья гнуть. Какъ подъ нимъ лошадь устаиваетъ!

Никита. Какую невидаль изволили сморозить, Василій Евдокимовичъ! А мы авчера еще знали, что я одинъ полегче васъ шестерыхъ.

Новый смѣхъ.

Конюхи подвели къ крылечку нашихъ лошадей. Всѣ вышли садиться.

— Кто идетъ на право? спросилъ Алѣевъ.

— Мы, отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— Сколько васъ?

— Одинадцать своръ.

— Ну, отдѣляйтесь.

Охотники раздѣлились на двѣ половины, одна ушла на право, другая примкнула къ намъ.

Къ девяти часамъ мы были у острова. Борзятники начали занимать мѣста: Бацовъ, я и Владимірецъ отправились смотрѣть какъ Ѳеопенъ заводитъ стаю.

На лужайкѣ, вдавшейся клиномъ въ болотную чащугу, сидѣли въ тѣсномъ кружку разомкнутыя гончія; тутъ-же были двѣ осѣдланныя лошади, Пашка и Ѳеопенъ; ловчій нашъ лежалъ на лугу, опершись на локоть, въ какомъ-то полудремотномъ состояніи и держалъ въ рукѣ березовую тавлинку; подлѣ него были брошены рогъ, охотничій ножъ и длинный шестъ. Налѣво протекалъ одинъ изъ рукавовъ рѣки; за нимъ зыбкая трясина, а дальше — камышъ.

— Что? еще не утыкались? спросилъ насъ Ѳеопенъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчали мы. Крайніе на мѣстахъ, а тѣ еще разстанавливаются.

— Пашутка, глянь, какъ тамъ у нихъ.

Пашка вскочилъ на лошадь и помчался. Вскорѣ онъ прискакалъ назадъ и донесъ своему дядюшкѣ, что своры обѣихъ половинъ на мѣстахъ. Въ тоже мгновеніе долетѣлъ до насъ короткій звукъ рожка. Гончіе встрепенулись и подняли уши.

— Ну, кличутъ на ердань, проговорилъ нашъ ловчій, вставая съ мѣста, и, скинувши балахонъ, передалъ его Пашкѣ—вторачивать. Оставшись въ одной курткѣ и длинныхъ сапогахъ, онъ принялся перевязывать голяшища веревочками.

— Табачокъ-то прибрать поближе къ носу; неравно, не отсырѣлъ-бы, прибавилъ онъ, конча перевязку и, отсыпавъ изъ тавлинки въ бумажку, положилъ ее въ картузъ.

— Пашутка, ты до помычки останься тутъ, носъ къ полю, береги лѣво, да осторожнѣй сбивай — не оттопалъ-бы какого... Счастливо оставаться, прибавилъ онъ намъ, вскидывая рогъ за плечи и съ пятиаршиннымъ шестомъ въ рукѣ отправился прямо въ рѣку. Очутившись по грудь въ водѣ, онъ крякнулъ и подсвиснулъ къ себѣ стаю: собаки затопали на берегу и подбуженныя Пашкой, съ пискомъ и визгомъ начали прыгать въ холодную воду и поплыли слѣдомъ за своимъ пестуномъ.

Такъ учинилась первая переправа; очутившись на берегу, Ѳеопенъ принялъ направо трясиною; собаки молча пошли по пятамъ его гуськомъ, одна по другой и скрылись вмѣстѣ съ нимъ въ камышѣ.

— А для чего онъ потащилъ съ собой этотъ шестъ? спросилъ я у Пашки.

— Какъ-же, сударь, безъ него нельзя. Въ плавунахъ по немъ

грудью переползываетъ; а иной случится въ продушину попасть, съ головой всосетъ! а какъ шестъ подъ мышкой, ну, и не даетъ потонуть человѣку: на него опрется и вылѣзетъ...

— Вотъ она, охота пуще неволи! заключилъ Владимірецъ.

Мы поѣхали къ мѣсту на полныхъ рысяхъ: охотники, стоя саженяхъ во ста другъ отъ друга, окаймили островъ длинной цѣпью и были всѣ на виду; передъ нами лежала такая ровная и чистая луговина, что не ней можно было свободно счесть даже гусиныя перышки. Я сталъ возлѣ Атукаева; на лѣво отъ него былъ Ларка стремянный, на право стоялъ Алѣевъ, имѣя съ правой руки стремяннаго Ваську, съ его лихой сворой. Странно мнѣ было видѣть первый разъ, что изъ шести своихъ собакъ Алѣевъ не имѣлъ ни одной на сворѣ, всѣ онѣ размѣстились и лежали вокругъ его лошади. У Васьки, знаменитый его чернопѣгій лежалъ тоже на свободѣ; у остальныхъ охотниковъ собаки всѣ до одной были на сворахъ. Бацовъ, какъ не дѣйствующій, сталъ около Алѣева; Владимірецъ отъѣхалъ далеко къ другимъ охотникамъ.

Долго однакожъ простояли мы послѣ этого, ожидая, что — вотъ, вотъ, начнется гоньба: я зажегъ и искурилъ до половины толстую сигару, но въ островѣ все-таки было тихо, какъ въ могилѣ, только однѣ синицы перепархивали вдоль опушки. Стало скучно.

— Чтожъ это? спросилъ я, потерявъ терпѣніе.

— А тоже, отвѣчалъ графъ, что это заводитъ стаю Ѳеопенъ, а не кто нибудь другой! Вотъ, слушай и замѣчай, если у него хоть одна пойдетъ въ доборъ: этотъ чортъ сядетъ со всѣми прямо на матку... Чу!

Съ этимъ словомъ я дрогнулъ въ сѣдлѣ.

Въ островѣ, въ одинъ мигъ, какъ будто упавшая въ пропасть, взревѣла стая. Но, что это были за звуки! Это былъ ни взбрехъ, ни лай, ни ревъ—это, прорвалась какая-то пучина, полилась одна непрерывная плакучая нота, слитая изъ двадцати голосовъ: она выражала что-то близкое къ мольбѣ о пощадѣ, въ ней слышался какой-то предсмертный крикъ тварей, гаснущихъ, истаевающихъ въ невыносимыхъ мукахъ. Кто не слыхалъ гоньбы Братовской стаи, тотъ можетъ вообразить только одно: какъ должна кричать собака, когда изъ нея медленно тянутъ жилы или сдираютъ съ живой кожу....

Загудѣлъ рогъ съ двумя перебоями; сигналъ этотъ сказалъ намъ: «я сталъ на гнѣздо!» и вслѣдъ за тѣмъ голосъ этого

колдуна повершилъ всю стаю: «Сл-уш-ай! Вались къ нему! Эхъ, дѣти мои... О-го-го-го!»

Самъ сатана, вселясь въ плоть и кровь человѣка, не зальется и не крикнетъ такимъ голосомъ! Нѣтъ, буква мертва и не пѣвуча для выраженія этихъ, не для нея изготовленныхъ пѣсень...

«Такъ-то онѣ *пищатъ!*» «Такъ вотъ онъ, тотъ ловчій!» думалъ я и чувствовалъ, что меня треплетъ лихорадка.

— Слышалъ? спросилъ меня Атукаевъ.

— Да... протянулъ я, недоумѣвая что сказать.

— Взгляни на Луку, прибавилъ графъ.

Я посмотрѣлъ на Бацова: стоя сзади Алексѣя Николаевича, онъ утиралъ платкомъ глаза.

«У-а! вались кнму! у! раздалось снова въ болотѣ и стая залилась еще зарче пошла въ разнобой; нѣсколько голосовъ повели въ нашу сторону.

Прямо на насъ выкатилъ переярокъ.

«Стой, стой! тихо приговаривалъ графъ, силясь удержать свору. Увидя звѣря, собаки рвались, становились на дыбы... Наконецъ, выждавъ волка на себя, графъ отдалъ свору и началъ травить; въ тоже время раздался голосъ Алѣева: «назадъ! Лихачъ! Побѣдимъ! назадъ!» Но, онъ опоздалъ: возрѣвшись въ волка, пять собакъ Алѣева снеслись и накрыли его вмѣстѣ съ графскими собаками. Алексѣй Николаевичъ остался съ однимъ Поражаемъ. Это обстоятельство породило случай рѣдкій въ охотѣ.

Въ слѣдъ за переяркомъ, двѣ гончія вывели изъ острова огромнаго волка прямо на Алѣева; изъ всѣхъ собакъ одинъ только Поражай возрѣлся въ звѣря, и выждавъ его на себя, храбро понесся къ нему на встрѣчу: они схватились, поднялись на дыбы, сцѣпились зѣвъ въ зѣвъ, расперлись, и стали какъ вкопаные: ни волкъ, ни собака, не трогались съ мѣста и не разнимали пасти. Слѣдовало подать скорую помощь Поражаю, но взять ее было неоткуда: остальныя собаки Алѣева жадно теребили нашего волка и не внимали никакимъ призывамъ; Васька накрылъ своей сворой прибылаго волка и тоже не видѣлъ происходившаго; кричалъ и суетился одинъ только Бацовъ; но ему не удалось промолвить порядкомъ и десяти словъ, какъ Алѣевъ заскакалъ звѣря и пошелъ къ нему сзади, вынимая кинжалъ: одинъ мигъ и кинжалъ этотъ вошелъ по ручку волку въ пахъ; Поражай переместился въ горло и, матерой волкъ, въ нашихъ глазахъ былъ принятъ изъ-подъ одной собаки.

Управившись съ дѣломъ, охотники подали одинъ за другимъ

три сигнала ловчему, что *«звѣрь принятъ»*. Минутъ десять послѣ того борзятники изъ различныхъ пунктовъ извѣщали въ рога о томъ-же и Ѳеопенъ началъ вызывать гончихъ изъ острова. На нашей сторонѣ приняли восьмерыхъ; на правой сторонѣ затравили волчицу съ тремя молодыми и двухъ переярковъ. Наконецъ, подали позовъ *«охотникамъ на съѣздъ»*, я и Бацовъ поѣхали взглянуть на Ѳеопена. Пашка носился по лугу и сбивалъ тѣхъ гончихъ, которыя успѣли прорваться изъ острова. Рогъ ловчаго гудѣлъ уже близь опушки. Когда мы уже подъѣхали къ тенетамъ, Ѳеопенъ только что вылѣзъ изъ трущобы и стоя на лугу, гудѣлъ въ рогъ безъ умолка; подлѣ него собралась уже небольшая кучка собакъ, остальныя одна за другой валились съ различныхъ сторонъ: однѣ ложились тотчасъ, свертывались въ колечко и вздрагивая грѣли бока на солнушкѣ, другія катались и вытирались о траву. На Ѳеопена страшно было смотрѣть: какъ видно, ему не одинъ разъ пришлось окунуться съ головой, потому что на этой головѣ не было ни одного сухаго волоса и сверхъ того за правымъ ухомъ и на вискѣ лежала лепешка болотной типы, въ видѣ пластыря; у ногъ его валялся мокрый картузъ и бумажка съ растворомъ табаку, въ родѣ кофейной гущи.

— Ну, Ѳеопенъ Ивановичъ, началъ я, мы присланы благодарить тебя отъ всего общества; а наше спасибо прими особнякомъ.

Но моихъ словъ едва-ли дошла и половина до Ѳеопеновыхъ ушей, потому что Бацовъ, вскоча съ лошади, принялся обнимать его и приговаривать: Ѳеопенушка, голубчикъ, ты промокъ, простудишься... возьми, вотъ, попридѣнь съ меня сухую чайку, и проч.

Поддаваясь нехотя этимъ нѣжностямъ, голубчикъ нашъ, какъ видно, былъ не совсѣмъ въ голубиномъ расположеніи духа.

— На што... и такъ жарко... проговорилъ онъ сухо и снова загудѣлъ въ рогъ. Вотъ, Сорока, Помыкай не подваливаются; ужь такія собаки, лядащія... Что ротъ-то разинулъ! Сымай тенета! Аль ночевать тутъ собрались?

Эти послѣднія слова относились къ двумъ мужикамъ-тенетчикамъ, которые съ дубинками въ рукахъ молча глазѣли на насъ съ какимъ-то смущеннымъ видомъ.

— А что? Развѣ они тутъ дали зѣвка? спросилъ Бацовъ.

— Какъ-же! Двухъ прозѣвали. Выкатились изъ тенетъ.

— Щожъ, Хвепенъ Иванычъ! Нешто мы тутъ причиною....

только что грѣха на душу накладать.... какъ ено было, такъ ено и есть.... тебѣ говорятъ — я къ ему съ тяпинкой, только быво, вотъ-бы.... а іонъ и тае....

— Гу! зѣпало распустилъ! таго, тае! Сымай тенета, говорятъ.... Галманы!

Сорока и Помыкай подвалились; вслѣдъ за ними и Пашка привелъ соловаго, съ фризовой хламидой въ торокахъ. Прежде всего Ѳеопенъ Ивановичъ взялся за тавлинку и послѣ доброй понюшки, глянулъ веселѣе и спросилъ насъ, на кого вышелъ материкъ?

Мы не замедлили разсказать со всѣми подробностями, что Алексѣй Николаевичъ принялъ его изъ-подъ одного Поражая.

— Собака-то помягче тѣхъ.... Ну, да ладно! заключилъ Ѳеопенъ и съ помощью Пашки принялся выкручивать воду изъ воей одежды.

На обратномъ пути предстало намъ зрѣлище совершенно новое, неожиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятно подѣйствовавшее на моего спутника.

— Посмотри, вѣрно этотъ вчерашній пузанъ притащился сюда и кажется со всѣмъ выводкомъ! Вотъ, досада! произнесъ Бацовъ, показывая на стоявшую вдали линейку, запряженную шестерикомъ, съ форейторомъ. Тутъ-же пестрѣла коллекція шляпокъ и зонтиковъ.

— Вѣрно такъ. Чтожъ, я очень радъ поглазѣть на этотъ выводокъ, можетъ быть тутъ найдутся и хортыя и бурдастыя и всякія, отвѣчалъ я, чтобъ поддразнить Бацова. Притомъ-же, знаешь, новыя знакомства съ прекраснымъ поломъ всегда къ чему-нибудь да поведутъ....

— Пустяки. Терпѣть не могу этой пеньковой гвардіи, и къ чему прилѣзли? что съ ними дѣлать?

И Бацовъ началъ горячиться, прибирать и причитывать, не зная самъ на что рѣшиться: ѣхать-ли ему впередъ, или вернуться снова къ Ѳеопену и отправиться съ нимъ домой.

Тѣмъ временемъ я успѣлъ счесть шляпки и зонтики, окружавшіе то мѣсто, гдѣ лежали затравленные нами волки, и насмотрѣлся вдоволь, какъ Пузанъ, разглагольствуя и пожимая руки у Стерлядкина, Алѣева и графа, при каждомъ поклонѣ непремѣнно откидывалъ одну ногу назадъ.

— Вотъ, рекомендую, это наши товарищи, сказалъ Алѣевъ, когда мы, сдавши лошадей своихъ охотникамъ подошли къ обществу.

Послѣ обычныхъ привѣтствій съ папашей разговоръ нашъ съ барышнями начался, какъ подобало, сожалѣніемъ съ ихъ стороны о томъ, что онѣ не видали самой травли, а съ нашей, увѣреніемъ, что помянутая «травля» имѣла-бы для насъ самихъ двойной интересъ въ присутствіи такихъ.... (Э! ужъ была не была! видно пошло на правду....) вовсе не *прелестныхъ*, а, такъ себѣ, чуть, чуть сносныхъ свидѣтельницъ.

— Это папа виноватъ, прибавила одна изъ восьми Павловенъ; мы говорили, что надо ѣхать раньше.

— Ахъ, матушка, да, какъ-же! какъ это ты такъ говоришь! возразилъ папа, разставляя руки, и голосомъ, которому, чортъ ее знаетъ откуда, подъигрывала сопѣлка.

— Ты говоришь, вотъ, папа!... нельзя-же матушка, сырой тащить изъ печки.... сама знаешь, я тоже всталъ съ семи часовъ, да, какъ-же тутъ.... А вотъ что, прибавилъ онъ, обратясь уже къ намъ, я разсчитывалъ, что застанемъ охоту; ну, время, знаете, тово.... извините, я думаю, что и теперь уже есть часовъ одиннацать?

— Да, ужь четверть двѣнадцатаго, отвѣчалъ Алексѣй Николаевичъ, посмотрѣвши на часы.

— Слѣдовательно, надо закусить.... По правамъ охоты.... графъ, господа, извините, тутъ лишняго ничего не будетъ, одно лишь скажу: мы съѣдимъ по кусочку пирога.... это кушанье по сезону; вотъ у меня мастерицы брать грибки.... сей-часъ вотъ...

Очевидно, что цѣль всѣхъ или нѣкоторыхъ Павловенъ была любопытство; можетъ быть онѣ желали имѣть понятіе о томъ, какъ травятъ волковъ; можетъ быть..... ну, да на свѣтѣ все можетъ быть.... но очевиднѣе всего, что цѣль ихъ папаши была—пирогъ; онъ, т. е. папаша, не удостоилъ даже взгляда ни людей, ни волковъ, на которыхъ такъ засматривались всѣ Павловны. Получа согласіе наше на счетъ уничтоженія пирога, особа его, съ необыкновенной легкостью и проворствомъ кинулась на опустошеніе длиннаго и емкаго ящика линѣйки; оттуда, какъ изъ рога изобилія, глядѣли и горлушки бутылокъ, и баночки съ маринованными грибами, и съ огурчиками въ уксусѣ, и опять-таки, пикули и цыплята съ сухарной посыпкой, и множество всего такого, что про всякъ часъ и пригодно, и потребно человѣку.... и наконецъ, съ помощью носителя ливрейнаго картуза и собственноручной поддержки, вынутая бережно на длинномъ противнѣ и освобожденная изъ-подъ листовъ сахарной бумаги, дѣвственно, стыдливо, румяно глянула на всѣхъ насъ кулебяка

или пирогъ, какъ хотите назовите, но, дѣло въ томъ, что Павелъ Павловичъ самъ поставилъ его на коверъ, разосланный на лугу, и, чего тутъ не поставилось и не положилось вокругъ этого соблазнительнаго пирога!

— Вотъ кому бы армію-то угощать, шепнулъ мнѣ Атукаевъ.

— Не худо, еслибъ къ этому затѣялъ онъ и пляску, прибавилъ я.

— Только не подъ гребешокъ, заключилъ графъ.

Наконецъ мы приступили къ доброму дѣлу, кто на дрогахъ, кто на лугу, кто-гдѣ какъ попало; для дамъ нашихъ подостлали снятыя съ дрогъ подушки, и пошли пиръ пировать.

— А гдѣ же нашъ Виссаріонъ Николаевичъ, спросилъ, спохватившись, Алѣевъ.

Словно по щучьему велѣнью, Владимірецъ явился среди луга и ѣхалъ къ намъ. Послѣ травли, онъ вздумалъ объѣхать охотниковъ и по пути завернулъ къ тенетамъ, взглянуть на Ѳеопена. Наконецъ, онъ очутился среди нась, но.... что это было за твореніе въ подсолнечной?! Можно было поручиться, что если бы не знакомый костюмъ и извѣстная всѣмъ способность этого человѣка къ превращеніямъ, мы, не долго думая, приняли бы его за новое незнакомое намъ лицо. Человѣкъ этотъ, по истинѣ былъ неузнаваемъ: глазами онъ глядѣлъ какъ-то на манеръ алебастровыхъ статуй; на рѣсницахъ явились у него двѣ слезки; ротъ нижней губой клюнулся къ бородѣ; лобъ преобразовался со всѣмъ.... выраженіе лица сдѣлалось какъ-то тупо, безсмысленно: однимъ словомъ, передъ нами появилось что-то превращенное въ одинъ мигъ изъ человѣка настоящаго, въ существо пошлое, жалкое, униженное до идіотизма.

Мы смотрѣли, какъ говорится, разиня ротъ, и не знали, что подумать объ этомъ новомъ фокусъ-покусѣ: графъ смотрѣлъ вопросительно на меня, я переглядывался съ Стерлядкинымъ, Бацовъ толкалъ подъ локоть Алѣева.

— Вотъ еще одинъ изъ нашихъ, началъ Алѣевъ, чуть дыша: — это мой добрый пріятель, владимірскій помѣщикъ....

— Очень радъ, очень радъ, весьма пріятно, перебилъ толстякъ, схватя за руку Владимірца и откинулъ ногу по прежнему.

Тотъ, не говоря ни слова, выдѣлалъ туже штуку ногой.

Не было никакихъ средствъ удержаться отъ смѣха: я предвидѣлъ, что тутъ не обойдется безъ дальнѣйшихъ штукъ и искалъ заранѣе мѣста для спасенія.

— Вы вѣрно тоже охотникъ? страстный? началъ Пузанъ.

— Ме-ме-э-ме! проблеялъ нашъ шутникъ и показалъ себѣ на уши.

— Ахъ, какая жалость, подхватили двѣ Павловны, — онъ глухонѣмой!

— Пирожка, водочки; вотъ, рекомендую, съ грибками.... говорилъ между тѣмъ папаша, подавая кусокъ нѣмому. Антуанетъ, подчуй, занимай.... а вы, господа, сначала прошу.... прекрасная мадера; а потомъ.... И Павелъ Павловичъ принялся наполнять рюмки мадерой.

Между тѣмъ Антонина Павловна подложила нѣмому еще кусокъ пирога; у Александрины Павловны попросилъ онъ самъ; глядя на сестеръ, сердобольная Непила Павловна прибавила отъ себя четвертый кусокъ. Такъ, собравши полъ-пирога и разложа передъ собой на сахарной бумагѣ, нѣмой командировалъ сестеръ за цыплятами; тѣмъ же путемъ очутились возлѣ него банки съ пикулями и огурчиками; слѣдомъ за ними прибывали — рюмки за рюмкой съ наливками, мадерой, хресомъ и проч. Обзаведясь хозяйствомъ, глухонѣмой разсадилъ вокругъ себя Павловенъ и началъ ихъ угощать. «Ахъ, какой онъ милый, внимательный, забывчій», раздалось со всѣхъ сторонъ. Заслужа такое расположеніе и довѣріе во время завтрака, герой нашъ, угостивши всѣхъ до-сыта, принялся за ворожбу и разгадываніе судебъ; для произведенія этого фокуса, онъ пользовался безвозбранно ручками и ладонями всѣхъ Павловенъ; но когда онъ, обратясь къ намъ показалъ на ливрейный картузъ и сдѣлавъ примѣрный нарѣзъ на ладони, началъ вытряхивать и раздувать пухъ по вѣтру, для насъ, понимавшихъ о чемъ идетъ рѣчь, настала совершенная пытка.... Кстати, Павелъ Павловичъ, вообразивъ, что Владимірецъ воздаетъ этимъ должную похвалу тѣсту въ его пирогѣ, не обращая на насъ вниманія, началъ самъ раздувать пухъ и потряхивалъ головой въ знакъ совершеннаго согласія.

— Это правда, прибавилъ онъ, на счетъ тѣста могу похвалиться; тортъ настоящій!

Мы отвѣчали на это, что глухонѣмой былъ въ правѣ замѣтить это раньше насъ, потому-что онъ знаетъ поварское дѣло превосходно.

— А что, батюшка, обратился ко мнѣ папаша, скажите мнѣ что онъ съ роду такой, или...

— Да, подхватилъ я, онъ глухонѣмой отъ рожденія; но, не смотря на этотъ недостатокъ, онъ человѣкъ съ большими талантами; сверхъ того, у него удивительный фокусъ въ глазахъ.

— Какой же это фокусъ?

— Да тотъ, что ему всѣ предметы кажутся вверхъ ногами.

— Что жъ это? Какъ же это такъ?

— Очень просто. Вотъ, напримѣръ: это дерево, для насъ оно вотъ какое, а для него оно стоитъ корнемъ вверхъ...

— А?.... такъ.... Антониночка, оправься. Нина, сиди хорошенько. Сашокъ, не вертись...

И Павелъ Павловичъ тотчасъ приказалъ убирать посуду и подавать лошадей.

Въ это время мимо насъ лугомъ Ѳеопенъ провелъ стаю домой и мы его встрѣтили рукоплесканіями и проводили общимъ единодушнымъ браво!

Тутъ послѣдовало прощанье съ нашимъ радушнымъ гостемъ и его веселенькими спутницами; кажется, что онѣ не въ правѣ будутъ на насъ жаловаться, потому-что при концѣ свиданія, все, чѣмъ можно было доказать нашу предупредительность и вниманіе къ нимъ, съ нашей стороны было выполнено въ точности; сверхъ того, когда экипажъ тронулся, мы всѣ очутились на лошадяхъ и, съ конвоемъ, состоявшимъ человѣкъ изъ десяти тѣхъ охотниковъ, у которыхъ не было въ торокахъ звѣря, проводили линейку версты за двѣ до поворота.

Возвратясь на квартиру, мы начали пировать по своему: четырнадцать волковъ были выторочены и лежали рядомъ на показъ зѣвакамъ, которыхъ набралось видимо-невидимо; тутъ же, пользуясь краснымъ днемъ, охотники выставили столы на площадку и усѣлись за сытный обѣдъ, съ преизобильной порціей вина и пива; послѣ обѣда составился хоръ: пляска и пѣсни продлились до полуночи.

На другой день мы выступили въ Бокино.

VI.

Бокино.— Новое знакомство.— Неудачное поле.— Полштофъ въ опасности.— Садка. — Травля встрѣчныхъ. — Отъѣздъ.

Въ два часа за полдень увидали мы Бокино. Посворно, какъ и вчера, охотники равнялись полями, но зайцевъ находили мало, что доказывало близость и обиліе краснаго звѣря. Отъ Бокина до Чурюкова всего-то двадцать верстъ дорогою, а прямикомъ полями и того ближе; острова почти смежны, слѣдовательно,

волки, рыская постоянно вокругъ своихъ гнѣздъ — *выживаютъ* русака.

Оставя въ лѣвой рукѣ большую дорогу, мы, по отлогому скату поля, подъѣзжали къ мѣсту: налѣво, на самой крути бугра стоялъ большой барскій домъ съ колоннами и красивымъ палисадомъ; направо отъ него тянулось по бугру село съ церковью; низина вся была заткана сплошнымъ камышемъ и чепыжникомъ, между которыми мѣстами поблескивала довольно широкая рѣка. По краямъ болота, въ полуверстѣ другъ отъ друга стояли крестьянскіе пчельники. Въ этомъ-то болотѣ, которое протянулось на нѣсколько десятковъ верстъ и огибало нѣсколько селъ и деревень, расселенныхъ по обѣимъ его сторонамъ, изстари, завѣдомо, «*за-знать*», плодится во многихъ мѣстахъ звѣрь выводками. Обапольные мужики знаютъ своего звѣря и не *строгиваютъ* гнѣздъ, потому-что и волки вблизи своихъ селъ не *щетятъ* скотины.

Борзятники стянулись на лугъ и поѣхали на квартиру; мы спустились ко второму пчельнику, вблизи котораго, по словамъ Ѳеопена, было гнѣздо. У камышевой изгородки пчельника, невзрачный, остарковатый мужичонка съ рѣдкою русою бородкой клиномъ, стоя на одномъ колѣнѣ, тесалъ что-то на обрубкѣ колоды. Мы подъѣхали къ нему и начали расспрашивать о волкахъ.

— Какъ же, есть, милостивцы, есть звѣри... Это мои собачки, батюшка, прибавилъ онъ какъ-то умиленно, голосомъ мягкимъ и вкрадчивымъ, какимъ обыкновенно владѣютъ проходимцы и святоши. — А вы, сударики, охотнички?

— Да, мы охотники.

— То-то, вотъ, давѣ, отъ господъ былъ приказъ; оповѣщали береговыхъ по пчельникамъ, чтобъ осторожнѣй съ звѣремъ быть и охотниковъ не допущать, а докладать ихъ милости, на случай какіе наѣдутъ.

Мы значительно переглянулись.

— Развѣ господа твои здѣсь? Вѣдь баринъ вашъ умеръ. Кто-же тутъ теперь? спросилъ Алѣевъ.

— А молодые-то, дѣтки, батюшка. Вотъ по лѣту наѣхали къ намъ; изъ полку прибыли. Теперь вотъ, старшой-то, Иванъ Петровичъ, за мѣсто батюшки покойника вотчиной править взялся, а меньшой, Петръ Петровичъ, охочь больно до лошадокъ, такъ за заводомъ приглядываетъ.

Я видѣлъ что это извѣстіе произвело въ моихъ спутникахъ впечатлѣніе нерадостное.

— Чтожъ, твои господа сами, что-ли, хотятъ охотиться? спросилъ графъ.

— А Господь вѣдаетъ, сударики; сами, что-ли... Приказъ есть, чтобъ охотниковъ не допущать; а тамъ, что у нихъ на умѣ, неизвѣстно... Вотъ, было недѣли двѣ назадъ, пріѣзжалъ сюда Жигуновъ съ охотою, господъ съ нимъ таково много; досылали тожъ и къ нашимъ, да, нѣтъ, должно быть, запретъ не снятъ; такъ и отъѣхали. А то, еще по лѣту былъ тутотка человѣкъ издалеча, двѣ ночи ночевалъ у меня на пчельникѣ; ужъ и мудренъ-же этотъ человѣкъ! и по имени както не такъ, чтобъ знакомито было.

— Не Өеопеномъ-ли звать?

— Такъ-то, такъ, милостивецъ; онъ самый.. ужъ этотъ на счетъ звѣриныхъ дѣловъ такой дотошникъ, что и не привидано!

— А что?

— Да такъ-то, батюшка; я диву дался глядя на него. Какъ передневалъ онъ тутотка, да обшарилъ, почитай, всю округу, и говоритъ мнѣ, — у тебя, говоритъ, дядя, въ гнѣздѣ звѣря мало; — какъ, мало, говорю: да тутъ ихъ видимо-не-видимо! — Нѣтъ, говоритъ, всего-то, съ стариками, головъ десятокъ, больше не будетъ: вотъ, считай самъ, говоритъ... и пошелъ онъ, милостивецъ ты мой, за энто плесо — и ну гудѣть по звѣриному, на разные голоса, а они, звѣрье-то, сударь ты мой и вышли всѣ вотъ къ пчельнику, прямо ко мнѣ, вотъ сюда, игрище затѣяли... И заподлинно всего-то на все девятеро съ молодыми; а опосля того видывалъ сколько разъ; больше того нѣту...

— Ну, а теперь выводокъ тутъ? спросилъ Бацовъ.

— Какъ-же. Тутотка. Да, они наши-то, спокойны, пообрусѣли и къ народу пріобыкли. Вотъ, старикъ, всѣмъ сталъ знакомитъ: выйдетъ-иной середъ для и ляжетъ, гдѣ на межѣ — поглядываетъ, какъ мужички пашутъ. Года съ два назадъ, завелся было у насъ на селѣ мужичокъ-охотникъ; не-то, чтобъ заправскій какой, а такъ, добылъ онъ гдѣ-то капканъ — и ну ставить; вотъ онъ, волчокъ-то и попади въ капканъ передней лапой, да не ловко задѣло, отгрызся... а ногу повредилъ, вѣстимо, пальцы отшибло; такъ и теперь бродитъ, съ дулдышкой...

Мы больше не стали слушать словоохотнаго пчелинца и отправились на квартиру.

— Однако-жъ, скверно, если эти господа Петровичи заартачатся и не пустятъ насъ въ островъ, сказалъ графъ.

— Это ничего не значитъ, отвѣчалъ Алѣевъ: — дурнаго въ

этомъ я вижу лишь то, что мы должны будемъ откочевать отсюда верстъ на десять вверхъ и лишимся на время удобной стоянки; за то будемъ имѣть больше звѣря.

Бокино торговое село, стоящее при одномъ изъ тѣхъ бойкихъ трактовъ, который въ зимнюю пору проявляетъ изъ себя что-то въ родѣ чистилища для господъ проѣзжающихъ; тутъ такіе ночлеги и ухабы, для которыхъ надо имѣть въ запасѣ и чугунную голову и стальные бока. Часть села, примыкающая къ большой дорогѣ, состоитъ изъ постоялыхъ дворовъ различной формы и величины; два изъ нихъ, лучшіе на видъ, были заняты нами. Помѣщеніе, опредѣленное для насъ, состояло изъ двухъ очень просторныхъ и очень грязныхъ покоевъ, гдѣ каждая половая доска исполняла роль фортепьяннаго клавиша. Натѣшившись вдоволь надъ этою клавитурой, мы усѣлись за трапезу, и Алѣевъ велѣлъ кликнуть Аѳанасья.

— Ступай, сказалъ онъ вошедшему, на барскій дворъ: — узнай къ кому изъ господъ слѣдуетъ тебѣ явиться для переговоровъ; кланяйся и проси позволенія метать завтра гончихъ. Ну, ты ужъ знаешь какъ тамъ поступить.

— Слушаю-съ.

— Надо сказать, прибавилъ Алѣевъ по уходѣ посланнаго: — я какъ-то невольно узаконилъ за Аѳанасьемъ право подобныхъ переговоровъ: его краснорѣчіе при убѣжденіяхъ до того фигурно и непонятно, что всякій съ нимъ соглашается поневолѣ.

Неизвѣстно, какъ велъ себя Аѳанасій на дѣлѣ, но, лишь мы встали изъ-за стола, какъ онъ явился съ извѣстіемъ, что самъ баринъ Иванъ Петровичъ изъявилъ желаніе познакомиться съ нами и прибудетъ для того вскорѣ.

И точно, черезъ полчаса времени у оконъ нашей квартиры появился статный бѣгунъ въ пролеткѣ, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ къ намъ плотный, высокаго роста мужчина, въ тепломъ сюртукѣ съ бобромъ: это былъ еще очень молодой человѣкъ, съ лицемъ цвѣтущимъ здоровьемъ и отмѣченнымъ добрымъ, спокойнымъ выраженіемъ; лучше-же всего въ немъ было то, что ни въ словахъ, ни въ пріемахъ его не было и тѣни этого фразерства и вычурности, которыми рѣдкій изъ насъ не пробавляется въ минуту перваго знакомства.

Въ короткій срокъ, познакомясь со всѣми, Иванъ Петровичъ объяснилъ Алѣеву, что наслышавшись о достоинствѣ его охоты и зная, что ловчій его по лѣту подыскивалъ здѣсь звѣря, они съ братомъ всѣми мѣрами старались сберечь выводки для насъ

и не допускали другихъ охотниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ пригласилъ насъ переселиться въ домъ на все время нашего здѣсь пребыванія. Нельзя было и думать объ отказѣ съ нашей стороны, потому, что приглашеніе это было выражено съ такимъ радушіемъ, ласкою и готовностью доставить намъ угодное, что мы, не возражая ни однимъ словомъ, тотчасъ же собрались и отправились всѣмъ обществомъ къ дому. На встрѣчу къ намъ вышелъ меньшой братъ Ивана Петровича, Петръ Петровичъ этотъ былъ моложе его нѣсколькими годами, ниже ростомъ; тонокъ и строенъ; судя по щеголеватости одежды и нѣкоторой изысканности въ пріемахъ, онъ, какъ казалось, былъ не прочь отъ разыгрыванія свѣтскаго и тоннаго молодаго человѣка, но видя нашу совершенную простоту и безцеремонное обхожденіе, тотчасъ измѣнилъ себя и съ свойственной ему живостью и энергіей доискивался и предупреждалъ желаніе каждаго изъ насъ и не уступалъ въ радушіи своему брату. Такъ составилось это неожиданное нами знакомство; оно было причиною того, что вмѣсто однихъ сутокъ, мы пробыли въ Бокинѣ — пять, и долго и часто послѣ того вспоминали о встрѣчѣ съ этими добрыми и пріятными людьми.

Къ девяти часамъ люди принесли необходимыя для насъ вещи и мы размѣстились очень удобно, гдѣ кому пришло по нраву; домъ состоялъ изъ множества большихъ комнатъ, отдѣланныхъ со вкусомъ и удобно расположенныхъ. Въ гостинной и сосѣдней съ нею комнатѣ висѣло много замѣчательныхъ картинъ; между ними были Рюисдаль и Боппа, а также копіи и оригиналы извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Отецъ нашихъ радушныхъ хозяевъ былъ страстный любитель живописи, а небольшая галерейка, имъ собранная, доказывала, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и знатокъ этого дѣла. Чай пить мы сошлись въ просторномъ кабинетѣ Ивана Петровича; съ этого времени неистощимый нашъ Владимірецъ вступилъ въ свою колею: открытіе сезона началось у него повѣствованіемъ о томъ, какъ русскій мужикъ продавалъ нѣмцу козу; далѣе, пошла въ ходъ исторія о вчерашнемъ пузанѣ, репетиція раздуванія пуха изъ ливрейнаго картуза и проч. Репертуаръ нашего краснобая былъ обиленъ, блестящъ и разнообразенъ; послѣ какого-нибудь анекдота, тотчасъ шло у него представленіе въ лицахъ кого-нибудь изъ общезнакомыхъ или присутствующихъ: малѣйшій оттѣнокъ характера въ каждомъ изъ насъ былъ уловленъ и передаваемъ съ изумительнымъ искуствомъ; дошелъ наконецъ чередъ и до Ивана Петровича,

какъ тотъ приглашалъ насъ къ себѣ и какъ Петръ Петровичъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ общество посреди двора; оба брата катались по дивану, хохоча страшно и прихватывая бока ладонями. Въ два часа за полночь, съ коликой въ бокахъ, улеглись мы наконецъ въ постели.

На другой день мы всѣмъ обществомъ выѣхали въ поле. Своры стояли уже по мѣстамъ; графскій ловчій держалъ сомкнутую стаю вблизи пчельника; новые знакомцы наши внимательно осматривали все и нетерпѣливо ждали начала общей потѣхи, но тенетчики замедляли дѣло: едва достало крыльевъ, чтобъ забрать разстояніе саженей въ шестьсотъ длинику; наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, ловчій со стаей тронулся въ островъ, и, увы! всѣ наши хлопоты и грозныя приготовленія послужили ни къ чему; волки, подбуженные съ утра неосторожнымъ говоромъ тенетчиковъ, снялись съ логова и бродили по острову, предчувствуя грозу; ловчій не успѣлъ пройти и десяти саженей, какъ собаки, почуявъ свѣжіе слѣды, пошли въ доборъ и вся стая помкнула въ разнобой. При первой помычкѣ, волки ватагой бросились въ рѣку и скрылись мимо тенетъ.

Намъ тотчасъ подали сигналъ съ нагорной стороны, что «звѣрь прорвался», и крайніе охотники той и другой половины проворно тронулись съ мѣстъ и пустились на полныхъ рысяхъ вдоль острова: Иванъ Петровичъ, Бацовъ и я поскакали къ тенетамъ узнать, что и какъ происходило въ самомъ островѣ. Спѣшившись, мы подошли топкою луговиной къ лѣвому крылу тенетъ и были зрителями слѣдующаго казуса:

Петрунчикъ, (къ слову сказать) получившій съ помощью бдительнаго надъ нимъ надзора «надлежащій человѣческій видъ», этотъ хитрый и замысловатый Петрунчикъ, въ избѣжаніе докучнаго надъ собой досмотра, вздумалъ отправиться къ тенетамъ, въ качествѣ охотника; на самомъ-же дѣлѣ значилось, что этотъ величайшій трусъ и вовсе не охотникъ, залѣзъ въ болото съ цѣлью праздновать тамъ первые минуты своей свободы, для чего, обезпечивъ себя полуштофомъ пѣнника, расположился, для большей безопасности, у крайняго крыла тенетъ; но едва-ли удалось ему пропустить и одинъ глотокъ, какъ стая помкнула, и молодой волкъ, отбившись отъ гнѣзда, побѣжалъ въ торопяхъ краемъ болота прямо на владѣтеля полуштофа. Взглянувши на волка, Петрунчикъ, съ милой своей посудиной, шмыгнулъ отъ тенетъ и прилипъ къ березѣ; волкъ, между-тѣмъ, съ разлета,

ударилъ въ тенета, сорвалъ два крыла съ кольевъ, заклубился въ нихъ и, дѣлая отчаянные прыжки, поволокъ тенета къ той-же березѣ, зацѣпилъ концемъ за корень и, описавши тура четыре вокругъ дерева, туго прикрутилъ къ нему Петрунчика, а самъ, окутанный тройными складками тенетъ, растянулся у ногъ его и щелкалъ зубами. Прижимая полштофъ къ груди, Петрунчикъ кричалъ неистово и взывалъ къ намъ о спасеніи. Насъ одолѣвалъ смѣхъ.

— Пустяки, братъ; ты вотъ его посудиной по головѣ, онъ и уймется, приговаривалъ Бацовъ.

— Голубчикъ, Бацочка! а-ай!.. Конецъ мой пришелъ! кричалъ тотъ.

Волкъ отъ этого крика ворочался пуще и грызъ тенета.

— Пустяки, братъ, ты вотъ лучше передъ послѣднимъ концомъ выпей, а онъ вотъ тебя закуситъ, прибавилъ Лука Лукичъ.

Наконецъ, наскучивъ этимъ крикомъ, Бацовъ подалъ въ ровъ «*на драку*» и два охотника мигомъ явились на позовъ, сострунили волка и распутали Петрунчика. По общему рѣшенію полуштофъ поступилъ во владѣніе избавителей.

Очутившись на свободѣ, Петрунчикъ усердно просилъ насъ не сказывать графу объ этомъ соблазнительномъ происшествіи, но шила въ мѣшкѣ, какъ извѣстно, не утаишь; охотники не замедлили передать этотъ случай къ общему свѣдѣнію, и такимъ путемъ вѣсть о немъ достигла до ушей грознаго Артамона Никитича и т. д.

Въ слѣдъ за тѣмъ, велѣно снимать тенета и мы поѣхали домой, нисколько не досадуя на эту первую неудачу; Атакуевъ вздумалъ было обвинять своего ловчаго въ оплошности, но мы всѣми силами старались доказать ему невозможность успѣха въ этомъ, заранѣе испорченномъ дѣлѣ.

За обѣдомъ Алѣевъ совѣтовалъ Бацову испытать Карая на волкѣ, и въ подмогу ему, какъ новичку, предложилъ выбрать любую изъ собакъ своей своры.

Всѣ въ одинъ голосъ подбивали Бацова взять чернопѣгаго и, послѣ обѣда, въ награду за неудачное утреннее поле, мы полюбовались на садку. Волка вынесли на луговину передъ палисадникъ. Карай, у котораго нога почти зажила, былъ на сворѣ у Бацова. Васька, съ чернопѣгимъ стоялъ въ сторонѣ, за паро-

домъ. Когда разструнили и пустили волка, Карай, съ маху, подлетѣлъ, поволокъ его за *гачи* и опрокинулъ его на спину, но, дальше, какъ молодая собака, не давая ему хода, началъ, по выраженію охотниковъ, «*оплясывать* звѣря». Волкъ щетинился, отщелкивался, забиралъ силу и наровилъ на-утёкъ; тогда Васька, по знаку Алексѣя Николаевича, выѣхалъ на чистоту и показалъ его своей собакѣ. Чернопѣгій ринулся, и въ одно мгновеніе волкъ лежалъ къ верху ногами; Карай, съ этой помощью, впился въ звѣря, какъ пьявка, безъ отрыва; это значило, что изъ Карая можно было ожидать собаку-*мертвую*, потому, что борзыя, принимающія звѣря въ-*отхватъ*, въ настоящей охотѣ признаются за негодныхъ. Мы поздравили Луку Лукича съ открытіемъ новаго достоинства въ его любимцѣ и отправились въ домъ, гдѣ, какъ и вчера, заключили нашъ охотничій день живою дружеской бесѣдой и общимъ смѣхомъ.

Во все время пребыванія нашего въ Бокинѣ, мы взяли два выводка волковъ и травили ихъ блистательно. Говорить подробно объ этой потѣхѣ я не намѣренъ, а лучше разскажу моимъ читателямъ-охотникамъ о вѣрномъ способѣ травить волковъ *ветрѣчныхъ*. Это былъ нашъ послѣдній подвигъ въ Бокинѣ, видѣнный мною первый разъ и едва-ли знакомый кому-нибудь изъ псовыхъ охотниковъ. Дѣло шло вотъ какъ:

Волки, распуганные нами въ первое утреннее поле, по естественному закону должны были возвратиться на старое логовище. Давъ имъ сутки двои обжиться у гнѣзда, мы старались узнать на вѣрное, въ которую сторону гнѣздовики выходятъ на добычу. Услѣдить за этимъ и высмотрѣть входъ и выходъ звѣря, была забота нашихъ неутомимыхъ ловчихъ. Все было исполнено ими съ тѣмъ похвальнымъ усердіемъ, котораго можно ожидать лишь отъ истинныхъ охотниковъ. На пятый, т. е. въ послѣдній день нашей стоянки въ Бокинѣ, часа за два до разсвѣта, люди разбудили насъ и въ домѣ началась суета страшная; мы выпили по стакану чаю, одѣлись не мешкая, раскурили сигары и вышли въ переднюю; тамъ встрѣтилъ насъ Ѳеопенъ, а у крыльца ожидали осѣдланныя лошади и гремѣли ошейниками сворныя собаки. Борзятники обѣихъ охотъ собрались на лужку, гдѣ была садка и ожидали нашего выхода. Въ такомъ составѣ, предшествуемые Ѳеопеномъ Ивановичемъ, мы очутились на лугу, противъ втораго пчельника. Отсюда приказано охотникамъ раздѣлиться на двѣ половины, разъѣзжаться на дистанцію и стать полудугой, въ полбугра, лицемъ къ полю. Мы всѣ отъѣхали на

версту впередъ и укрылись въ кустѣ [1]); остался одинъ Бацовъ и занялъ мѣсто съ Васькой близь пчельника. Петръ Петровичъ вызвался быть у насъ «сторожевымъ»; для этого онъ подвинулся болѣе нежели на версту впередъ и когда развѣло совершенно, мы увидѣли его стоящимъ на гороховомъ ометѣ. Не долго мы смотрѣли на этотъ длинный гребень омета, на которомъ недвижимо торчалъ силуэтъ чернаго всадника. Вскорѣ сторожевой нашъ, съ гикомъ, помчался прямо на насъ; передъ нимъ, словно черные клубки, катились по полю семеро волковъ: вотъ, ближе и ближе, и мы уже начали различать ихъ по возрастамъ. Матка тянула впереди, за нею мчались волчата, далеко отставая другъ отъ друга; сзади, злобно оглядываясь назадъ, прыгалъ старый волчина. Выждавъ на дистанцію, Алексѣй Николаевичъ указалъ своей сворѣ матку; графскіе собаки сметались и возрѣвшись, сѣли на молодаго волчка. Оставя все, Петръ Петровичъ, какъ видно было, занялся однимъ старикомъ; онъ висѣлъ на немъ, не жалѣя лошади, и старался поставить его прямо на кустъ, но хитрый звѣрь, видя травлю впереди и такую неотвязную погоню сзади, наддалъ скачки, покосилъ и началъ забирать въ лѣво, но мы успѣли заскакать на перерѣзъ и вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ *подали* его прямо на Васькину свору. Въ награду за эту услугу мы были ближайшими зрителями, по-истинѣ, удивительнаго пріема Чернопѣгаго и тутъ-же признали, что это, по удали, первая собака во всей Алѣевской охотѣ. Бацовъ, глядя, какъ его Карай тормошилъ уже заколоннаго волка, чуть не плясалъ отъ радости. Это былъ тотъ самый волкъ съ отшибенными пальцами, о которомъ мы слышали отъ пчелинца.

Такъ закончили мы нашу пятидневную потѣху въ Бокинѣ.

Послѣ обѣда люди, обозъ и экипажи выступили, на походномъ положеніи, въ дальнѣйшій путь; мы-же не могли не остаться еще на одну ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ нашихъ радушныхъ хозяевъ. Правду сказать, намъ и самимъ не хотѣлось разставаться съ ними, а они, съ горемъ пополамъ, высказывали невозможность намъ сопутствовать.

На другой день, послѣ обильнаго завтрака, мы простились съ искреннимъ сожалѣніемъ и поспѣшно вышли и размѣстились въ двухъ тарантасахъ, приготовленныхъ для насъ съ вечера, но,

---

1) *Кустомъ* охотники называютъ или небольшой отъемный лѣсокъ, стоящій на глади, среди поля, или небольшую лозниковую заросль съ кочками, мѣсто удобное для лежки зайцамъ и для прочаго.

кучеръ, бывшій впереди, вмѣсто-того, чтобъ тронуть съ мѣста, полѣзъ съ козелъ и началъ что-то оправлять у коренной: вскорѣ оказалось, что это была «штука», придуманная братьями. Иванъ Петровичъ, въ сѣромъ казакинѣ, подпоясанный кушакомъ и въ картузѣ на бекрень, появился на крыльцѣ: не говоря намъ ни слова, онъ полѣзъ на козлы; слѣдомъ за нимъ вышелъ Петръ Петровичъ, съ налитыми стаканами шампанскаго.

— Что это вы дѣлаете? спросили мы въ одинъ голосъ.

— А ночуемъ еще ночку вмѣстѣ, — отвѣчалъ добрякъ, разбирая возжи и навертывая кнутъ на руку.

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ! — крикнули мы разомъ, приняли чуть-ли не по десятому уже стакану въ руки, чокнулись и грянули «ура!» Петръ Петровичъ, накинувъ пальто на плечи, вскочилъ къ намъ въ тарантасъ, усѣлся какъ попало и мы помчались.

Братья проводили насъ слишкомъ за сорокъ верстъ; ночевали мы вмѣстѣ въ крестьянской избѣ и на утро простились, тоже со «штукой», но и не безъ грусти.

Медленнымъ и скучнымъ переходомъ достигли мы наконецъ до «Колягиной вершины», т. е. до *главнаго пункта,* къ которому стремились. Тутъ только началось наше «отъѣзжее поле», а съ нимъ и рядъ тѣхъ замѣчательныхъ случаевъ и сценъ, для которыхъ все сказанное можетъ служить вступленіемъ или приготовленіемъ къ настоящему охотничьему дѣлу.

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

VII.

Мы на пути. — Игра въ зѣвки. — Сныть, т. е. страна, текущая млекомъ и медомъ. — Степь графини Отакойто. — Грозная вѣсть. — Столбъ и надпись. — Миловидный дистаночный и звѣрообразный объѣздчикъ. — Ѳеопенъ какъ дипломатъ, или воръ у вора дубинку укралъ. — Представительная личность. — Лестное предложеніе. — Кое-что о русскихъ глаголахъ.

Мы на пути, т. е. мы заняты нѣсколько сутокъ сряду скучнымъ дѣломъ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Встрѣчный людъ глядитъ, разиня ротъ на нашъ длинный поѣздъ, составленный изъ какихъ-то необыкновенныхъ фуръ, брыкъ, вагоновъ и проч., изъ которыхъ выглядываютъ и собачьи морды и полусонныя человѣческія физіономіи въ косматыхъ шапкахъ, или помятыхъ и сбитыхъ набокъ картузахъ. Первый день мы провели нескучно, среди общаго говора оживленнаго шутками и смѣхомъ; солнце привѣтливо глядѣло на насъ сверху и легкій вѣтерокъ чуть относилъ струи табачнаго дыма отъ экипажей. На другой день затѣялась *чичерь* и провожала насъ вплоть до мѣста. А знаете ли вы, что такое чичерь? Это все, что хотите, т. е. и сухая ѣдкая крупа, и крупный дождь съ мѣлкимъ снѣгомъ, и крупный снѣгъ съ дождемъ пополамъ, и опять крупа — стучитъ и прыгаетъ и — опять очередная.... Такъ и думалось, что настанетъ зима, подмерзнетъ, подтруситъ снѣжку и — начнутся пороши. Однакожъ, не подмерзло, не запорошило; на утро перемѣнился вѣтеръ, перемежающаяся чичерь обратилась въ скучную однообразную слякоть.... настала тишина, обуяла лѣнь, дремота; все утихло, все насупилось; молча, безъ мысли и желанія, глядишь какъ мелкій дождикъ сѣчетъ по кожаному фартуку, слушаешь какъ чвакаютъ лошадиныя копыта, а тамъ уставятся глаза на ободъ колеса и тупо глядятъ, какъ клубится и плыветъ по немъ

мутная вода, потомъ перейдутъ они на лице сосѣда, а тотъ все таки держитъ между пальцами окурокъ сигары, а самъ опустилъ вѣки и клюетъ носомъ по сторонамъ; улыбнешься, зѣвнешь разъ, другой, глаза закроются и — самъ начнешь клевать носомъ, а сосѣдъ проснулся, глядитъ на тебя, улыбается.... Итакъ отъ станціи до станціи, съ утра до ночи, одни лишь усталые кони, кажется, живутъ полной жизнью, они хлопочутъ изъ всѣхъ силъ дотащить насъ въ степь....

Сколько написано стиховъ, сколько пропѣто пѣсенъ про эту степь! Такъ и думается, что это та обѣтованная страна, гдѣ и свѣтло и тепло и просторно человѣку; такъ и чудятся эти безконечныя пампы Буэносъ-Айреса, эта ширь да гладь нашего Херсона, гдѣ «куда ѣдешь — тамъ будешь», гдѣ «поѣхалъ въ степь — ночуй въ степи, всталъ въ степи — ложись на степь!...» Ковыль да перекати-поле, да глубокое синее небо съ журавлиными рѣзкими окриками несущимися ни вѣсть откуда.... Не такова степь за-тамбовская! Вотъ, мы ѣдемъ въ степь: направо ветла — на лѣво ветла, опять ветла за ветлой, а за ними все-таки ветлы да ветлы.... Пришлось такъ, или наскучило: свернули направо, налѣво дорожка словно ленточка: тутъ черная гряда, глубокая пахать, тутъ полосами озими, опять грядки взбуравленной земли да порыжѣвшая степца съ болотными круговинами да съ вымочками.... Блѣдно, желто, бугристо, и грязь, и груда.... скирды съ сѣномъ, стога съ хлѣбомъ, какія-то подобія человѣческихъ жилищъ подъ грубою настилкой соломы, полусгнившей отъ течи, полуистлѣвшей отъ копоти, да кой-гдѣ куща горькаго осинника утыканнаго сплошь вороньими гнѣздами.... А вотъ, усталые кони начали пофыркивать и поднимаютъ уши чаще прежняго: впереди хуторокъ, непремѣнно Свинушка или въ родѣ того.... Вотъ, и опять хутора. — Эй! Какъ зовутся ваши хуторы? — Большія Свинушки, малыя Свинушки! Вотъ вамъ и Сныть: больная Сныть, малая Сныть! Стой! добрались до мѣста; тутъ намъ ночевать! О, кого надѣлила судьба хоть одинъ разъ въ жизни ночлегомъ въ этой Сныти, тотъ навѣрное удержитъ его въ памяти наравнѣ съ пожаромъ, наводненіемъ, непріятельскимъ нашествіемъ и имъ подобными злополучіями.

— Эй, мужичекъ, поди сюда: какъ называется вашъ поселокъ?

— Сныть. Мала-Сныть.

— Ну, ладно. Что, остановиться тутъ можно?

— Какъ-становиться?

— Ну, извѣстно какъ.... На почевку. Ночевать.

— А, почевать.... мажно.... У нас, у сусѣда-мажно; п-дѣ хошь.

— Овесъ ѣсть?

— Какъ не быть. Овса въ волю.

— Почемъ за четверть?

— Какъ, почемъ?

— Ну, извѣстно, какъ цѣна; почемъ продаете?

— На продажу нѣтути.

— Какъ, нѣтути? Вѣдь ты говоришь — овса въ волю! Вѣдь вы овесъ продаете?

— Продаемъ. Къ пристанямъ ставимъ, на базаръ вывозимъ.

— Ну, какъ цѣна базарная? почемъ?

— Хтошь ее.... Опомнясь гривенъ семь продавали. Баютъ, сталъ дешевле... годъ овсяный.

— Ну, мы тебѣ дадимъ восемь гривенъ за четверть; давай овса.

И опять — нѣтути!

Семь, восемь гривенъ ассигнаціями за четверть овса и овса-*нѣтути*; а у хозяина четырнадцать кладушекъ «сулѣтошнихъ» на гумнѣ — точатъ мыши, а на продажу все таки — нѣтути, неуправка, своихъ лошадей кормятъ снопами, а помолотиться не хватаетъ времени «возка одолѣла; хлѣба до зимы не убрать съ поля!»

— Эй, хозяйка! смети-ка со стола; что это за крошево навалено? взываетъ нашъ Артамонъ Никитичъ, войдя въ тѣсную смрадную лачугу, отъ пола до потолка набитую ребятами и поросятами. Тутъ, по его соображенію, можно было помѣстить поваровъ, потому что осмотрѣнныя уже имъ двѣ лачуги были еще гаже и неопрятнѣе.

— Заразъ, кормилецъ; то — хлѣбушка; робяты не поглодали, приговариваетъ одна изъ закоптѣлыхъ бабъ, сгребая локтемъ въ рѣшето крошево или, лучше сказать, ломти и крошки чернаго какъ уголь и черстваго какъ камень хлѣба.

У хозяина десять кладушекъ непочатыхъ ржи на гумнѣ, а онъ самъ и его *робяты*, съ утра до ночи, лѣто и зиму, въ праздники и будни — глодаютъ это подобіе хлѣба, недоквашеннаго, недомѣшаннаго, въ которомъ запекается двѣ части всякой дряни и только третья часть чистой муки. Что это? скудость, нищета, экономія, что-ли? въ краю, гдѣ каждая десятина даетъ сорокъ четвертей хлѣба превосходнаго качества?

— Да грязь-то соскобли съ лавокъ, добавляетъ Артамонъ Никитичъ, толкая ногой свинью, развирѣпѣвшую за свое кри-

кливое дѣтище, которому я имѣлъ неосторожность отдавить ноги; ступивши на пукъ соломы, гдѣ оно копошилось.

Вскорѣ появились наши люди и, выгнавъ бабъ съ ребятами и свинью съ поросятами въ другую избу, принялись выгребать и выворачивать скрябками и лопатами гнилую постилку и всякій соръ изъ избы, чтобъ имѣть возможность приготовить ужинъ для охотниковъ. Я пошелъ смотрѣть, какъ кучера и борзятники таскали подъ мышками немолоченный овесъ. Самъ хозяинъ усердно помогалъ раззорять сулѣтошнюю кладушку и самъ таскалъ снопы и подкладывалъ ихъ подъ морды лошадямъ. Къ величайшему нашему удовольствію, слякоть прекратилась, вѣтеръ гналъ облака въ разныя стороны, изрѣдка посвѣчивало красноватое осеннее солнце готовое спрятаться за длиннымъ ометомъ гречневой соломы, лежавшимъ на краю выгона: все предвѣщало холодную утреннюю зарю и, если не ведренный и теплый, то, по крайней мѣрѣ, сухой день. Заботливые наши ло́вчіе увели обѣ стаи залежавшихся гончихъ въ про́водку. Освобождаясь изъ тѣсной и душной закуты, собаки радостно взвизгивали, выпрямляли ноги; катались на спинѣ и какъ-будто поздравляя съ просторомъ и свободой вылизывали одна у другой морды; всего опаснѣе въ этомъ случаѣ борзыя: тѣ, послѣ обыкновенной растяжки и выправки, пускались дѣлать вольты и удивительные прыжки; тутъ безъ внимательнаго надзора и постоянныхъ окриковъ можетъ случиться то, что пять, шесть злобачей заложатся по игрунѣ, заловятъ ее и, прежде нежели псари успѣютъ подбѣжать на выручку, плясуна или плясунью изорвутъ въ клочки.

Въ надеждѣ на благопріятную перемѣну погоды, мы распо́ложились на выгонѣ бивуакомъ, сдвинули экипажи какъ указывала потребность и подувавшій еще легкій вѣтерокъ, устроили логовище для стайныхъ и сворныхъ собакъ; изъ единственнаго деревяннаго топлива съ трудомъ добытаго въ Сныти, т. е. изъ стараго плетня, развели два пепелища для заварки котловъ и добыванія углей на самовары; однимъ словомъ, въ короткое время передъ Снытью образовалось что-то въ родѣ конной ярмарки: близъ двухъ котловъ, въ которыхъ псари кипятили воду для овсянки, а повара бѣлковали двухъ жирныхъ барановъ на ужинъ людямъ, собралась порядочная кучка зѣвакъ и тѣ изъ охотниковъ, которые были не прочь поточить лясы и поострить на счетъ ближняго, затѣяли тотчасъ разговоръ съ мирными обитателями Сныти.

— А что, почтенный, въ баню, чай, по суббо́тамъ ходишь?

обратился острякъ Никита къ сиволаповому долговязову парню, который стоялъ, растопыря руки и выпуча глаза. Дѣтина этотъ былъ дотого грязенъ, что на него страшно было смотрѣть; волосы на головѣ у него были сухи, безцвѣтны и торчали какъ иглы.

— Кака тамъ баня! произнесъ парень, запуская пятерню къ себѣ въ чубъ и глядя въ пустоту.

— Извѣстно, какія бани бываютъ....

— И, косатикъ, мы къ эфтому не привычны; бань нѣтути и въ заведеніи у насъ, вступился невзрачный клинобородый мужичонка, такой же грязный и нечесаный какъ и первый.

— Чтожъ вы, косаремъ, что-ли, скоблитесь?

— А вотъ, родимый, подъ праздникъ Миколу зимняго, бражку заваримъ, въ печку слазимъ — то и баня у насъ!

— Отъ Николы до Николы, а тамъ—николи! Ладно! заключилъ Никита.

— Оттого и дамы у нихъ всѣ таки-брюнетачки, прибавилъ графскій борзятникъ, довольный своей изысканной рѣчью.

Я не сталъ больше слушать и пошелъ къ экипажамъ; тамъ, съ помощью ковровъ, попонъ и прочаго, съумѣли устроить что-то въ родѣ шатровъ и балагановъ съ обильнымъ количествомъ сѣна и соломы, долженствовавшихъ замѣнить для насъ и для охотниковъ пуховики и матрасы. Тутъ же на двухъ появившихся откуда-то столахъ Артамонъ Никитичъ распоряжался приготовленіемъ чая. Чѣмъ ближе были мы къ цѣли, тѣмъ сильнѣе томило всѣхъ желаніе скорѣе кончить наше скучное путешествіе; всѣ съ тоскливымъ видомъ поглядывали другъ другу въ глаза и взгляды эти, какъ нельзя яснѣе, выражали мысль каждаго. Всѣ эти Воробьевки, Свинушки, Сныти и пр., со всею ихъ грязью и копотью, блохами и тараканами, были дотого однообразны и съ виду похожи одна на другую, что намъ, послѣ двухъ-трехъ ночлеговъ, начало уже казаться будто мы закружились въ какомъ-то водоворотѣ и вертимся на одномъ и томъ же мѣстѣ. Алексѣй Николаевичъ, котораго мы наименовали шкиперомъ, одинъ соображалъ, расчитывалъ и распоряжался нашимъ передвиженіемъ и какъ опытный морякъ, знавшій всѣ рифы и отмели, увѣрялъ насъ, что избранный имъ ночлегъ есть лучшій и удобнѣйшій и слегка подтрунивалъ надъ нашимъ нетерпѣніемъ.

И вотъ, выждавъ минуту, когда мы размѣстившись какъ попало начали молча прихлебывать изъ стакановъ, онъ улыбнулся

глядя на наше уныніе и объявилъ, что завтра намъ остается только одинъ короткій переходъ до мѣста. Мигомъ всѣ оживились и заговорили въ разъ.

— Да, отсюда до графской степи всего восемнадцать верстъ, а тамъ верстъ семь степью до станціи, заключилъ Алѣевъ.

Начались общія поздравленія. Второй стаканъ чаю казался для насъ вкуснѣе; графъ приказалъ налить Петрунчику пуншъ; тотъ пріосанился и выкипулъ штучку; Бацовъ подалъ Караю пол-кренделя; Владимірецъ отпустилъ малую-толику изъ пантомины глухонѣмаго.... однимъ словомъ, отъ этого ничтожнаго извѣстія у всѣхъ просіяли лица. Тотчасъ былъ призванъ одинъ изъ обозничихъ и ему приказано, съ частью легкихъ передовыхъ подводъ и поварскою фурою, выступить на разсвѣтѣ и идти до мѣста на рысяхъ для занятія квартиръ.

Ни съ одной станціи не собирались мы такъ торопливо и весело въ путь, какъ это было послѣ ночлега въ Снытп. Едва разсвѣло и передовые тронулись, какъ и остальное кочевье поднялось на ноги; начали поить и впрягать лошадей, кормить собакъ, укладываться, усаживаться.... и вотъ, при яркомъ сіяніи солнца на совершенно чистомъ небѣ, среди невыразимой тишины свѣжаго осенняго утра, мы тихо потянулись по ровной проселочной дорогѣ. Въ слѣдствіе ли перемѣны погоды, или потому, что на душу вѣяло ожиданіемъ чего-то лучшаго, мнѣ казалось, что самая мѣстность рѣзко измѣнилась въ своихъ очертаніяхъ и что мы очутились въ другомъ краю; кругомъ насъ была эта тишь, просторъ, безлюдье; кромѣ нашего обоза ползшаго шагъ-за-шагомъ по ровной плоскости, мы не встрѣтили ни одного существа способнаго нарушить безмолвіе окружавшей насъ пустыни: однѣ лишь бѣлогрудыя дрофы, ходя стадами по полю, сторожко насъ оглядывали; кой-гдѣ торчали не свезенныя еще копны, да разбросанные по горизонту хуторки, словно приплюснутые къ землѣ соломенные жгутики, разнообразили ту картину, которой нельзя было дать другого названія какъ *земля* да *небо*. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли въ даль, какъ-будто каждый изъ насъ старался увидѣть прежде другихъ что-нибудь знакомое впереди, но долго и долго передъ нами длилась одна лишь эта недостижимая черта дальнаго горизонта, которая убѣгала все дальше и дальше, становилась тонѣе и нѣжнѣе по мѣрѣ возвышенія солнца на синемъ безоблачномъ небѣ.

Наконецъ, подобно мореходцамъ потерпѣвшимъ крушеніе, мы могли воскликнуть: берегъ, берегъ! Мы узрѣли эту завѣтную

грань, за которою по всѣмъ вѣроятностямъ ожидало насъ много сильныхъ и дорогихъ охотнику ощущеній. Алексѣй Николаевичъ первый, показывая на тонкую едва замѣтную впереди черту, сказалъ: вотъ Графская! и всѣ начали напряженно смотрѣть въ даль. Для меня, мало постигавшаго значеніе этой короткой фразы, открылось впереди не что иное, какъ просторная равнина степи, законченная темною полосой лѣса, обнимавшаго полъ небосклона впереди. Мы подвинулись еще версты на три впередъ, и лѣсъ этотъ, казавшійся въ началѣ отдѣльною кущею, началъ принимать обширные размѣры, темнѣлъ и ширился.

— Ого, мы кажись ѣдемъ въ степь, а впереди насъ засинѣла цѣлая Вологодская губернія; тутъ, какъ видно, растутъ лѣса и немаленькіе! сказалъ я, обратясь къ Алѣеву.

Тотъ улыбнулся и вмѣсто возраженія встрѣтилъ меня вопросомъ.

— Вы принимаете эту черную полосу за гряду лѣса?

— Конечно. Иначе быть не можетъ. И въ добавокъ лѣсъ не шуточный; тутъ будетъ гдѣ разойдтись вашимъ пискунамъ.

— Это начались *соры*. Вы ихъ увидите здѣсь много. Вотъ, вскорѣ покажутся Синіе кусты; то лѣсъ настоящій.... И глядя на мою вопрошающую физіономію Алексѣй Николаевичъ продолжалъ: — Вотъ эта, широкая возвышенная полоса, по которой не трудно разъѣхаться въ двухъ каретахъ, не что иное, какъ грань или окружная межа графской степи. Она опоясываетъ сто двадцать тысячъ десятинъ земли отъ сотворенія міра не паханой; по ней бродятъ стадами журавли, дрофы, стрепета и обитаютъ милліоны сурковъ. Это собственность (какъ ее называетъ мой Аѳанасій) графини Отакойто. Купцы-гуртоправы снимаютъ часть этой степи, участками, для выкормки бойнаго скота, съ правомъ распахивать третью часть участка; такимъ образомъ, поднявши часть степи плугомъ, они засѣваютъ на ней бакчи, потомъ просо, макъ, пшеницу и, снявши нѣсколько хлѣбовъ, бросаютъ вспаханную землю и поднимаютъ *новь*; тучный черноземъ оставленный безъ обработки покрывается сорными травами: полынomъ, чернобыльникомъ, девясилемъ, репейникомъ и другими; нѣкоторые стебли тянутся въ вышину аршина на два и выше и образуютъ изъ себя сорную заросль вышиною въ ростъ человѣческій: вотъ отчего издали эти соры кажутся сплошною лѣсною кущей и такъ разнообразятъ видъ степи. Тутъ появляется множество мышей, которымъ, въ грунтѣ разрыхленномъ, легко

устраивать для себя норки и это служитъ приманкою для лисицъ; онѣ постоянно мышкуютъ въ сорахъ, а живутъ и выплаживаютъ по сосѣдству съ ними въ сурчинахъ. — А вотъ, и Синіе кусты показались; отсюда остается намъ проѣхать верстъ пять до Козихи, а тамъ Дроновы хутора, заключилъ мой опытный истолкователь.

Мы подвинулись еще версты на три впередъ; Синіе кусты показались въ полномъ объемѣ и начали уходить отъ насъ налѣво; стоя посреди графской степи, они являли изъ себя что-то въ родѣ оазиса среди плоскости усѣянной небольшими курганчиками, на которыхъ подобно короткимъ тумбочкамъ сидѣли сурки. Мы ѣхали рубежемъ; направо отъ насъ были земли такъ называемыя *владѣльческія*, налѣво безконечно тянулась графская степь: тамъ-сямъ появлялись отдѣльными полосками соры; ближайшій къ намъ была не что иное, какъ рѣдкій бурьянъ, а дальніе, сливаясь въ одну гряду, обманывали глазъ, и казались сплошнымъ и густымъ лѣсомъ. Глядя на Синіе кусты и слѣдуя рубежемъ, мы подъѣхали къ Козихѣ, т. е, къ круглому, заросшему мелкимъ кустарникомъ болоту, которое лежало во владѣльческихъ угодьяхъ и упирало въ графскій рубежъ. Это болото названо Козихой потому, что тутъ нѣкогда обитали дикія козы; а теперь выплаживается въ немъ страшное количество журавлей, гусей и другой дичи. За болотомъ направо показались Дроновы хутора, т. е. мѣсто нашего пристанища; надобно было подвинуться еще съ версту впередъ, повернуть направо и быть дома. Тутъ, на краю, такъ сказать, желаннаго берега, насъ ждало то явленіе, которому надлежащее названіе предоставляю дать горячимъ охотникамъ.

На рубежѣ, въ томъ мѣстѣ, откуда шла со степи дорога къ хуторамъ, мы увидѣли столбъ съ черной доской; подлѣ столба два человѣка о чемъ-то горячо разговаривали: одинъ изъ нихъ, пѣшій, стоялъ и слушалъ, верхникъ что-то объяснялъ ему, показывая рукой въ разныя стороны; наконецъ, онъ тронулся рѣзкой рысью въ степь, часто оглядываясь и зорко осматривая нашъ поѣздъ; пѣшковой пошелъ къ намъ на встрѣчу; въ немъ мы вскорѣ узнали Артамона Никитича, который на разсвѣтѣ дня отправился съ передовыми для занятія квартиръ. Трудно было угадать, что спѣшилъ онъ намъ сообщить, но судя по этой дальней встрѣчѣ нельзя было сомнѣваться, что онъ шелъ за дѣломъ.

— Ну, что? произнесъ графъ на такомъ разстояніи, съ кото-

раго можно было слышать слова и обозрѣть до крайности озабоченную физіономію его камердинера.

Вмѣсто отвѣта Артамонъ Никитичъ снялъ шапку и, не прибавляя прыти, тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ подошелъ къ экипажу.

— Что скажешь? повторилъ графъ, ожидая слышать непремѣнно что-нибудь новое.

— Что, ваше сіятельство, плохо.... вышелъ нарочно, чтобъ встрѣтить васъ, началъ Артамонъ Никитичъ.

— Какъ плохо? Что такое? Что случилось?

— Да, у насъ, слава Богу, все благополучно.... только, вотъ, это обстоятельство какъ вамъ покажется! добавилъ камердинеръ показывая на столбъ съ черной доской.

— Чтожъ тамъ такое? Что за доска?

— Помилуйте, какое строгое запрещеніе на все, что, кажется, птицѣ чужой не перелетѣть за межу; по осени вотъ ужъ четыре охоты спровадили.... и мы чуть остановились, объѣздчикъ на дворъ: что вотъ онъ поѣхалъ извѣщать дистаночнаго объ нашей охотѣ. Строгость, говоритъ, да взыски съ нихъ такіе, что Боже упаси.

Выслушивая эту новость мы успѣли выдти изъ экипажей и вмѣсто всякихъ разсужденій отправились къ столбу.

Кто ожидалъ, кому могло придти на мысль, что въ минуту прибытія нашего въ этотъ желанный край, насъ встрѣтитъ, какъ-будто нарочно для насъ приготовленное одно изъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, передъ которымъ вся эта прошлая тоска и дремота, грязь и слякоть, всѣ эти Воробьевки и Свинушки, съ ихъ полнымъ безобразіемъ, были — ничто.

На столбѣ мы прочли, если не такъ складно, за то явственно и вразумительно написанное, объявленіе отъ главной вотчинной конторы графини Отакойто, (такъ будемъ ее называть по милости Аоанасья) объявленіе, строго воспрещающее: «прогонъ на паству лошадей, скота, а главное — ружейную и псовую охоты во владѣніи графини, подъ опасеніемъ, что скотъ, лошади, овцы и ружья у охотниковъ будутъ отбираемы, собаки убиваемы, всѣ охотничьи снасти, какъ-то: капканы, дудки, силки, сѣти перепелиныя и проч. уничтожаемы, а сами охотники, въ случаѣ ослушанія и ссоръ, въ контору по принадлежности представляемы...» и проч. И всѣ эти — *аемыя*, т. е. чаемыя и для насъ злополучія были читаны всѣми поочередно и по нѣскольку разъ.

Пока господа упражнялись въ чтеніи этого зловѣщаго объявленія, охотники тоже сходились, окружали Артамона Никитича

и, съ приличными въ нужныхъ мѣстахъ восклицаніями на русскій ладъ, выслушивали онъ него непріятную новость. Одинъ только Ѳеопенъ слушалъ въ полъ-уха и сидя на козлахъ стайной фуры задумчиво похлестывалъ короткимъ кнутикомъ по сапогу; новость эта, какъ видно, была для него ни почемъ. Я подошелъ къ нему:

— Ну, Ѳеопенъ Ивановичъ, дѣло-то вышло дрянь, сказалъ я, любопытствуя знать, какъ это извѣстіе на него подѣйствовало.

— А что?

— Да то, что въ графскую намъ нельзя и носа сунуть... Запрещеніе строгое.

— Ни-че-восъ.

— Какъ, ничего! До насъ четыре охоты были здѣсь, да съѣхали; слѣдовательно и насъ не пустятъ.

— Захотятъ, пустятъ....

— Въ томъ-то и дѣло, что не захотятъ... Объѣздные учреждены: ловятъ, ружья ломаютъ, собакъ бьютъ... Значитъ, нельзя же идти на проломъ. Пожалуй, непріятностей могутъ надѣлать.

— Да, што... ничево-съ...

Только и рѣчи! Какое-то странное упорство, досадная самонадѣянность, это холодное отношеніе къ интересу минуты... Чортъ знаетъ, что это за каменный человѣкъ, подумалъ я и отошелъ къ обществу.

Мы дошли пѣшкомъ до квартиры. Дроновы хутора разселены вдоль неправильной ложбины съ узкимъ протокомъ перепруженнымъ плотинами. Тутъ, въ ближайшемъ къ графской степи хуторѣ, суждено было намъ пріютиться. Помѣщеніе было довольно сносное; особенно для стайныхъ и сворныхъ собакъ обѣихъ охотъ нашлись два просторныхъ сарая, которые для большаго удобства надлежало только разгородить жердями и устлать соломой; но мы не могли ни къ чему приступить положительно; люди ходили съ мѣста на мѣсто, спустя головы и, какъ говорится, *руки врозь*, не зная за что взяться; господа собрались въ одной изъ довольно просторныхъ избъ, съ недавно вымытымъ дощатымъ поломъ: одни сидѣли молча какъ громомъ пораженные, другіе бѣгали въ досадѣ изъ угла въ уголъ, цѣпляясь за связки и чемоданы кой-какъ брошенные при переноскѣ ихъ изъ экипажей. Это нежданное извѣстіе дѣйствовало на всѣхъ возмутительно: кромѣ того что мы лишались одного изъ самыхъ лучшихъ и надежныхъ мѣстъ для двухнедѣльной потѣхи, мы потратили много времени на длинный переѣздъ, зашли въ про-

тивную сторону и отдалились отъ вольныхъ и обильныхъ звѣремъ мѣстъ на двойное разстояніе. Алексѣй Николаевичъ вытребовалъ хозяина. Ражій мужичина, съ окладистой бородой въ видѣ лопаты и съ простодушнымъ взглядомъ, подтвердилъ наше опасеніе за будущее и предрекалъ чистую неудачу: по словамъ его уже нѣсколько охотъ прежде насъ, простоявъ сутки въ хуторахъ, должны были удалиться. «Завели-вишь новый управляющій надъ заводами и положилъ запретъ на все... а объ охотникахъ и говорить нечего! что ружей поизломали у мужиковъ, которые охочи до дудаковъ, что сѣтсй пootобрали у перепелятниковъ, ужасти! Такъ и вашей милости, я чай, не придется погалдить въ степи, затѣмъ новый управляющій, сказываютъ, самъ собачаръ! До прежде его всѣмъ было споручно и па счетъ скотины было куды-вольготно! а теперь, нѣтъ! Крутыя времена пришли!» заключилъ разсказщикъ.

Сообщивъ эту нерадостную вѣсть, борода убралась восвояси.

Во время обѣда объявили намъ, что ѣдутъ объѣздчики. Всѣ обратились къ окнамъ и съ любопытствомъ смотрѣли на этихъ посланцевъ судьбы. На статныхъ коняхъ степной породы, полемъ, прямо къ нашему хутору, ѣхали три всадника: не было сомнѣнія, что это объѣздные съ графской, ѣхали къ намъ съ извѣстіемъ, конечно нерадостнымъ. Тотчасъ былъ призванъ Артамонъ Никитичъ и ему въ пять голосовъ было приказано задержать гг. прибывшихъ, пока кончится нашъ обѣдъ, а между тѣмъ принять ихъ какъ можно ласковѣе, угостить порядкомъ, и стараться какъ можно вкрадчивѣе и искуснѣе «добыть языка», но, главное, стараться задобрить и если можно, то купить ихъ расположеніе.

Что было говорено до насъ, неизвѣстно. Послѣ обѣда велѣно впустить объѣздныхъ къ его сіятельству. Одинъ изъ нихъ остался при лошадяхъ, двое вошли къ намъ въ избу и почтительно поклонившись остановились у двери. Первый изъ вошедшихъ былъ молодой, статный и красивый малый, въ синемъ тонкомъ полукафтаньѣ, перетянутъ черкескимъ поясомъ и въ козловыхъ сапогахъ; съ перваго же взгляда было ясно, что этотъ щеголь былъ неглупъ, рѣчистъ и самолюбивъ, т. е. не прочь отъ удовольствія получить особенный почетъ и при случаѣ разыграть роль проѣзжаго купчика. Онъ состоялъ въ роли старшаго объѣздчика или дистаночнаго, имѣлъ у себя подъ командой двѣнадцать человѣкъ верховыхъ нaлетовъ, которыми, какъ узнаемъ послѣ, распоряжался очень умно и не безвыгодно

для себя. Товарищъ его простой объѣздчикъ былъ что-то среднее между мужикомъ и дворовымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ среднее же между человѣкомъ обыкновеннымъ и страшилищемъ. Судя по его росту, плечамъ и этой скуластой, плоской, изрытой оспинами, съ тупымъ и звѣрскимъ взглядомъ раскосыхъ глазъ, харѣ и вообще какой-то свирѣпости во всемъ ея складѣ, значилось ясно, что для этого степнаго витязя выпить полведра съ маху, сожрать барана и приплюснуть встрѣчнаго, было дѣло нестоющимъ долгаго размышленія.

— Ну что, господа честные, зачѣмъ пожаловали? началъ Алексѣй Николаевичъ, которому, какъ опытнѣйшему и бывалому уже здѣсь, мы предоставили дипломатическую часть этого важнаго дѣла.

— Къ вашему сіятельству, явились съ покорнѣйшей просьбой, отвѣчалъ начальникъ стражи съ полнымъ уваженіемъ и заученой подчиненностью. По его голосу и выраженію надо было думать, что онъ долженъ быть или смышленнѣйшій и тончайшій плутъ, или скромный и точный исполнитель своей обязанности.

— Радъ служить. Что вамъ отъ насъ надобно?

— Мы наслышены, что ваше сіятельство изволили прибыть въ эти мѣста на счетъ охоты, такъ если вашему сіятельству неравно желательно будетъ проѣхать въ нашу степь, то мы обязаны васъ предупредить и дать объ васъ знать конторѣ, а вамъ заявить впередъ, что травить звѣря въ нашихъ дачахъ не дозволяется.

— Знаю, любезный. Мы давеча читали тамъ у васъ на межѣ запрещеніе. Кто это смастерилъ его? Для вашей графини, кажется, все равно... Что, она вернулась изъ Италіи?

— Никакъ нѣтъ. Вотъ, ужъ седьмой годъ пошелъ....

— А управляющій у васъ тотъ-же? какъ его... Огнивкинъ, Кремешковъ, что ли? Онъ былъ человѣкъ сговорчивый.

— Никакъ нѣтъ. На ихъ мѣсто назначенъ новый. Вотъ ужъ два года слишкомъ какъ они завѣдываютъ и вотчиной и заводами.

— Ага, такъ это онъ придумалъ такую строгую систему?

— Не могу знать. Намъ отъ конторы назначеніе послѣдовало. Еще съ прошлаго года учредили четыре дистанціи, человѣкъ по двѣнадцати объѣздныхъ въ каждой.

— Ого! Значитъ, къ вамъ теперь и муха не пролетитъ безъ вашего вѣдома...

— Муха не муха, а вотъ на счетъ бычковъ да промышлен-

никовъ разныхъ, ужъ это будетъ наше попеченіе... Тутъ мы должны стараться не упускать изъ вида ничего.

— Хорошо. Ну, а если намъ теперь понадобится идти къ Боброву или на Битюгъ? Тутъ какъ вы посудите? Вѣдь намъ нельзя же перелетѣть на крыльяхъ верстъ сорокъ... Мы не журавли!

— Это какъ вашей милости будетъ угодно; тутъ мы воспрепятствовать вамъ не можемъ; только я обязанъ о проходѣ вашемъ извѣстить контору и проводить васъ черезъ свой участокъ. Ужъ это моя должность... Вотъ, не угодно ли вашему сіятельству полюбопытствовать на инструкцію.

И г. дистаночный почтительно поднесъ Алѣеву перегнутый въ восьмую листъ бумаги.

Фирманъ этотъ былъ написанъ года два назадъ и такъ потертъ отъ постояннаго ношенія въ карманѣ, что состоялъ изъ восьми отдѣльныхъ лоскутковъ съ буроватыми пятнами. Мы окружили Алѣева и начали читать глядя черезъ его плечи. Любопытное постановленіе начиналось такъ: Отъ вотчиннаго правленія ея сіятельства и т. д. старшему дистаночному 2-й половины колягинскихъ межъ Алексѣю Антонову Крутолобову.

Инструкція.

Тутъ слѣдовало множество пунктовъ за подписью главноуправляющаго полковника Стебакова и управляющаго конторою Клевалова, а въ низу печать.

Инструкція была полная и неумолимо строгая. Послѣ пунктовъ относившихся къ чабанамъ, гурто-правамъ и прочему люду, слѣдовалъ длинный наказъ какъ управляться съ охотниками всѣхъ сортовъ и видовъ. Тутъ было припасено, какъ говорится: «всѣмъ сестрамъ по сергамъ!» Начитавшись вдоволь о ястребятникахъ, перепелятникахъ, псовыхъ и ружейныхъ охотникахъ, мы дошли наконецъ до пункта 29-го, гдѣ было сказано: «Буди же освѣдомишься вѣрно о прибытіи большихъ псовыхъ охотъ для травли звѣря въ твоемъ участкѣ, то обязанъ ты прибывшихъ съ такимъ намѣреніемъ господъ предупреждать, а о прибытіи ихъ контору немедленно извѣщать. Если же таковымъ охотамъ потребуется проходить степью, то обязанъ ты съ объѣздными оную охоту сопровождать черезъ свой участокъ, строго наблюдая притомъ чтобы во время слѣдованія оной охоты никакого звѣря травимо не было». Наконецъ, пунктъ 30-й гласилъ такъ: «У казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, однодворцевъ и вообще у промышленниковъ *ставящихъ капканы* на *сурковъ*, оные отбирать и

вмѣстѣ съ владѣтелями таковыя орудія въ контору представлять» и проч.

По прочтеніи этой «грозы конторской», какъ назвалъ ее Владимірецъ, между нами возникла жаркая французская полемика; каждый опровергалъ чужое мнѣніе и предлагалъ отъ себя что-нибудь новое, въ свою очередь ни къ чему негодное. Стерлядкинъ упорно стоялъ на томъ, что это — quelque piege.... pour atraper — насчетъ *срыва*, и стоитъ только заискать и *купить* расположеніе дистаночнаго, то мы навѣрное будемъ травить сколько душѣ угодно. На этомъ кончили и чтобъ условиться на свободѣ какъ дѣйствовать и что намъ окончательно предпринять, Алѣевъ обратился къ дистаночному.

— Ну, любезнѣйшій, это видно, что у васъ тутъ завелись новые порядки — и если существуетъ такое строгое запрещеніе, то мы конечно не рѣшимся сдѣлать вамъ непріятность. Спасибо, что ты извѣстилъ насъ во время. Если понадобится идти вашей степью мы тогда увѣдомимъ. А теперь, чтобъ разстаться друзьями, ступайте-ка напейтесь чайку.

Послѣ легкаго отказа г. дистаночный и его молчаливый товарищъ вышли съ Артамономъ Никитичемъ пить чай.

Въ короткій срокъ ихъ отсутствія, на свободѣ, послѣ подробнаго обсужденія всего дѣла, было условлено и положено, съобща: «Если не удастся какъ-нибудь *смахлевать* этого дѣла съ дистаночнымъ и братіею, помимо конторы и властей, то писать письмо къ управляющему и просить у него дозволенія, по крайней мѣрѣ проходомъ черезъ степь, метнуть гончихъ въ Синіе кусты». Умнѣе этого придумать, кажется, было нечего.

Черезъ часъ дистаночный явился благодарить за угощеніе, хмѣльнаго онъ ничего не употреблялъ и потому велъ себя по прежнему, почтительно и съ достоинствомъ. Задобренный ласковымъ пріемомъ и какъ будто сочувствуя намъ, онъ прибавилъ: «жаль, ваше сіятельство, лисицъ у насъ много; я, признаться, и самъ охотникъ, а *ловить* ихъ *не дозволено*; хоть бы на васъ посмотрѣлъ какъ бы вы стали тѣшиться....

— Да, нехудо бы... А вотъ что, любезный, нельзя ли такъ, помимо вашей инструкціи? а? Мы бы атукнули въ Синихъ кустахъ, прошлись бы по сорамъ... Кто тамъ увидитъ? Управляющій вашъ съ конторою, тамъ, за тридевять земель....

— Никакъ нельзя, ваше сіятельство; на счетъ этого у насъ строгости большія. Народъ тоже.... дружка за дружкой, такъ вотъ — чего не было нлстутъ.... Помилуй Богъ, донесутъ, какъ

разъ подъ красную шапку угодишь... Управляющій же теперешній, не тѣмъ будь помянутъ, человѣкъ, куда — тяжелъ....

— Ну, а если мы отправимъ къ нему нарочнаго съ письмомъ и будемъ просить разрѣшенія поохотиться хоть въ одномъ твоемъ участкѣ... Какъ думаешь, дозволитъ?

— Этого я не могу вамъ доложить... ужъ это какъ вамъ будетъ угодно... Затѣмъ, счастливо оставаться.

Замѣтно было, что послѣдняя предложенная Алѣевымъ мѣра какъ-то неблагопріятно подѣйствовала на дистаночнаго; онъ поспѣшно раскланялся и вышелъ.

Между тѣмъ, пока шли у насъ эти неудачные переговоры, Ѳеопенъ Ивановичъ сидѣлъ на завалинѣ у крайняго двора, гдѣ помѣстился также и объѣздчикъ остававшійся при лошадяхъ. Съ первой понюшки табаку, которымъ Ѳеопенъ Ивановичъ изволилъ попотчивать новаго знакомца, между ними возникла длинная бесѣда. Степнякъ какъ видно былъ не прочь погуторить съ добрымъ человѣкомъ, а ловчій нашъ былъ великій мастеръ слушать; неизвѣстно о чемъ толковали они, но видно было что Ѳеопенъ Ивановичъ услышалъ для себя что-нибудь очень пріятное, потому что даже и тогда какъ степные стражи тронулись въ путь онъ долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ и, пропустивъ потомъ двойную порцію роменскаго съ передышкой, крякнулъ и примолвилъ — «ладно».

По отбытіи дистаночнаго мы остались въ болѣе сомнительномъ положеніи нежели были до его появленія. Осталась одна темная надежда на милость управляющаго... За рѣшеніемъ исполненіе не замедлило. Черезъ часъ времени хозяинъ нашъ стоялъ у избы съ парою дюжихъ коней запряженныхъ въ крестьянскую телѣгу, и Аѳанасій, напутствуемый всѣми возможными совѣтами и приказаніями, усѣлся на мягкой постилкѣ и рѣзкой рысью отправился въ путь. Взадъ и впередъ ему предстояло сдѣлать слишкомъ семьдесятъ верстъ, и потому мы не надѣялись получить отвѣтъ ранѣе какъ на другой день къ вечеру.

За то встрѣча ему была самая почетная; на другой день во время обѣда доложили намъ, что ѣдетъ Аѳанасій; мы словно по командѣ вскочили съ мѣстъ и побѣжали къ окнамъ. Охотники всѣ до одного вышли къ нему на встрѣчу; даже бабы и ребята высыпали на улицу поглазѣть на происходившее. Обозрѣвши эту картину, мы снова усѣлись за покинутую трапезу. Вошелъ Аѳанасій и.... подалъ Алѣеву его же письмо нераспечатаннымъ; при письмѣ была приложена маленькая записка.

— Чтожъ? проговорилъ Алѣевъ принимая письмо.

— Что, сударь, ѣздилъ — ни по что, привезъ — ничего.

Алѣевъ прочелъ записку сначала молча, потомъ началъ въ слухъ: «Его высокоблагородіе, г. главноуправляющій третьяго дня въ шесть часовъ пополудни изволилъ отбыть въ С. Петербургъ срокомъ на одинъ мѣсяцъ, а потому контора за отсутствіемъ его не можетъ дозволить охоты во владѣніяхъ ея сіятельства». Конторщикъ Чревобитовъ.

Боже мой! На семи печатныхъ листахъ не передашь всего, что говорилось по полученіи этого окончательнаго отказа. Начали наконецъ утверждать и доказывать, что мы можемъ травить въ дачахъ графини Отакойто. Отчего, напримѣръ, во время прохода степью на насъ не могутъ напасть волки, лисицы, даже зайцы и мы, защищая свою жизнь, рубимъ ихъ, стрѣляемъ, наконецъ травимъ собаками.... Бѣдную графиню надѣляли заочно такими побранками, отъ которыхъ она навѣрное упала бы въ истерику, еслибъ могла ихъ слышать; управляющему отпускалось ихъ вдвое; Бацовъ свирѣпствовалъ и грозилъ ему рѣшительнымъ побіеніемъ; наконецъ онъ приглашалъ всѣхъ слѣдовать за нимъ съ обнаженными кинжалами и въ случаѣ надобности травить самихъ объѣздчиковъ... Это породило общій смѣхъ, и бѣдный Лука Лукичъ, оставленный въ одиночествѣ при своемъ лютомъ мнѣніи, горячился пуще прежняго и началъ даже намъ самимъ угрожать кинжаломъ. Погоревавши и насмѣявшись досыта, рѣшили наконецъ — завтра же тронуться въ дальнѣйшій путь: взять въ полдень Козиху, а оттуда съ собаками на смычкахъ идти степью прямо къ Хопру.

Рѣшено. Осталось только отдать приказаніе ловчимъ.

— Фунтикъ! Кликни Ѳеопена, сказалъ Алѣевъ случившемуся тутъ мальчику Стерлядкина, который такъ горько рыдалъ, выпрашиваясь у него въ отъѣзжее. Названіе Фунтика онъ получилъ отъ охотниковъ уже во время пути.

Вошелъ Ѳеопенъ и по обыкновенію прилипъ у притолки.

— Завтра, началъ Алѣевъ, надо брать Козиху.

— Это какъ вамъ будетъ угодно.... По моему такъ Козихи съ первоначала брать бы не слѣдовало; ее устьемъ взять и на послѣдяхъ.

— Когда на послѣдяхъ?

— Извѣстно, къ концу, передъ выходомъ, либо такъ — между дѣла, какъ вздумается. Мѣсто подъ рукой, домашнее, звѣрь — набродный.

— Ты, какъ видно, располагаешь туразить тутъ до зимы, а я тебѣ говорю, что намъ надо завтра взять Козиху по пути; мы выступимъ отсюда къ Хопру.

— Это чтожъ?... Что ни лучшія мѣста кинуть такъ! Лучше было и не ходить въ такую даль... Чтожъ мы все и будемъ выступать да выступать. Отъ добра — добра не ищутъ. Мѣсто — въ свѣтѣ первое! Звѣря — сила! А вчера, сидя на завалинѣ, четырехъ перевидѣлъ на риску... лисъ выкунялъ; горитъ, грачъ грачомъ! Самая пора; только бы вотъ — тропуть, посыплютъ....

— Ты говоришь какъ-будто во снѣ... я знаю твой характеръ — вынь да положь! Слышалъ вѣдь кажется....

— Да, што.... Слушать-то нечего!

— Какъ нечего! Тебѣ говорятъ, что въ графскую насъ не пустятъ.

— Какъ не пустить... Захотятъ, пустятъ...

— Ну, вотъ прошу толковать съ подобными людьми! проговорилъ Алѣевъ горячо. Зарубилъ одно... Теперь прошу его урезонить! Тебѣ говорятъ; русскимъ языкомъ, что мы завтра должны отсюда выступить; тутъ дѣлать нечего.

— Это воля ваша... какъ вамъ будетъ угодно... А я мекаю такъ, что дальше идти намъ не за чѣмъ. Что намъ дѣлать на Хопрѣ? Тамъ, я чай, съѣхалось охотника не въ перечетъ... Поди, подметай чужіе слѣды. А тутъ, ѣшь — не хочу! Такихъ мѣстъ вѣкъ не обыщешь, благо — дошли.

— Чтожъ ты будешь тутъ дѣлать?

— А что хочу, то и дѣлаю!

— Ну, вотъ, послушайте его! обратился къ намъ Алѣевъ. — Прошу васъ потолковать съ такими людьми. Тебя призвали сюда для того, чтобъ отдать приказаніе. Завтра мы выступаемъ; по пути возьмемъ Козиху и оттуда, сомкнувши стаю, идемъ степью на Хоперъ. Понятно тебѣ? Затѣмъ тебя кликнули. Теперь, ступай.

— Это понятно. Слушаю-съ.

Ѳеопенъ посмотрѣлъ на меня твердо, вопросительно, какъ-будто онъ хотѣлъ что-то мнѣ сказать, повернулся и какъ-то неохотно вышелъ. По отбытіи ловчаго между охотниками возникло словопрѣніе. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ Бацовъ схватился за мысль Ѳеопена и началъ варьировать ее на разные лады. Всѣ видимо были недовольны своимъ настоящимъ положеніемъ; никому не хотѣлось трогаться съ мѣста и идти дальше, какъ говорится — на авось! и потому Лука Лукичъ

не встрѣчалъ общаго отпора, хотя на вопросъ Алѣева — для чего намъ здѣсь оставаться? и чего ждать? онъ не могъ держать никакого отвѣта. Я сидѣлъ молча и слушалъ, убѣждаясь больше-и-больше, что всѣ, словно по заказу, несли *околесную*.... Тутъ, во время общаго говора, незамѣтно для прочихъ, ко мнѣ подвернулся Фунтикъ и сказалъ шепотомъ, что Ѳеопенъ имѣетъ надобность переговорить со мной о весьма-нужномъ дѣлѣ и проситъ придти къ нему такъ, чтобъ «не замѣтили господа». Увернувшись очень-ловко, я вышелъ и по указанію Фунтика отправился на таинственное свиданіе съ ловчимъ.

За хозяйскимъ гумномъ, на берегу тинистаго протока, гончія лакали запарку изъ полотнянаго походнаго корыта. Ѳеопенъ стоялъ тутъ опершись грудью на весло; съ нимъ были два его помощника — Сергѣй и Пашка.

Я подошелъ къ обществу и попросилъ огня раскурить сигару.

— Что, сударь, вышли прогуляться? сказалъ ловчій.

— Да. Наскучило тамъ сидѣть. Всѣ горячатся, спорятъ и все-таки не столкуются, что дѣлать.

— Да, што.... Не слушалъ-бы.... Дбруцъ!

Ѳеопенъ размѣшалъ остатокъ запарки и обратился ко мнѣ.

— Это я вамъ доложу, сударь, у насъ всегда такъ ведется: съ подходомъ, да съ высока! Вотъ и сюда пришли — за какимъ дѣломъ? на столбахъ граматы вычитывать! Ужъ это я вамъ доложу, что не выду такъ отсюда, а вырою столбъ и буду возить съ собою; куда придемъ — тамъ и поставлю; пусть-ихъ читаютъ на здоровье!

— Нельзя-же, любезный другъ; это дѣло такое — на что если пойдетъ — и столбу вѣрь. Въ чужихъ дачахъ, ты самъ знаешь, травить нельзя; а пойдешь на перекоръ, такъ, пожалуй, влетишь въ такое дѣло, что послѣ и не распутаешься...

Вмѣсто всякого возраженія Ѳеопенъ отвернулся къ корыту и началъ глядѣть по-своему. Эта переглядка вмѣстѣ съ молчаніемъ, для меня, начинавшаго нѣсколько понимать натуру Ѳеопена Ивановича, значила ясно: «дескать, и этотъ городитъ такой-же вздоръ, какъ остальные; и этому больше нечего отвѣчать какъ — *слушаю*».

— Серега, веди. «На мѣсто!» крикнулъ онъ гончимъ. Собаки скучились и пошли за Сергѣемъ. А ты, Пашутка, снимай корыто.

Пашка принялся снимать съ колышковъ корыто, для того чтобъ развѣсить его на жердяхъ для просушки.

— Виноватъ, сударь, потревожилъ я васъ оттуда. У меня до васъ есть нужное дѣльце, началъ Ѳеопенъ, отходя въ сторону.

— Очень-радъ служить, чѣмъ могу. Говори, что надо?

— У васъ лошади не истомлены, или налегкѣ; кучеръ вашъ — парень степенный.... Нужновато-бъ съѣздить мнѣ, не далече тутъ, къ кумѣ.... Не пожалуете-ли вашу тройку; лошади будутъ сохранны; ѣзды тутъ нисколько.

— Помилуй, Ѳеопенъ, какъ-же тебѣ не стыдно затрудняться въ такихъ пустякахъ. Самъ-бы раньше меня распорядился и съѣздилъ, куда надо. Лошади свѣжія, что имъ дѣлается?

— Нѣтъ, ужъ вы сами потрудитесь приказать, своимъ словомъ, это для меня вѣрнѣй. Да, тамъ, между господъ, неравно къ рѣчи придетъ, не проговоритесь какъ-нибудь. Мнѣ-бы съѣхать только такъ, чтобъ не въ домекъ нашему народу; а тамъ, пожалуй, хоть и спохватятся, подождутъ; невелика важность.

Объяснивши въ короткихъ словахъ, какого рода приказаніе я долженъ буду отдать Игнаткѣ, Ѳеопенъ кликнулъ своего выжлятника, которому, какъ видно, онъ довѣрялъ во всемъ больше, нежели Сергѣю.

— Пашутка, летай, сыщи ихняго кучера, да шукни ему, чтобъ поспѣшилъ сюда; только, смотри, осторожнѣй, не заприметилъ-бы кто.

Недолго пришлось намъ ожидать. Пашка и Игнатъ мигомъ явились.

— Игнатка, сказалъ я своему возницѣ, — въ сумерки надѣнь на тройку хомуты, только такъ, чтобъ этого не замѣтили и не было расспросовъ, и какъ только народъ соберется ужинать, запряги осторожнѣе и съѣзжай со двора какъ можно тише. Ѳеопенъ Ивановичъ съ Пашкой поѣдутъ съ тобой, куда надо. Ты теперь остаешься въ полномъ распоряженіи у Ѳеопена Ивановича и если онъ похвалитъ тебя за усердіе, то получишь большое отъ меня спасибо.

Пожелавъ Ѳеопену Ивановичу счастливаго пути, самъ не зная, въ какую сторону лежалъ этотъ путь, я пошелъ обратно, ни мало не затрудняя себя вопросомъ и желаніемъ разгадать затѣю нашего ловчаго. «Что будетъ, узнаемъ послѣ», думалъ я, «а теперь надо молчать». Съ этой мыслью очутился я снова въ обществѣ горемыкъ-охотниковъ. Горячій споръ и длинныя разсужденія шли у нихъ по-прежнему, но дѣло отъ этого не уяснялось и прежнее рѣшеніе оставалось во всей силѣ. Принялись наконецъ съ досады подтрунивать надъ своимъ безотраднымъ положеніемъ;

Владимірецъ въ этомъ случаѣ первенствовалъ и рѣзкими каламбурами вызывалъ общій хохотъ.

Подали уже свѣчи и, слушая въ тихомолку разныя побасенки, я преспокойно допивалъ второй стаканъ чая, какъ нежданно рушилась гроза на мою тайну.

— Ну, если ты такъ твердо вѣришь его словамъ (словамъ Ѳеопена), началъ вдругъ Алѣевъ, относясь къ Бацову, — такъ ты-бы потрудился разузнать отъ него хорошенько — съ чего онъ вздумалъ утверждать....

— Однакожъ, подхватилъ графъ, — я самъ почти одного мнѣнія съ Лукой. Ты знаешь вѣдь Ѳеопена: онъ скорѣе промолчитъ о дѣлѣ, въ которомъ самъ сомнѣвается.

— Хорошо. Если онъ докажетъ чѣмъ-бы то ни было, что для насъ лучше оставаться здѣсь, а не идти дальше, я готовъ оставаться и ждать хоть цѣлую недѣлю.

— Пожалуй. Эй, кликните Ѳеопена, крикнули два голоса разомъ и Фунтикъ прытко побѣжалъ изъ избы.

«Ну», подумалъ я, «что теперь лучше — *быть или не быть* — Ѳеопену?»

Прошло около получаса и Фунтикъ явился съ докладомъ, что Ѳеопена Ивановича нигдѣ не сыщутъ.

— Какъ, не сыщутъ? Пошли кого-нибудь по-умнѣй, чтобъ спросили у выжлятниковъ, сказалъ Алѣевъ.

Прошло еще полчаса. Явился посланецъ *по-умнѣй* и донесъ, что ловчаго нѣтъ нигдѣ и въ добавокъ Пашка пропалъ.

— Дурачье. Послать сюда Сергѣя.

Явился и Сергѣй и доложилъ, что когда онъ уходилъ ужинать, Ѳеопенъ и Пашка оставались при стаѣ, вернувшись-же назадъ, онъ не засталъ ни того, ни другого.

Послѣ этого донесенія послѣдовалъ новый приказъ — узнать, гдѣ Ѳеопенъ и Пашка.

Вслѣдъ затѣмъ въ присутствіи моемъ было отправлено пять посланцевъ справиться уже о томъ, нашли-ли Ѳеопена? Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго явился самъ Артамонъ Никитичъ и доложилъ какъ-то тревожно и таинственно, что и моя тройка сбѣжала куда-то со двора.

— Ну, объ этомъ не хлопочите, отвѣчалъ я, надумавшись на свободѣ, какъ по-искуснѣе солгать. — Я еще съ утра приказалъ Игнаткѣ перековать пристяжныхъ и перетянуть шину на колесѣ. Вѣдь завтра въ походъ, такъ надо-же исправить.

Это успокоило многихъ. Спросили еще раза три о Ѳеопенѣ и

мирно улеглись спать. На утро мы пробудились очень-рано и первый вопросъ у всѣхъ былъ — гдѣ Ѳеопенъ? но, увы, и Ѳеопенъ, и Пашка, и моя подкованная тройка съ Игнатомъ, какъ-будто и на свѣтъ не раживались. Вплоть до девяти часовъ только и рѣчи было, что о Ѳеопенѣ и его спутникахъ. Я упорно молчалъ, твердо надѣясь, что рано или поздо они явятся. Наконецъ вбѣжалъ къ намъ Фунтикъ, какъ-будто съ вѣстью о пожарѣ: «Ѳеопенъ Ивановичъ идетъ, и лошадей ведутъ», проговорилъ онъ на-скоро.

Вмѣсто распросовъ мы вышли одинъ по одномъ и очутились посреди выгона.

По одной изъ окольныхъ дорогъ, не со степи, а отъ сосѣднихъ хуторовъ, тихо шелъ Ѳеопенъ въ своемъ фризовомъ балахонѣ; онъ несъ что-то похожее на маленькую собачку, которая прыгала и вертѣлась у него на рукахъ; слѣдомъ за нимъ тройка, понатужась, везла грузный возъ; по сторонамъ шли Игнатъ и Пашка; у одного въ рукахъ были возжи, другой управлялся съ такимъ-же неспокойнымъ звѣркомъ, какъ и у Ѳеопена.

Недоумѣвая на что подумать, мы молча дождались, пока Ѳеопенъ Ивановичъ очутился отъ насъ въ десяти шагахъ; на рукахъ у него рвался и юлилъ всячески живой сурокъ; взмыленныя лошади подвезли къ нашему крылечку покрытый попонами грузный возъ, въ которомъ, судя по упору тройки, было не меньше пятидесяти пудовъ клади.

— Что это? Гдѣ это? Какъ? Откуда? И множество подобныхъ вопросовъ и восклицаній встрѣтили въ одинъ разъ нашего мудренаго затѣйника.

— Да, вотъ, ѣздили поглядѣть, какъ запретный звѣрь ловится, отвѣчалъ Ѳеопенъ и, сдавши сурка одному изъ охотниковъ, которые сбѣгались со всѣхъ концовъ поглазѣть на происходившее, онъ полѣзъ на колесныя ступицы и сдернувъ попоны, покидалъ на полъ около десятка давленыхъ сурковъ. Остальная кладь состояла изъ капкановъ, весьма-отчетливой и прочной работы. Судя по емкости телѣги и высотѣ вороха, надо было полагать, что тутъ ихъ было штукъ до двухсотъ, слѣдовательно, одного желѣза не меньше сорока пудовъ.

Неожиданная новость эта дотого озадачила всю честную компанію, что никто не рѣшался высказывать въ слухъ своихъ мыслей; глядя на это темное пока для всѣхъ дѣло, я какъ-то невольно припоминалъ тѣ вѣскіе слова, которыхъ смыслъ теперь только началъ по-немногу объясняться: «да што.... ничево-съ....

какъ не пустить — захотятъ, пустятъ!» думалъ я безпрестанно и полагалъ навѣрное, что вся эта продѣлка, всею ея тяжелой стороной, ляжетъ прямо на дистаночнаго и его грозную инструкцію. Кстати-же, думалъ я, тамъ есть кое-что о суркахъ и капканахъ.

— Чьи-жъ это капканы? спросилъ Алѣевъ.

— А хто-шъ ихъ.... Тамъ, разберутся.... Хозяинъ сыщется, отвѣчалъ Өеопенъ съ свойственной ему уклончивостью.

— Какъ не найдтись, прибавилъ краснобай Никита, взвѣшивая на рукѣ одинъ изъ капкановъ, — за десяткомъ, пожалуй, не погнались-бы, а тутъ, вишь, что ихъ наворочено; рублей на тысячу будетъ.

— Тысяча, не тысяча, а за пятьсотъ не укупишь, возразилъ старикъ Андрей, самъ капканщикъ. — Работа знатная, цѣлковыхъ полтора штука....

Стерлядкинъ и графъ посмотрѣли молча Алѣеву въ глаза и только пожали плечьми; послѣдній обратился къ своему ловчему.

— Ну, Өеопенъ, спасибо тебѣ за сметку, а за усердіе вдвое. Теперь я вижу, что ты говорилъ правду: отсюда намъ идти, видно — погодить.

— Что-жъ, денекъ, другой — время нисколько. А тамъ, какъ вамъ будетъ угодно....

— Ну, ну, ладно. Теперь это дѣло надо отдать тебѣ въ опеку; справляйся какъ знаешь. Тебѣ и книги въ руки. Мы тутъ въ сторонѣ. Пойдемте, господа.

И господа возвратились въ избу совсѣмъ не въ такомъ расположеніи духа, въ какомъ вышли изъ нее не задолго: у всѣхъ просіяли лица. Пахнуло вдругъ надеждой на благополучный исходъ испорченнаго нами-же и какъ казалось, невозможнаго дѣла.

— Что это такое! повторяли одинъ за другимъ въ раздумьи, не зная, какъ и что подумать о случившемся. — Ага! что? Я вамъ говорилъ! приговаривалъ Бацовъ, бѣгая взадъ-впередъ по комнатѣ. Онъ торжествовалъ. — Ну, братъ, Өеопенъ твой рѣдкій человѣкъ! вторилъ графъ, и вслѣдъ затѣмъ всѣ сразу приступили ко мнѣ съ вопросомъ что значатъ эти сурки и капканы, съ какой цѣлью Өеопенъ скрылся вчера и для какой надобности выпрашивалъ у меня лошадей? Я отвѣчалъ, что цѣль эту постигаю на столько-же на сколько и они, а лошадей онъ просилъ для того, чтобъ съѣздить къ — *кумѣ*.

Всѣ громко захохотали.

— Изъ всего этого я вижу, заключилъ графъ, — что мы

цѣлые сутки городили вздоръ; одинъ только этотъ немогузнайка знаетъ дѣло, какъ оно есть. Теперь намъ остается одно: ни словомъ, ни дѣломъ не мѣшать ему ни въ чемъ.

— Пусть какъ знаетъ — такъ и кроитъ, добавилъ Стерлядкинъ.

Какъ будто къ слову явился Ѳеопенъ Ивановичъ.

— Ну, что скажешь хорошаго? спросилъ Алѣевъ.

— Ничевосъ. Пришелъ, небудетъ-ли какого приказанія?

— Ну, теперь какія приказанія... А вотъ что, скажика намъ, откуда ты нацапалъ такую пропасть капкановъ?

— Какъ, откуда? Такъ вотъ пообобралъ... Валялись кой-гдѣ по запретнымъ мѣстамъ.

— То-то, смотри, какъ-бы не явились съ обыскомъ? Тогда, знаешь, надо знать какъ...

— Да, што... ничево-съ... Какіе тамъ обыски... извѣстно — воръ у вора дубинку укралъ. Ужъ на этотъ счетъ будьте покойны. Какъ бы намъ еще не пришлось пообыскать округъ ихъ! а то... Тутъ не то дѣло! прибавилъ Ѳеопенъ, помолчавъ немного, и на лицѣ его мелькнула злая усмѣшка, какъ будто онъ припомнилъ что-то очень для себя забавное и смѣшное.

Послѣ этого, конечно, говорить было нечего.

— Тебѣ, я думаю, не мѣшаетъ теперь отдохнуть, заключилъ Алѣевъ.

— Пойду. Ночь-таки намаялись. А насчетъ того, наслучай наѣдутъ сюда эти брызгуны, такъ ужъ извольте приказать, чтобъ къ вашей милости ихъ никакимъ манеромъ не допущать, дескать, почиваютъ, чтоли тамъ, господа; а коли что молъ надо, такъ ступай къ ловчему, затѣмъ молъ, что ему отъ господъ приказъ отданъ. Я такъ и ребятамъ наказалъ.

— Ладно. Дѣлай тамъ какъ знаешь.

— Затѣмъ счастливо оставаться. А телѣга пусть такъ и стоитъ передъ крыльцемъ; ее не прикажите трогать.

Едва-ли нашему ловчему удалось соснуть часъ времени; дистаночный и звѣрообразный его товарищъ не замедлили прибыть со степи; послѣ короткихъ распросовъ у охотниковъ нарочно приготовленныхъ для ихъ встрѣчи, степные стражи отправились къ нашему крыльцу, гдѣ встрѣтилъ ихъ Артамонъ Никитичъ и, объяснившись какъ подобало, отправилъ ихъ съ Фунтикомъ по принадлежности, т. е. для свиданія съ ловчимъ. По словамъ графскаго камердинера, дистаночный Крутолобовъ съ виду былъ унылъ и озабоченъ: онъ долго и навязчиво про-

силъ позволенія представиться къ графу и говорилъ, что кромѣ дѣла на счетъ «грабежа», какъ онъ называлъ подвигъ Ѳеопена, онъ имѣетъ объяснить его сіятельству много кой-чего «касательно охоты».

Съ прибытіемъ дистаночнаго мы были обязаны выдерживать строгій карантинъ; всѣхъ насъ мучило любопытство знать, что станетъ прорекать Ѳеопенъ Ивановичъ при видѣ человѣка, прибывшаго искать законной защиты въ дѣлѣ насилія грабежа и иныхъ золъ возмущающихъ гражданское благоустройство. Бацовъ не утерпѣлъ и пригласилъ меня сопутствовать; съ общаго согласія мы облеклись въ охотничьи кафтаны, надѣли косматыя шапки, пробрались огородомъ и притаились у плетневаго сарая, гдѣ послѣ ночныхъ трудовъ Ѳеопенъ Ивановичъ изволилъ расположиться на отдыхъ. Когда мы устроились на своемъ секретномъ постѣ и я обыскалъ щель для одного глаза, вступительныя рѣчи съ обѣихъ сторонъ были какъ видно уже кончены, потому что разговоръ перешелъ въ область тонкихъ разсужденій весьма мирнаго впрочемъ и дружелюбнаго характера. Дистаночный стоялъ, глядя пытливо на Ѳеопена, товарищъ его безпечно разсматривалъ ничтожные предметы, какъ-то: сѣдлы, ножи, рога и проч. Ловчій нашъ лежалъ на кровати устроенной наскоро изъ трехъ тычинокъ съ перекладинами проткнутыми въ плетень; тонкая соломенная постилка, потникъ подъ бокомъ и сѣдельная подушка въ головахъ, вотъ и всѣ предметы, по которымъ блуждали касые глаза объѣздчика. По лицу дистаночнаго было замѣтно, что онъ былъ чѣмъ-то озадаченъ; Ѳеопепъ Ивановичъ дотягивалъ не торопясь обильную понюшку и началъ, глядя по своему на козловые сапоги начальника стражи:

— Оно дѣло-знамо, на что запретъ положенъ, до той вещи и не касайся... Птица такъ птица, а звѣрь — звѣрь. Сурокъ у васъ тоже за звѣря числится? Неравенъ случай, ябы-тово, себѣ на обшивку... вы, не бось, въ звѣрья его оточтете?

Было ясно, что дистаночнаго Крутолобова очень затрудняло разъясненіе этихъ вопросовъ, а потому, минуя ихъ, онъ двинулся къ своей цѣли, сначала окольною дорожкой:

— Коли вы насчетъ этого нужду имѣете, Ѳеногенъ Петровичъ (такъ именовалъ онъ Ѳеопена), такъ мы вамъ предоставить можемъ.

— Что вы мнѣ предоставите?

— Вы говорите вотъ на счетъ обшивки, такъ если угодно

мы вамъ парочки три-четыре, настоящихъ, выдѣланныхъ... Ужъ это будьте въ надеждѣ.

— Ну, на этомъ спасибо. А теперь котикъ дорогъ сталъ, пострѣли ево-горой! Полушубокъ, что ли опушить — дай не дай два рубля, а то, такъ и весь цѣлковый *).

— Это такъ-съ. Справедливо.

Прослушавъ первое спасибо дистаночный двинулся впередъ шибче.

— А нельзя ли намъ, Ѳеногенъ Петровичъ, уладить съ вами дѣло безъ дальнихъ хлопотъ, такъ, чтобъ и намъ было не обидно, и ваши труды хлопоты не пошли задаромъ?

— Ну, моего труда тутъ нисколько. Извѣстно, дѣлай что велятъ...

— И моего интересу, признаться, тутъ нѣтъ вовсе; только что однѣ можно сказать непріятности... ребятъ жалко; изхарчились сердечные; выгоды-то имъ, почитай, никакой, а убытку, страсть что... Жалованья, по нашему дѣлу судя, почитай что на соль не дохватитъ.

— А на какомъ окладѣ они состоятъ?

— Рублей по сту, съ небольшимъ, выдается изъ конторы... Сами судите, лошадь, самому пить, ѣсть, одѣться, обуться надо...

— Угу...

— Такъ я вотъ, признаться, сказать, глядя на ихъ нужду, и говорю, поставьте ребята капкановъ по пятку на человѣка все таки подспорье; ужъ о барышахъ тутъ, что толковать, а нужду покроетъ.

— Гмм... Знамо господамъ служите, отъ когожъ и поживиться какъ не отъ господъ.

— По справедливости такъ, Ѳеногенъ Петровичъ, вы это говорите настоящее, какъ есть... подхватилъ дистаночный, обрадованный сговорчивостью своего собесѣдника и его, какъ думалъ онъ, незрѣлымъ пониманіемъ настоящаго дѣла. — Такъ вотъ, изволите видѣть, имъ-то убытки, а мнѣ, пожалуй, непріятности не миновать изъ-за ихъ.

— Непріятности-то ни почемъ; не былобъ чего хуже... Оно конечно и жаль какъ добрый человѣкъ за чужой грѣхъ пропадать станетъ... Такъ вы говорите, капканы-то объѣздчицкіе?

— Истинно такъ.

---

*) Сурокъ въ выдѣлкѣ называется котикомъ. Шкурка его употребляется на оторочку овчинныхъ тулуповъ и дубленыхъ полушубковъ и цѣнится очень дорого.

— Гм... какъ же это... я ужъ и понять не могу: — вы же звѣря оберегаете, вы же его и ловите?!

— Ужъ это мы оставимъ въ сторонѣ, Ѳеногенъ Петровичъ... я вамъ сказалъ по сущей откровенности, что тутъ ничего больше, окромя съ моей стороны помощи служащему народу... А вы вотъ, Ѳеногенъ Петровичъ, возьмитесь-ка устроить дѣльце такъ, чтобъ и намъ остаться безъ обиды, и вамъ за хлопоты... я, пожалуй, (прибавилъ краснобай съ приличнымъ пониженіемъ голоса) шукну ребятамъ скинутся... рубликовъ пять-десять готовы вамъ служить...

— Гм... Пятьдесятъ рублевъ, маловато... За совѣтъ сто возьму, а за дѣло не могу взять съ васъ тысячи. Графъ осерчалъ... передъ господами-то ему стыдно стало: затѣмъ, обнадѣжилъ! пойдемъ, говоритъ, къ маменькѣ въ степь, она, говоритъ, просила; тамъ, вишь, лисицъ много...

— Развѣ вашъ графъ нашей графинѣ...?

— Эва, хватились! Въ племянникахъ съ поконъ вѣка числится, да онажъ ему и мать крестная притомъ. По зимѣ видались гдѣ-то тамъ въ чужихъ краяхъ, такъ она сама припросила, побывай, говоритъ, Миколенька, въ мою вотчину; взгляни тамъ, говоритъ ни ихніе порядки, да отпиши ко мнѣ — что и какъ...

Бацовъ мой чуть не фыркнулъ, слушая эту сказку; онъ закрылъ ротъ ладонью и покраснѣлъ какъ буракъ.

— Мы не знали этого... проговорилъ тревожно дистаночный.

— Да оно и знать-то вамъ не для чего.

— А то кабы ихъ сіятельству угодно было заявить сначала и къ управляющему бы посылать не для чего...

— Ну, къ управляющему-то онъ посылалъ не затѣмъ, а приказывалъ онъ ему явиться сюда на лицо; должно быть пряжку хотѣлъ намылить: лапа-то у вашего управляющаго слышно, не въ мѣру загребиста, да и дѣла у васъ тутъ больно стервецкія завелись!

— Какіяжъ тутъ особенныя такія дѣла могутъ... по экономіи во всемъ какъ и прежде порядокъ одинъ... у насъ на виду ничего нѣтъ такого чтобъ ужъ очень... а если слухъ тамъ какой прошелъ неблагопріятный для управляющаго, такъ это дѣло не наше...

— Слухъ тотъ, что — мошенникъ, и подобралъ къ себѣ такихъ. Какой у васъ тутъ такой Клеваловъ есть?

— Это главный конторщикъ; человѣкъ хорошій...

— Ну, этому Сибири не миновать!

— Напрасно такъ думаете. Его укорить ни въ чемъ нельзя. Дѣло свое справляетъ какъ лучше требовать нельзя. Распоряженія идутъ не отъ него... Письменная часть...

— А письменная-то часть у нихъ вотъ какая: по вѣдомостямъ пишутъ землю въ наймы полтора цѣлковыхъ, а берутъ съ купцовъ шесть; степи отдаютъ въ лѣто гуртовъ подъ шестьдесятъ, а въ книгахъ ставятъ поименно пятнадцать; испанокъ атарами перегоняютъ въ имѣніе къ управляющему, а по книгамъ овцы дохнутъ отъ оспы да отъ глиста; въ заводѣ, что ни кровнымъ маткамъ глаза выкалываютъ, да продаютъ за бракъ, съ молотка, по три цѣлковыхъ, а съ окольныхъ заводчиковъ жарятъ за нихъ по пяти, да по семи сотъ.... Мало-ли! всего не перескажешь.... Вотъ и по вашей сторожевой части, тожъ дѣла дьявольскія живутъ.... Вы, вотъ, какъ видно, ничего.... а есть у васъ тутъ старшій дистаночный Крутолобовъ, у графа онъ записанъ Алексѣемъ Антоновымъ? И Ѳеопенъ Ивановичъ посмотрѣлъ дистаночному въ глаза такъ дружелюбно и довѣрчиво, какъ будто Алексѣй Антоновъ Крутолобовъ былъ отъ него за тысячу верстъ.

Дистаночный молчалъ; лица его видѣть я не могъ, но замѣтилъ что уши у него сильно раскраснѣлись.

— Вы вотъ и объ этомъ, не бось скажете, хорошій человѣкъ! да такъ и должно.... Онъ вамъ начальникъ; а объ начальникѣ, какая онъ шельма ни есть, говорить съ покоромъ не слѣдъ, затѣмъ самъ идешь его путемъ, самъ будешь начальникомъ!

— Это ужъ, Ѳеногенъ Петровичъ, я вамъ доложу его сіятельству кто-нибудь напраслину донесъ, произнесъ дистаночный неровнымъ и сильно упавшимъ голосомъ.

— Ну, вы должно быть его мало знаете, а я вамъ скажу, что и въ начальники къ вамъ попалъ онъ черезъ сестру; та, вишь, у этого мошенника Клевалова въ полюбовницахъ живетъ; а съ такой защитой у него и дѣла идутъ не по вашему.... Вы вотъ говорите, глядя на нужду, дозволяете ребятамъ по пяти капканчиковъ и то боитесь кабы непріятности не нажить, а у Крутолобова, пополамъ съ конторщикомъ, я вамъ доложу ихъ стоитъ вблизу тысячи. За прошлый годъ, вишь, снасть окупилась сразу, да тысячи по двѣ цѣлковыхъ на брата въ карманъ очистили. Ужъ это такъ, повѣрьте.... Не хотите-ли табаку; какъ васъ по имени по отчеству? заключилъ Ѳеопенъ Ивановичъ, поднося тавлинку. Дистаночный нехотя захватилъ щепоть табаку и проговорилъ какъ-то невнятно: «Алексѣемъ.»

Ѳеопенъ Ивановичъ пропустилъ свою порцію съ храпомъ и прибавилъ видимо для того, чтобъ втяпуть въ разговоръ сильно оторопѣвшаго собесѣдника:—такъ вотъ онѣ, сударь ты мой, какія дѣла случаются на бѣломъ свѣтѣ!

Какъ ни былъ Крутолобовъ рѣчистъ и ловокъ, но послѣ такого разгрома видимо растерялся и не зналъ что начать; наконецъ онъ обратился къ своему молчаливому товарищу и выслалъ его осмотрѣть лошадей.

— Чтожъ теперь, какъ ваши господа хотятъ поступить на счетъ капкановъ?

— Хтошъ ихъ.... Въ дѣло это вступился графъ, приказалъ счесть, сшковать, да печати приложить.

— Вотъ что, Ѳеногенъ Петровичъ, помогите, дайте совѣтъ; я вамъ, кажется, по конецъ жизни слуга.... не оставьте! взмолился бѣдный Крутолобовъ.

— Ну, вамъ тутъ трусить, я чай, нечего. Коли возьмутся такъ за старшинъ да начальниковъ. Первымъ дѣломъ, управляющаго тряхнутъ....

— Да нѣтъ, вы меня-то не оставьте; дайте вашъ совѣтъ какъ тутъ поступить.

— А я вамъ подамъ, вотъ какой совѣтъ. Чѣмъ тутъ по пусту языки мозолить садитесь-ка лучше на лошадь, да поѣзжайте къ своему старшинѣ Крутолобову-дескать, такъ и такъ, коли хочешь молъ крутой лобъ поберечь и насъ выручить, такъ поспѣшай молъ-есть у меня такой человѣкъ, что отворaживаетъ отъ людей всякія бѣды-напасти.... да захвати молъ, про запасъ десять паръ котика да сотню цѣлковыхъ.

— Батюшка, тяжеленько будетъ.

— Ну вамъ-то что чужіе достатки беречь. Можетъ я ему и подамъ совѣтъ, что двухсотъ стоитъ.

— За котики не постоимъ, а пятьдесятъ рубликовъ примите.

— Чудакъ-человѣкъ! Говорятъ вамъ, поѣзжайте....

— Ѣхать-то мнѣ некуда, Ѳеногенъ Петровичъ, въ старшинахъ состою я, забота объ этомъ дѣлѣ на мнѣ лежитъ.

— Такъ это вы-то Крутолобовъ?! проговорилъ Ѳеопенъ Ивановичъ очень сценично.

— Доподлинно, я....

— Экъ я дура-то.... мужиковина! какого рюха далъ! Экъ, вы меня оплели, повыпытали какъ ловко! Ну, не сказалъ бы я вамъ кой-чего кабы зналъ напередъ, что вы....

— Ну ужъ и вы, Ѳеногенъ Петровичъ, на руку охулки не

положите. Что дѣлать, сто рублей отвѣчаю, только чтобъ совѣтъ былъ въ пользу.

Столковавшись такимъ образомъ и условившись окончательно, Крутолобовъ выпулъ изъ боковаго кармана красный сафьянный бумажникъ и отсчиталъ деньги. Өеопенъ Ивановичъ повѣрилъ, сложилъ ихъ бережно и сунулъ въ жилетный карманъ.

— Ну, теперь, Өеногенъ Петровичъ, за вами чередъ, что вы скажете, какъ мнѣ поступить въ этомъ дѣлѣ.

— А я скажу вамъ съ первоначала, что дѣло ваше придется вамъ обломать не безъ труда.

— Какъ это такъ?

— Графъ опасенъ. Осерчалъ, упрямъ: къ нему подходи теперь, умѣючи. Перво на перво съ пріѣзду, онъ больно зарился на вашу степь, хотѣлъ тутъ постоять, потѣшиться... а какъ вы ему вчера задали загвоздку — теперь и спятилъ. Не пойду, говоритъ, нога моя не будетъ тамъ; заладилъ одно — мошенники, грабители! Живъ не буду, говоритъ, чтобъ не доканать ихъ. Вотъ, онъ въ ночь и послалъ своихъ двадцать человѣкъ снимать капканы съ сурчинъ...

— Какъ же намъ поступить теперь? перебилъ Крутолобовъ нетерпѣливо.

— Первоначала мой вамъ совѣтъ, надо втравить его въ дѣло, чтобъ позарился снова на охоту: за это я возьмусь. Есть у васъ волки?

— Есть. На Бирихинской степи, въ логахъ, видаемъ часто.

— Ладно. Такъ вы оставьте тутъ товарища, я поѣду съ нимъ, огляжу мѣста. А завтра, вернувшись и доложу ему, что волковъ сила. Онъ волковъ травить страсть любитъ. Лисица ему ни почемъ.

— Ну-съ...

— Дескать, ваше сіятельство, чѣмъ въ даль забиваться, потравимъ лучше тутъ; мѣста молъ сподручны и бѣгъ на чистоту. Ужъ это мое дѣло подзарить господъ.

— Ну-съ.

— А вы тѣмъ временемъ скачите... Кто тамъ у васъ старшой теперь на мѣсто управляющаго?

— Конторщикъ Клеваловъ.

— Ладно. Ну, такъ вамъ съ нимъ толковать будетъ сподручно. Дескать, такъ и такъ: дѣло не безъ опаски — такъ пусть явиться съ повинной самъ — дескать къ вашему сіятельству, узналъ молъ, то и то... наши молъ объѣздные отказали вамъ въ

охотѣ; наказъ молъ данъ имъ строгій, на счетъ мужика, чтобъ не шлялись съ дудками по степи, да заразной скотины не вгоняли; а на счетъ васъ, дескать, приказъ у нихъ есть словесный, чтобъ дворянскому званію проѣздъ на степь былъ не возбраненъ, а я, дескать, объѣздчиковъ накажу, а дистаночнаго смѣню, то за что осмѣлились молъ васъ, какъ я слышалъ, задержать. Такъ, молъ, коли вашему сіятельству угодно, я молъ вамъ предоставлю знающихъ людей, чтобъ указывали, гдѣ есть волки. На волковъ напирай больше; лисица ему нипочемъ. Слышь?

— Слышу. Это ужъ будьте покойны. Знаемъ, какъ сказать.

— Ну, а я въ ту пору вернусь со степи да подзужу ихъ всѣхъ; дескать, звѣрь страсть! волки и лисицы табунами ходятъ... Толькобъ намъ затянуть ихъ въ степь, да на первый разъ пооблакомить, чтобъ не пустымъ мѣстомъ, а тамъ....

— Чтожъ, мнѣ ѣхать? спросилъ торопливо Крутолобовъ, озадаченный изобрѣтательностью своего совѣтчика и покровителя.

— Сейчасъ и поѣзжайте, чтобъ по утру, какъ вернусь со степи, былъ отъ васъ кто-нибудь на лице, вотъ съ такимъ дѣломъ какъ я толковалъ.

— Ну, а капканы какъ?

— Объ нихъ погодить надо. Толькобъ намъ господъ вотъ залучить въ степь, да звѣря разыскать по больше, они и объ себѣ забудутъ; а то еще капканы! капканы не уйдутъ отъ насъ.

— Хорошо. Дай Богъ вамъ здоровье. Такъ я поскачу; а объѣздному дамъ приказъ чтобъ остался тутъ, да ѣхалъ съ вами показывать мѣста.

— Ладно.

Такъ разстались эти состязатели. Неизвѣстно, кто изъ нихъ считалъ себя побѣдителемъ и кто былъ довольнѣе собой, потому-что ловчій нашъ, повѣривши снова полученную сумму, призадумался, почесалъ голову и сердито сунулъ пачку въ карманъ.

Наши господа только ахали и пожимали плечьми, выслушивая отъ насъ подробное донесеніе о подвигѣ ловчаго. Многое, о чемъ мы говорили безъ прикрасъ и прибавленій, было до того ново и невообразимо для всей честной компаніи, что насъ постоянно встрѣчали возраженіями: нѣтъ! не можетъ быть, и проч. Одинъ Алѣевъ молчалъ и только въ концѣ разговора прибавилъ: — Такъ онъ еще сорвалъ съ нихъ и контрибуцію! признаюсь, этого я не ожидалъ, хоть и былъ увѣренъ еще со вчерашняго съ нимъ свиданія, что мы будемъ атукать въ графской. Я сильно надѣялся на благопріятный исходъ дѣла именно потому, что онъ такъ

упорно не соглашался съ нами. Чтобъ повѣрить справедливость моихъ словъ и то, на сколько я изучилъ этого человѣка, замѣтьте, что теперь, послѣ такого блистательнаго успѣха, онъ будетъ непремѣнно золъ, недоступенъ и недоволенъ собой; первая личность, которая должна будетъ пострадать, это-его любимецъ Пашка; онъ непремѣнно привяжется къ мальчику за какую-нибудь малость и отдуетъ арапникомъ или по крайней мѣрѣ дастъ ему двѣ, три затрещины, хотя завтра же подаритъ ему десять или двадцать рублей на подметки.

Мы условились хранить наше наушничество въ тайнѣ отъ Ѳеопена; людямъ, бывшимъ при насъ и тѣмъ охотникамъ, которымъ было извѣстно наше переодѣванье, было настрого приказано молчать.

Часу въ первомъ Ѳеопенъ Ивановичъ вошелъ къ намъ.

— Что скажешь хорошаго? началъ Алѣевъ.

— Да, што.... Ничево-съ. У Ѳеопена Ивановича физіономія была крайне нерадостная; какъ будто онъ былъ кѣмъ-нибудь обиженъ.

— Ты что-то не въ духѣ; не случилось ли чего-тамъ, у тебя?

— Да, што... Зачѣмъ самъ не приглядишь, того и жди, что случится. Собаки было подрылись. Пашку пощипалъ маненько. Малый лядащій.

— Ну, такъ. Чтожъ ты намъ не скажешь, на чемъ кончились твои переговоры? Пустятъ ли насъ въ степь?

— Какъ не пустить-должно быть пустятъ. Я пришелъ доложить-прикажите кому изъ борзятниковъ побыть на два покорма при гончихъ, въ подмогу Сергѣю, а я отлучусь; Пашутку тожъ возьму съ собой, не пришлось бы гдѣ перевыть. А тутъ, на случай завтра, до меня, прибудутъ къ вамъ на счетъ капкановъ такъ отдавать надо погодить.

— Хорошо. Назначь, кого тамъ знаешь.

— Слушаю.

На другой день рано по утру прибылъ конторщикъ Клеваловъ. Разсчитывая время, надо думать, что онъ поднялся въ путь съ полночи и не жалѣлъ лошадей. Пріѣхалъ онъ на тройкѣ въ одномъ изъ тѣхъ ресорныхъ экипажей, которымъ теперь уже нѣтъ названія и которые у богатыхъ помѣщиковъ опредѣляются для привоза и отвоза докторовъ и приказныхъ. Любой мужикъ при встрѣчѣ съ подобнымъ экипажемъ, сворачивая съ колеи непремѣнно скажетъ: «дохтура тащáтъ» или «прутъ стракулиста.» Но, не въ томъ дѣло. Новоприбывшій былъ не чета этимъ блю-

стителямъ народнаго здравія и благочинія. — По наружности онъ казался настоящимъ бариномъ. Ростомъ онъ былъ высокъ и красивъ собой, съ приличнымъ брюшкомъ, уважительною осанкою и вовсе не лакейскими пріемами; енотовая его шуба и бархатный осенній картузъ не пострамили бы головы и плечь не только судейскихъ, но даже и предводительскихъ; черная фрачная пара съ атласной жилеткой и золотой цѣпочкой отъ часовъ, такъ кажется и просились въ гостиную къ любому степному помѣщику.

Отправясь по указанію охотниковъ для свиданія съ графскимъ камердинеромъ, онъ съ любопытствомъ осматривалъ сворныхъ собакъ, которые были при охотникахъ или попадались ему на пути. Не менѣе прилично и съ достоинствомъ встрѣтилъ его и Артамонъ Никитичъ, которому доложили о пріѣздѣ графскаго *управляющаго.* Камердинеръ Атукаева вышелъ по утреннему, въ шелковомъ халатѣ: объяснившись, они пожали другъ другу руки и отправились къ Артамону Никитичу, какъ оказалось-кушать чай, потому что вскорѣ одинъ изъ людей понесъ туда на серебряномъ подносѣ чайный приборъ съ лимономъ, сливками, ромомъ и сухариками въ серебряной корзинѣ. Напоивши своего гостя чаемъ, Артамонъ Никитичь, уже одѣтый, вышелъ съ нимъ на дворъ и началъ ему показывать сворныхъ-барскихъ и охотничьихъ собакъ; Клеваловъ любовался всѣмъ и дѣлалъ очень дѣльныя замѣчанія, доказывавшія, что онъ хорошо понимаетъ охотничье дѣло. Къ девяти часамъ вернулся Ѳеопенъ; онъ прибылъ со степи въ обществѣ Пашки и дистаночнаго. Конторщикъ тотчасъ изъявилъ желаніе осмотрѣть гончихъ и пошелъ съ дистаночнымъ къ ловчему. Неизвѣстно какого рода разговоры шли тамъ, потому что осмотръ стаи продолжался вплоть до десяти часовъ, послѣ чего Ѳеопенъ вошелъ съ докладомъ, что управляющій конторою графини Отакойто прибылъ къ его сіятельству.

— Что ему нужно отъ меня? спросилъ графъ.

— А хтошъ его знаетъ; должно быть пардону чтоли запроситъ.

— Ну, зови.

Клеваловъ не замедлилъ явиться.

На этотъ разъ, графъ, уже настоящій, а не подставной, отнесся къ нему съ рѣчью, въ началѣ короткой и сухой, а въ послѣдствіи очень ласковой и даже привѣтливой.

Нѣтъ надобности повторять съ какимъ искуствомъ, приличный во всемъ и до крайности почтительный Клеваловъ выразилъ

свое сожалѣніе о сдѣланной намъ непріятности; ко всему, что было уже продиктовано Ѳеопеномъ и что мы знали напередъ, онъ прибавилъ отъ себя только одинъ лишній пунктъ: предъявилъ что онъ отодралъ розгами одного изъ конторскихъ писарей, который дерзнулъ въ его отсутствіе написать Аѳанасью записку, не имѣя на то ни отъ кого приказанія. Въ слѣдъ за тѣмъ, онъ очень униженно предъявилъ намъ о цѣли своего прибытія и приглашалъ насъ поохотиться на степи. Однимъ словомъ, все, даже то, чего никогда не пришло бы намъ въ голову требовать, было предлагаемо къ нашимъ услугамъ.

— Вашему сіятельству, я полагаю, будетъ далеконько всякій разъ ѣздить отсюда, заключилъ онъ, получа согласіе и благодарность отъ графа, а потому, не прикажете ли приготовить для васъ стоянку въ прасольскихъ хуторахъ; тамъ для васъ помѣщеніе будетъ, и опрятнѣе, и удобнѣе, и ближе къ мѣстамъ. Мы съ васъ за квартиру недорого возьмемъ, прибавилъ онъ, съ приличною улыбкой, развѣ только что дозволите и намъ взглянуть на такую отличную охоту. Признаюсь, я подобной не видывалъ!

— Прекрасно, отвѣчалъ графъ. Очень благодаренъ тебѣ за эту мысль. Мы постоимъ пока-тутъ, а тамъ, если въ самомъ дѣлѣ переходы покажутся велики, пожалуй, переселимся и поближе. Надѣюсь, что ваши объѣздные останутся довольны нами. А тебѣ впередъ наше общее спасибо за это предложеніе.

— Помилуйте, ваше сіятельство, я очень счастливъ, что имѣлъ честь сдѣлать что-нибудь для васъ угодное. Дистаночному я прикажу быть при васъ безотлучно или оставлять знающаго человѣка для указанія мѣстъ и, если что встрѣтится для вашего сіятельства впередъ, извольте отъ него требовать. Затѣмъ, счастливо оставаться.

— Надѣюсь, что мы еще увидимся, заключилъ графъ очень любезно.

Приличный и подобострастный правитель конторы ея сіятельства изволилъ раскланяться на всѣ стороны. О крестной маменькѣ и «грабежѣ» капкановъ не было и помина. Какъ видно была во всемъ мудрая воля распорядителя и устроителя этого необыкновеннаго свиданія!

— Я васъ приглашаю, господа, любаго, взяться устроить это дѣло такъ, какъ оно теперь есть, сказалъ Атукаевъ, когда мы остались одни.

— Ѳеопена сюда, Ѳеопена! крикнули мы, какъ кричатъ изъ

партера при вызовахъ любимыхъ актеровъ, и при появленіи ловчаго разразился страшный громъ рукоплесканія и восторженное — браво!

— Ну, Ѳеопенъ, удивилъ ты насъ своей сметкой, сказалъ графъ, подходя къ ловчему съ серебрянымъ кушакомъ въ рукѣ. — Прими это отъ меня и носи на память о твоемъ удальствѣ, а это тебѣ на табакъ за трудъ и усердіе. Атукаевъ подалъ Ѳеопену кушакъ и пятьдесятъ рублей.

По примѣру графа, Алѣевъ и мы всѣ одарили Ѳеопена щедро.

— Молодецъ, молодецъ! вторили всѣ, — ты обдѣлалъ это дѣло такъ, какъ никому бы изъ насъ не пришло въ голову.

— Да што.... ничево-съ.

Многое говорилось въ этомъ родѣ, съ цѣлью повыпытать у Ѳеопена больше того, что было уже намъ извѣстно, но отвѣтомъ было постоянное «ничево-съ» или что-нибудь въ родѣ этого.

— Однакожъ, мнѣ жаль бѣднаго дистаночнаго, замѣтилъ подъ конецъ Алѣевъ. — Ты съ нимъ поступилъ безпощадно: можно было его помиловать. Это, братъ, грѣшно.

— Помилуйте; сударь, какъ-же мнѣ съ нимъ поступить-то?

— Ну, все-таки полегче. Я вѣдь знаю: ты съ него сорвалъ таки-порядкомъ! добавилъ Алѣевъ сурьезнымъ тономъ.

— Это вамъ такъ кажется... А я тутъ можно сказать — большіе убытки понесъ! Они моли-Бога, что на дурака попали.... другой, на моемъ мѣстѣ, ихъ не такъ бы взогрѣлъ! А мнѣ куда съ ними возжаться? Народъ рѣчистый, ловкій.... они такихъ, какъ я, десятками покупаютъ и продаютъ. А грѣха тутъ, воля ваша, нѣтъ! Ѳеопенъ призадумался, потомъ какъ-будто отвѣчалъ на свой собственный вопросъ: — Тутъ знамо-дѣло, кто кого надулъ, тотъ и правъ.

— Однакожъ, ты могъ кончить дѣло и безъ надувательства.

— Хм... какой-бы я былъ человѣкъ такой? Въ тѣ поры я себя долженъ передъ народомъ на смѣхъ пустить: дескать линію-то онъ подвелъ, а колѣна и не выкинулъ! Нѣтъ, вы нашихъ русскихъ коренныхъ обычаевъ не изволите знать! Тутъ, выходитъ, кто кого поддѣлъ половчѣй, тому и почетъ, тотъ и человѣкъ есть!... Они-то сами, на чемъ стоятъ?! Что тутъ выходитъ народа округлыхъ плакущаго — страсть! Теперь забрали такую силу, кто ни подвернись, привяжутся — ни къ чему, облупятъ какъ липку и суда не ищи; ни пѣшій ни конный не попадайся. Вотъ, а вчера

сцапали мужичка, ѣхалъ степью-журавля везъ. Чтожъ? дай-не дай десять рублей: дичи, говорятъ, стрѣлять не велѣно.... бился бился, сердечный, на семи цѣлковыхъ порѣшилъ и то еще сказалъ — спасибо... Вотъ они каковы, грабители. Жалѣй ихъ! Нѣтъ, вы изволите судить по своему, а я мекаю такъ, что я убытку много понесъ! затѣмъ, грамотѣ мало обученъ, сметки нѣтъ настоящей. Какіе мы люди!

Противъ этихъ аргументовъ всякое возраженіе было напрасно. Учите хромаго плясать. Увѣрьте русскаго человѣка, что «поддѣть и надуть» не долженъ онъ считать своей гражданской доблестью... О, наши завѣтные, коренные, кровные глаголы! непереводимые, непримѣнимые ни къ чему заморскому-нѣмецкому... Широкъ вашъ смыслъ!... Да Нѣмцу и не понять его — провалится!

— Когдажъ мы начнемъ порскать? спросилъ графъ.

— А чегожъ будемъ годить? Завтра, я мекаю такъ-что надо намъ взять Синіе кусты. Собаки скучатъ, попрашиваются. Выступимъ попозднѣй; сдѣлаемъ кольце короткое, за тѣмъ — сразу какъ бы не осадить, разсошатся, жирны, залежались.

— А не свалить ли намъ обѣ стаи? добавилъ Алѣевъ.

— И то не худо. Мѣсто разлетистое, кочкарникъ, гоньба полазистая. Выжлятамъ же теперь только что работу давай: въ двѣ стаи гаркнемъ на радостяхъ такъ, что ковыль задрожитъ!

И Ѳеопенъ Ивановичъ какъ будто забылъ о томъ, что онъ понесъ *большіе убытки;* онъ изволилъ улыбнуться и пожелалъ намъ «счастливо оставаться!»

Остатокъ дня и большая часть ночи прошли въ шумныхъ толкахъ и заманчивыхъ предположеніяхъ на счетъ будущей потѣхи.

Все вокругъ насъ задвигалось и засуетилось. Охотники тоже глянули веселѣе; къ вечеру они сами собой составили хоръ; давно уже неслышанныя нами пѣсни и пляска длились у нихъ до полуночи.

Чтобъ судить объ увлеченіяхъ псоваго охотника, надобно видѣть его во время его сборовъ на «Патрикѣвну».

VIII.

Два слова о томъ, что дороже для псоваго охотника. — Степь. — Сурчины. — Видъ острова. — Разстановка. — Свальная стая. — Новый родъ смерти, изобрѣтенный Фунтикомъ. — Первое поле.

Прежде нежели поставимъ ногу въ стремя и отправимся въ то мѣсто, къ которому мы доискивались доступа съ такимъ тру-

домъ и тревогой, я считаю обязанностью хоть слегка объяснить для незнающихъ причину, почему псовый, наторѣвшій въ своемъ дѣлѣ, охотникъ травлю лисицъ предпочитаетъ всякой другой потѣхѣ. Спросите у любаго, только опытнаго и втравленнаго борзятника, или лучше, предложите ему право выбора и спросите потомъ, кого онъ желаетъ травить: волка или лисицу? Лисицу, подавай лисицу! крикнетъ онъ изступленно и поскачетъ ни вѣсть куда, обречетъ себя на трудъ едва выносимый, на разнородныя лишенія для того только, чтобъ добыть и затравить «Патрикѣвну *)!»

За чтожъ такое сильное предпочтеніе этой всемірной кумушкѣ, у которой нѣтъ даже настоящаго бѣга, потому что самая тупая изъ борзыхъ собакъ, на чистотѣ, не дастъ ей хода, а собака рѣзвая не отпуститъ лису дальше того разстоянія, на какомъ «зазрѣла.»

Умъ, хитрость, находчивость, изворотливость, сметливость и необыкновенное умѣнье въ минуту неизбѣжной гибели пользоваться самыми ничтожными средствами и случаями и съ помощью ихъ, въ глазахъ своего грознаго преслѣдователя извернуться, обмануть, проскользнуть какъ ртуть между пальцами и исчезнуть какъ дымъ отъ вѣтра, — вотъ качества этого проворнаго и увертливаго звѣрька, которыми такъ дорожитъ псовый охотникъ. За то съ какимъ одушевленіемъ и энергіей будетъ онъ разсказывать, пожалуй ночь на пролетъ, о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ и продѣлкахъ, какіе выдѣлывала съ нимъ Патрикѣвна: всѣ моменты гоньбы и травли, всѣ эволюціи и увертки хитраго звѣрька будутъ передаваемы имъ съ такимъ одушевленіемъ и увлеченіемъ, что вамъ многое покажется вымысломъ и едвали вѣроятнымъ дѣломъ.

А гоньба по лисицѣ чего стоитъ? Таже самая стая, которая помкнула по волку и въ мгновеніе ока поставила сѣраго на вашъ лазъ, или, обогнувши два три раза островъ, вынесла на *щипцѣ* бѣляка къ вашимъ ногамъ, таже стая, уже усталая и подбитая натекла на лисій слѣдъ и вы слышите другіе голоса, чуется что-то особенное въ помычкѣ выжлятъ, что-то болѣе дружное, жадное, свирѣпое въ гоньбѣ всей стаи. Волкъ, при первомъ звукѣ охотничьяго рога, при малѣйшемъ признакѣ опасности,

*) Кстати было бы при этомъ освѣдомиться также, почему онъ, минуя всѣ нарицательныя, величаетъ бирюка — Тимоѳѣичемъ, а лису — Патрикѣвной. Пришло кому-нибудь въ голову наименовать медвѣдя — Мишкой, кота — Васькой? и т. д.

мчится изъ острова на прямикъ и потому держитъ на себѣ стаю недолго, особенно если его застигли въ островѣ не при гнѣздѣ; гоньба по волку не менѣе заркая и злобная какъ и по лисицѣ, но быстрота скачки перваго и прямое направленіе избираемое имъ большею частію случайно и на проломъ, не взирая ни на какія встрѣчи и препятствія, не всегда даетъ возможность гончимъ «скучиться» и гнать стайно. Заяцъ, преимущественно бѣлякъ, имѣетъ въ характерѣ «давать круги» и бить собакъ на одномъ мѣстѣ и потому выдерживаетъ болѣе стайную и продолжительную гоньбу, но это кушанье и для собакъ и для охотника обыденное, буднишнее; другое дѣло — лиса.

Застигнутая въ расплохъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она задумала позавтракать вкусной зайчатиной или полакомиться тетерькой, лисица, не вдругъ, не сразу пустится на утекъ; она очень хорошо знаетъ, что за всякій необдуманный шагъ впередъ или назадъ, за всякое движеніе на *авось* она непремѣнно поплатится своею красивой и теплой шкуркой, безъ которой ей оставаться невозможно и потому Патрикѣвна начинаетъ съ искреннею заботливостью хлопотать о сбереженіи этой собственности: надѣлавши сметокъ и узловъ посреди острова, прежде нежели горластый ловчій успѣлъ наклпкать, а проворные выжлятники подбить стаю на ся горячій слѣдъ, смышленая кумушка успѣла уже побывать на опушкѣ и навести справки о возможности улепетнуть изъ острова безъ большаго шума и огласки; но, увы! всѣ надежные пути для нея пресѣчены, всѣ лучшія и удобнѣйшія мѣста на пролазъ грозятъ засадой и гибелью; между тѣмъ стая вѣрной тропой натекаетъ, близится, не даетъ Патрикѣвнѣ ни свободно дохнуть, ни хорошенько поразмыслить о томъ, на что ей рѣшиться. Отысканная и подбуженная снова, она мчится на другой конецъ острова, ныряетъ подъ крайній кустъ и зорко оглядываетъ и соразмѣряетъ возможность на утекъ, но и тутъ ей предстоитъ опасность горше прежней: вездѣ, гдѣ бы не слѣдовало и быть, словно выросли изъ земли и торчатъ недвижимо зоркіе борзятники, а подлѣ нихъ насторожа уши сидятъ на корточкахъ рѣзвоногія борзыя: съ этими послѣдними Патрикѣвна не желаетъ встрѣтиться даже и во снѣ, не только на яву и среди чистаго поля. Какъ быть? Дѣло, куда ни поверни, выходитъ дрянь! Осталось одно: обмануть неотвязную ораву и пробраться низиной въ камыши.... и вотъ, она ринулась прямо въ собакъ, собрала всю стаю и поволокла ее за хвостомъ въ глубь острова, вильнула на право, на лѣво, разметала собакъ, скрала слѣдъ и

тишкомъ, бочкомъ, чуть дыша, гдѣ ползкомъ, гдѣ скачкомъ, добралась до желанныхъ камышей, но, и тутъ къ Патрикѣвнѣ счастье обернулось спиной: проходъ въ камыши забранъ предательской стѣнкой изъ тенетъ а по крыламъ стоятъ грозные тенетчики, кто съ ружьемъ, кто съ дубинкой.... а собаки сзади свирѣпѣютъ, ревутъ словно повѣшенныя за языкъ, ведутъ вѣрно, близятся.... и Патрикѣвна снова мчится вдоль острова, снова скрадываетъ слѣдъ и снова бочкомъ тишкомъ прокралась она мимо всей стаи къ ручью; тутъ, надѣлавши новыхъ петель, она, на свободѣ, побрела по теченію воды, обыскала мѣстечко по глубже и по глуше, опустилась въ воду съ ушми и, выставя кончикъ носа наружу, молча любуется какъ свирѣпая стая примчавшись съ гикомъ къ берегу, остановилась смолкла, разсыпалась и съ жалобнымъ визгомъ кружитъ на одномъ мѣстѣ и ищетъ пропавшаго слѣда.... Но и тутъ бѣдной затѣйницѣ суждено не долго наслаждаться плодомъ своего проворства и хитрости. Съ пѣной у рта, съ глазами на выкатѣ, горланя хриплымъ голосомъ и поталкивая каблуками усталаго коня примчался ловчій къ тому мѣсту, гдѣ гончія «стеряли слѣдъ»: онъ подсвистываетъ измученнымъ выжлятамъ, кружитъ по *мѣсту* и зорко высматриваетъ, куда *понорилась лиса;* но, ни тутъ, ни около норы не видно.... Безотвязный и опытный охотникъ останавливаетъ коня и, оглянувъ мѣстность, спускается въ ручей, мутитъ, буравитъ и пѣнитъ воду, ближе и ближе.... и вотъ, встряхиваясь и кой-какъ оправляясь на пути, Патрикѣвна опять волочитъ за мокрымъ хвостомъ озлобленную стаю, а ловчій трубитъ позовъ по «красному.» Тутъ только началась самая кипучая и безотвязная гоньба; стая «*варитъ*», не покидая слѣда.... лисица пошла «опушничать и вывертываться на чистоту»: охотники глядятъ на нее и стоятъ словно деревянные: съ этими расправа плоха! А вотъ, одинъ изъ нихъ приглянулся Патрикѣвнѣ: онъ жадно смотритъ на нее, нетерпѣливо оправляется въ сѣдлѣ, бодритъ коня, осаживаетъ свору.... Этотъ, по мнѣ думаетъ Патрикѣвна и отведя стаю далеко въ другой конецъ острова, примчалась на опушку и бѣжитъ прямо къ ногамъ горячаго охотника.... Вотъ онъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, не выдержалъ, собаки рванулись, свора свиснула и въ тотъ же мигъ, Патрикѣвна, увлекая пылкихъ борзыхъ, мчится назадъ въ островъ и падаетъ подъ первый кустъ: собаки юркнули мимо, разметались, ищутъ, мечутся въ стаю, а Патрикѣвна тѣмъ временемъ одинокая, свободная, безъ препонъ и помѣхи, напрягая послѣдніе силы, катится какъ

червонецъ по темному грунту чернозема. Бѣдный борзятникъ скачетъ за ней сломя голову, кричитъ, хлопаетъ, накликаетъ съ плачемъ по поламъ пропавшихъ собакъ, а смышленница летитъ какъ пухъ по вѣтру все дальше и дальше... Вотъ и борзыя вынеслись изъ острова за ними прорвалась и вся стая; отчаянный охотникъ, проводивъ лису, возвращается назадъ и проклиная судьбу свою, начинаетъ сбивать гончихъ.... Къ нему на встрѣчу несется ловчій, съ бранью и проклятіями: — Галокъ тутъ считаете! кричитъ онъ еще издали и пошли упреки и доказательства со всѣми возможными прибаутками такого рода и склада, что со стороны слушая по неволѣ скажешь: мастеръ русскій человѣкъ браниться! А Патрикѣвна тѣмъ временемъ давно уже полизываетъ свои уставшія лапки и лежа на боку думаетъ.... а что такое думаетъ она? ужъ тутъ присочинить трудновато.

Вотъ, почему дорога охотнику лисица: она кипятитъ въ немъ кровь, *протираетъ* ему *глаза*, т. е. учитъ его проворству, ловкости, сметливости, тонкому соображенію.

Поѣдемъ же травить лисицъ.

Пробудились мы съ разсвѣтомъ дня; никому не хотѣлось спать, не смотря на то, что у охотниковъ пѣсни, а у насъ росказни длились далеко за полночь. День, словно на заказъ, выдался самый охотничій: въ началѣ туманъ дотого густой, что въ десяти шагахъ нельзя было видѣть ровно ничего; часа черезъ два туманъ исчезъ, сплошная бѣловатая полоса закрыла небо и повисла шатромъ надъ всею окрестностью; въ воздухѣ было тепло, влажно и тихо, что такъ необходимо и благодѣтельно для иску и выслушиванія гончихъ. Къ десяти часамъ люди успѣли позавтракать и собрались на выгонѣ каждый съ своей сворой; покуривая коротенькія трубочки, охотники мало по обыкновенію занимались шутками и остротами, потому что каждый былъ крайне озабоченъ своими собаками; съ борзыми рѣшительно не было слада: отлежавшись при сытномъ кормѣ и почуявъ время своей потѣхи, онѣ съ радостнымъ визгомъ кидались на груди къ охотникамъ, вылизывали морды у своихъ лошадей, прыгали и бѣсновались такъ, что тутъ и жди общей свалки и грызни на смерть. Чтобъ судить о заманчивости охотничьяго дѣла, надо взглянуть попристальнѣе на ту оживленную картину, когда псовые охотники, окруженные сворными собаками, выводятъ изъ стойла осѣдланныхъ лошадей.

Оба ловчіе съ своими стаями присоединились къ группѣ борзятниковъ; мы сѣли на лошадей и тронулись въ путь.

Мы подъѣхали къ запретному столбу; Синіе кусты, бывшіе въ виду у насъ со времени выступленія изъ хуторовъ, теперь открылись явственные и становились выше; это была продолговатая голубая куща охваченная отвсюду ровной линіей степи; глядя на эту отдѣльную полоску рѣдкаго осиноваго лѣса, которая и лѣтомъ и зимой синѣетъ на горизонтѣ, не мудрено догадаться отчего она носитъ названіе Синихъ кустовъ. Во всякое время года они служатъ въ родѣ маяка для проѣзжающихъ по степи.

Недалеко отъ столба намъ попались на встрѣчу дистаночный и его неразлучный товарищъ: они поспѣшали къ намъ на рысяхъ; снявши издалека шапку дистаточный подъѣхалъ къ Алѣеву.

— Вашему сіятельству не угодно ли будетъ травить волковъ? мы сейчасъ двухъ перевидѣли; должно быть остановятся и залягутъ въ широкомъ логу, сказалъ онъ принявъ по прежнему Алѣева за графа.

— Ты любезный съ этимъ отнесись къ графу, отвѣчалъ тотъ съ улыбкой,—а мнѣ пора ужъ потускнѣть; я бываю въ сіяніи только при случаѣ и на короткій срокъ. Вонъ, онъ графъ, впереди, направо; ступай къ нему. Графъ! къ тебѣ вотъ, съ докладомъ, крикнулъ Алѣевъ.

Атукаевъ пріостановилъ свою лошадь; Крутолобовъ прыгнулъ съ сѣдла и подбѣжалъ къ его сіятельству пѣшій; мы проѣхали мимо и не слышали, о чемъ у нихъ была рѣчь. Послѣ этого дистаночный остался съ нами и съ непритворнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нашу потѣху.

Не смотря на то, что Синіе кусты, какъ казалось, были къ намъ очень близко, до нихъ отъ графской межи по прямой линіи считалось восемь верстъ; намъ слѣдовало проѣхать гораздо больше, потому что мы должны были огибать соры и въ иномъ мѣстѣ дѣлали большой крюкъ: по сорамъ мы не рѣшались проѣзжать потому, что тутъ навѣрное могли подбудить нѣсколько лисицъ и безъ сомнѣнія, увлекаясь травлей не скоро бы дошли до опредѣленнаго мѣста.

На пути намъ попадалось множество сурчинъ. Сурчины эти не что иное, какъ небольшіе курганчики, аршина въ два вышиною и сажени полторы въ діаметрѣ, съ тремя, четырьмя и болѣе отнорками наверху; на дальнихъ постоянно свистали сурки, сидя на заднихъ лапкахъ; при нашемъ приближеніи они тотчасъ прятались въ норы. Отъ сурчины къ сурчинѣ были протоптаны узкія тропы, на которыхъ не расла трава, признакъ постояннаго сурочьяго путешествія по ночамъ. Тутъ на тропахъ и возлѣ

отнорковъ ставятъ капканы и, осторожные во всякое другое время, по крайне-неуклюжіе и неповоротливые, ночные путешественники попадаютъ въ нихъ, потому-что ходятъ постоянно одною дорожкой и ни за что не свернутъ въ сторону.

Наконецъ, мы очутились у острова. Боже мой, какое надежное мѣсто для звѣря, если онъ захочетъ укрыться отъ зоркаго глаза охотника или спастись отъ преслѣдованія. Десятинъ сто рѣдкаго осиноваго лѣса, состоящаго изъ порубей и отдѣльныхъ кущъ, окаймили собой просторную ложбину или сухое болото съ кочками и хворостомъ. Отсюда, во всѣ стороны, въ степь, выходятъ тонкими языками отвершки, или лучше сказать — рытвины, по которымъ втекаетъ вешняя вода и, образовавъ во время весны что-то въ родѣ озера, лѣтомъ просыхаетъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ было озеро, остаются кочки, зароставщія рѣзакомъ и другими болотными травами. Тутъ, въ лѣтнее время, кишатъ змѣи, плодятся журавли и другая дичь, а къ осени, когда болото подсохнетъ, оно наполняется лисицами, которыя бѣгутъ сюда со степи «мышковать». Весь островъ, съ лѣсомъ, кочкарникомъ и непродорнымъ хворостнякомъ, сквозь который удобно пропалзывать однѣмъ только змѣямъ, имѣлъ въ ширину версты полторы и былъ почти круглый. Его со всѣхъ сторонъ охватила безконечная равнина степи, на которой, словно бородавки на тѣлѣ, торчали въ безчисленномъ множествѣ сурчины, да кой-гдѣ раскиданные по горизонту скирды сѣна.

Чтобъ розыскать и выжить отсюда звѣря, особенно лисицу, надо имѣть стаю не въ десять или двадцать собакъ, а именно стаю такую, какую мы подвели теперь къ Синимъ кустамъ: у насъ было на лицо сто-восемь наратыхъ лучшей породы собакъ, и изъ нихъ почти половина такихъ звѣрогоновъ, изъ которыхъ каждая могла быть вожакомъ и править стаей. Въ добавокъ ко всему, правителями этой свальной, едва-ли виданной кѣмъ-нибудь изъ охотниковъ стаи, были двѣ такія личности, какъ Ѳеопенъ Ивановичъ и Игнатъ Савельичъ. Одинъ, съ вѣчно-затаенной мыслью, холодно, въ полглаза, глядѣлъ ни вѣсть куда; другой, пытливо и зорко, оглядывалъ мѣстность: онъ понималъ всю трудность предстоявшаго дѣла и соображалъ заранѣе какъ его вести.

— Зачѣмъ эти господа суются въ подобныя мѣста? сказалъ графъ, когда мы остановились въ виду острова и подъѣхали къ ловчимъ. — Здѣсь былъ Жигуновъ съ компаніей и хотѣли брать Синіе кусты. Сколько у нихъ на спуску?

— Своя стая шестнадцать собакъ, да понабрали кой у кого смычка четыре, отвѣчалъ ловчій Игнатъ.

— За то всѣ багряныя — глѣбовскія по чухонскимъ русакамъ нагоняны, а бѣляка съ рожками, хоть изъ хлѣва, а добудутъ! прибавилъ Ѳеопенъ съ обыкновенною флегмой.

Всѣ громко засмѣялись, услышавъ такую ѣдкую насмѣшку.

— Что-жъ, велите разъѣзжаться; время нисколько, заключилъ онъ, слѣзая съ лошади.

— Откуда думаете заводить? спросилъ Алѣевъ.

— А что тутъ заводить! Метнулъ съ поля, па духахъ, откуда ни ворвались — работа будетъ. Мѣсто, видите, какое....

Борзятники раздѣлились на двѣ половины и поѣхали на рысяхъ, занимать мѣста. Немало было споровъ и перебранки у тѣхъ, которые старались захватить мѣста въ головѣ рытвинъ, идущихъ изъ острова; остальные протянулись линіей по чистой степи; цѣль эта отстояла отъ острова почти на версту и охотникъ отъ охотника были расположены саженяхъ въ двух-стахъ. Бацовъ, съ Караемъ и другими двумя собаками его своры, помѣстился въ головѣ узенькой лощины съ рѣдкими кустиками; подлѣ него уставился мой безсмѣнный стремянной, Егоръ. Я и Владиміръ, какъ праздные зрители, оставались пока при стаѣ.

Разомкнутыя гончія сидѣли въ тѣсномъ кругу, жадно поглядывали на островъ и взвизгивали отъ нетерпѣнія. Наконецъ Пашутка донесъ своему дядюшкѣ, что охотники па мѣстахъ. Сдавши верхніе кафтаны въ торока, оба ловчіе въ легкихъ курткахъ, съ рогами за плечами, пошли къ острову; тутъ надобно было слышать этотъ жалобный пискъ и вой всей стаи, изъ которой, однако-жъ, ни одна собака не смѣла ступить шага впередъ. Выдержка удивительная! Но, вотъ, свистокъ и — обѣ стаи ринулись съ гикомъ, разсыпались по опушкѣ и смолкли; выжлятники, раздѣлясь на двѣ руки, по трое поскакали туда-жъ — и начали порскать. Въ началѣ былъ слышенъ только одинъ шелестъ опавшаго листа въ томъ мѣстѣ, гдѣ шарили собаки, да рѣдкое взвизгиванье нетерпѣливыхъ щеекъ, потомъ одна помкнула и залилась: «вались! къ нему!» крикнули ей въ слѣдъ два человѣческіе голоса и нѣсколько новыхъ собачьихъ голосовъ мигомъ подравнялись къ пискуньѣ и — *повели звѣря;* минуту спустя, взревѣла вся стая и въ островѣ закипѣлъ адъ.... Слушая этотъ ожесточенный ревъ и стонъ, становилось страшно: подобной гоньбы ни прежде, ни послѣ этого единственнаго случая я не слыхивалъ. Я повернулъ коня, отъѣхалъ далеко въ поле и

шагомъ окружилъ всю линію охотниковъ; (конечно, съ тыла, потому что проѣзжать передъ носомъ охотника, стоящаго на лазу, во время гоньбы было-бы непростительнымъ невѣжествомъ) всѣ они, даже лошади стояли недвижимо, словно, замороженные.

Смотрите на дилетанта, увлеченнаго стройнымъ, систематическимъ, разумнымъ порядкомъ волнующихъ его душу звуковъ; слѣдите за приливомъ и отливомъ его страстнаго увлеченія этими гармоническими струями.... Онъ глядитъ какъ-то торжественно, и умиленный, увлеченный, убаюканный чарующими мотивами, едва-слышно стучитъ тактъ ногой, объясняетъ себя страстнымъ взглядомъ, нетерпѣливымъ движеніемъ.... Не таковъ образъ охотника, отуманеннаго зыкомъ паратой стаи — это нѣмой, окаменѣлый человѣкъ: однѣ полураскрытыя, дрожащія губы да глаза, жадно устремленные на одинъ дорогой для нихъ пунктъ, даютъ знать, что это еще живой человѣкъ. А вотъ, дикіе, неистовые крики слились и покатились одною волной; чуткое ухо доноситъ охотнику, что звѣрь пошелъ — «прямика» стая ведетъ къ нему.... о, тогда не глядите охотнику въ глаза; вамъ будетъ и жалко и страшно слѣдить за этими муками въ человѣкѣ, у котораго сперлось дыханіе, остановилась кровь....

Я подъѣхалъ и сталъ за спиной у Бацова; гоньба въ островѣ въ это время дошла до крайняго предѣла озлобленія и неистовства. Слушая отсюда этотъ оглушительный ревъ и завыванье, казалось, будто весь островъ съ его кущами, зарослью и кочкарникомъ сорвался съ мѣста, кружится и стонетъ какимъ-то зловѣщимъ всесокрушающимъ стономъ. Рогъ за рогомъ, порсканье и окрики выжлятниковъ подбивавшихъ въ стаю, слились въ одну нераздѣльную неумолкавшую ноту.

— Береги! шепнулъ я Лукѣ Лукичу, глядя, какъ лисица, отслушивая гончихъ «тыпяла» между кустовъ, пробираясь лощинкой прямо къ его ногамъ.

Горячій охотникъ не выдержалъ и отдавъ не во время свору понесся на встрѣчу къ лисѣ, но, въ тотъ мигъ, когда Карай и прочія собаки съ нею встрѣтились, Патрикѣевка — «пала», собаки съ горяча пронеслись и она шмыгнула мимо моей лошади; я поскакалъ въ слѣдъ за нею по степи, но, увы! пока Бацовъ успѣлъ справиться и показать ее собакамъ, плутовка была уже вблизи сосѣдней сурчины и недождавшись Карая успѣла попориться. Блѣдный и растерянный подскакалъ ко мнѣ Лука Лукичъ; онъ проклиналъ и меня за появленіе не въ пору, и себя за то, что родился не въ пору на свѣтъ, и графиню благополучно обитав-

шую въ ту пору во Флоренціи и, собравши на свору собакъ, снова сталъ на лазу.

Я подъѣхалъ къ Егору, который тѣмъ временемъ успѣлъ уже второчить лисицу. Выжлятники, то тамъ, то тамъ, выскакивали изъ острова сбивать прорвавшихся гончихъ; кой-гдѣ травили, вторачивали и подавали позовъ, что — «звѣрь принятъ». Ловчіе то-и-дѣло наклпкали своихъ послушныхъ выжлятъ на новый слѣдъ и снова въ островѣ закипала съ большей силой и съ бо̀льшимъ остервененіемъ дружная, свирѣпая, неотвязная гоньба. Вотъ и негодующій сосѣдъ мой отгокалъ и второчилъ лисицу, потомъ и другую, я подъѣхалъ къ нему снова и поздравилъ его съ удачнымъ полемъ: Лука Лукичъ глянулъ на меня привѣтливѣе; онъ уже не проклиналъ ни своей судьбы, ни отсутствующей графини, потому что въ торокахъ у него красовались двѣ матерыя лисицы. Послѣднимъ становилось въ островѣ плохое житье; никакія хитрости и увертки не помогали бѣднямкамъ, застигнутымъ въ расплохъ на ихъ сборномъ пунктѣ; ни густая заросль, ни высокія кочки, между которыми онѣ успѣвали на время скрадывать слѣдъ и затруднять гоньбу, не служили уже для нихъ убѣжищемъ и защитою: то тамъ, то сямъ, оторопѣвшая Патрикѣвна, не находя никакихъ новыхъ средствъ къ обману и уверткамъ, выносилась изъ опушки прямо въ пасть къ борзымъ. Рѣдкая изъ нихъ въ этомъ крайнемъ случаѣ успѣвала обмануть бдительность охотника и увернуться отъ его своры. Вся игра Патрикѣвны оканчивалась всетаки тѣмъ, что она послѣ всѣхъ ловкихъ и граціозныхъ увертокъ, черезъ двѣ-три минуты, туго притороченная за головку къ задней лукѣ помахивала пушистымъ хвостомъ по кожаному потнику.

— Да что ихъ тутъ у васъ, садо̀къ, что-ли? спросилъ Лука Лукичъ, вторачивая съ радостнымъ лицемъ третью лисицу. Этотъ вопросъ относился къ дистаночному, который подъѣхалъ къ намъ на рысяхъ. Онъ, кстати сказать, былъ сильно заинтересованъ всѣмъ видѣннымъ, особенно, гоньба такой многочисленной и дружной стаи приводила его въ восхищеніе. Прибылъ же онъ къ намъ, какъ оказалось, съ извѣстіемъ нерадостнымъ. Вмѣсто отвѣта на возгласъ Бацова, онъ какъ-то торопливо проговорилъ: — а тамъ у васъ мальчикъ задохся!

— Гдѣ? Что такое? Какой мальчикъ? Какъ задохся? заговорили мы въ два голоса къ вѣстнику.

— Да вотъ, на той сторонѣ, мальчикъ, что на кавурой ло-

щадкѣ, попалъ въ сурчину за лисицей, отвѣчалъ онъ невразумительно.

Я поскакалъ на указанное мѣсто и вскорѣ на противоположной сторонѣ степи, которая была скрыта отъ насъ островомъ, на далекомъ разстояніи отъ мѣста травли, подлѣ сурчины, увидѣлъ небольшую группу людей: это были, какъ оказалось послѣ, Стерлядкинъ, Владимірецъ, два охотника и звѣрообразный стражъ. Одинъ изъ охотниковъ поддерживалъ Фунтика: мальчикъ сидѣлъ съ посинѣвшимъ лицемъ, моталъ болѣзненно головой и тупо глядѣлъ впередъ; онъ былъ какъ будто въ параличѣ. За неимѣніемъ подъ рукой никакихъ медикаментовъ ему помачивали темя и виски виномъ.

На вопросъ мой, Стерлядкинъ и прочіе объяснили мнѣ, что все это значитъ.

Помѣстившись близъ того мѣста, откуда напускали гончихъ, Фунтикъ выждалъ на себя лисицу. По неопытности и съ горяча онъ показалъ звѣря не во время: лисица — пала, собаки скололись, и мальчикъ началъ ее травить степью, скрылся изъ вида и вогналъ лисицу въ сурчину. Горячему охотнику показалось, что нора неглубока и лисица близко; онъ протиснулся въ сурчину съ тѣмъ чтобъ вытащить ее за уши. Опустясь по поясъ въ нору, Фунтикъ закупорилъ ее какъ пробка и не имѣя опоры ногамъ остался въ положеніи человѣка повѣшеннаго внизъ головой. Онъ долженъ былъ погибнуть непремѣнно, потому что подать ему помощь было некому: охотники стояли къ полю спиной и не обращали вниманія ни на что, происходившее внѣ острова. Объѣздчикъ, видѣвшій какъ и куда Фунтикъ травилъ лисицу, заподозрилъ его долгое отсутствіе и отправился наводить справки: увидѣвши «бѣду не минучую» онъ поскакалъ назадъ и кликнулъ охотниковъ, которые и вынули мальчика изъ сурчины въ безпамятствѣ и съ посинѣвшимъ лицемъ.

Наконецъ Фунтика кое-какъ оттерли; онъ получилъ даръ слова и кучу наставленій, угрозъ и предостереженій, и мы вернулись къ острову. Тамъ, по прежнему шла самая свирѣпая гоньба; управляемыя такими мастерами какъ Ѳеопенъ Ивановичь и его товарищъ и подстрѣкаемыя ихъ проворными помощниками, собаки «лѣзли изъ кожи» и выносили звѣря *на щипцѣ;* то тамъ, то тамъ, борзятники травили и вторачивали лисицъ; казалось, что эта гоньба и травля должны были продлиться до ночи, потому что лисицъ въ островѣ, судя по помычкѣ гончихъ, было еще много, но ловчіе вдругъ загудѣли въ рога и пошли къ

опушкѣ, а выжлятники ринулись въ средину острова и начали сбивать собакъ со слѣда. Надо было щадить и сберегать усердныхъ пщеекъ, которыя съ горяча могли догоняться до изнеможенія. Борзятники не смотря на поданный сигналъ долго не оставляли своихъ мѣстъ, потому что гончіе, подваливаясь на рогъ ловчаго, поминутно натекали на звѣря и гнали зарко; болѣе полу-часу ловчіе гудѣли въ рога стоя близь опушки; собаки валились изъ острова неохотно. Наконецъ борзятники собрались; у рѣдкаго изъ нихъ не было двухъ или трехъ лисицъ въ торокахъ; всѣхъ было взято изъ острова сорокъ-три лисицы, сверхъ того Игнатъ Савельичъ вынесъ оттуда замятаго гончими барсука.

Поздравивъ другъ друга съ первымъ и такимъ удачнымъ полемъ, мы сдали верховыхъ лошадей стремяннымъ, сѣли въ линейку, въ которой прибылъ за нами Петрунчикъ, посадили съ собой Фунтика и рѣзкой рысью поѣхали домой. Охотники съ пѣснями прибыли спустя часъ времени. Боже мой, чего не наслушался я, сидя вечеромъ за стаканомъ чая; борзятники входили къ намъ по-парно и по-трое и со всѣми подробностями разсказывали каждый о своемъ подвигѣ.

На другой день мы намѣревались брать соры и легли спать ранѣе обыкновеннаго.

IX.

Ѣзда по сорамъ. — Травля оборотней. — Перемѣна квартиръ. — Могарычъ. — Учитель-сочинитель. — Занятіе, порождающее тоску и дремоту. — Опять Синіе кусты. — Смерть Фунтика. — Отъѣздъ.

На другой день дистаночный получилъ свои капканы въ видѣ награды за спасеніе Фунтика отъ вѣрной смерти, а этотъ спасенный простоялъ около получаса на колѣняхъ, выпрашивая себѣ позволеніе отправиться съ нами на охоту. Стерлядкинъ долго не соглашался, и наконецъ, какъ бы въ силу общаго нашего предстательства, послѣ острастки и предостереженія на будущее время изъявилъ свое согласіе. Увы, кто изъ насъ могъ предузнать, что этотъ проворный мальчикъ, получившій такое пристрастіе къ охотничьему дѣлу, придумаетъ для себя такой родъ смерти, отъ котораго ни одному изъ старыхъ и опытныхъ охотниковъ не пришло на мысль его предостеречь.

Мы собрались и выступили ранѣе вчерашняго. Съ этого дня ловчіе начали чередоваться со стаями и мы выѣхали съ Игнатомъ. Ѣзда по сорамъ мнѣ очень понравилась. Тутъ, на плоской и от-

крытой мѣстности, сидя верхомъ на лошади, легко было слѣдить за движеніемъ ловчаго со стаей и за успѣхомъ травли на всѣхъ пунктахъ. Подъѣзжая къ сорамъ, которые большею частію состояли изъ продолговатыхъ четвероугольниковъ содержавшихъ подъ собою десятинъ двадцать, тридцать и болѣе поднятой плугомъ степи, борзятники дѣлились на двѣ половины; тѣ, которымъ приходилось стоять въ головѣ острова заравнивались на рысяхъ и становились на мѣста: къ нимъ примыкали остальные и такимъ образомъ составлялась неразрывная цѣпь; тутъ ловчій вводилъ стаю и начиналось порсканье; собаки, разсыпавшись по бурьяну, тотчасъ причуивали слѣдъ, шли въ доборъ и натекали лисицу, которая, по обыкновенію, видя бѣду неминучую, старалась въ началѣ притаиться гдѣ нибудь подъ глыбой земли или въ густомъ бурьянѣ, но эта утайка вообще длилась недолго и, волею, неволею, Патрикѣвна, должна была пускаться на утекъ. Рѣдкая заросль мало способствовала отчаяннымъ бѣглянкамъ къ обманамъ и укрывательству; отыскавши однажды звѣря по слѣду, стая вела вѣрно и безъ отрыва, почти всегда «на зрячь» и лисица непремѣнно выбѣгала на кого нибудь изъ борзятниковъ, гдѣ уже рѣдкая изъ нихъ успѣвала смастерить какую-нибудь штучку. Бывали однакожъ случаи, что и тутъ, при всей наметанности собакъ и мастерствѣ охотниковъ, этотъ хитрый звѣрекъ проскользалъ, какъ говорится, между пальцевъ и уносилъ на плечахъ не тронутую шкурку, оставя своихъ преслѣдователей въ недоумѣніи и досадѣ. Фунтикъ былъ первымъ представителемъ такой неудачи; единственную лисицу, на которую послѣ долгихъ ожиданій удалось ему спустить свою свору, онъ втравилъ обратно въ соры, гдѣ, размставъ собакъ, Патрикѣвна вернулась къ Фунтику подъ лошадь и, на свободѣ, сопровождаемая неистовымъ крикомъ и одинокимъ преслѣдованіемъ мальчика, скрылась степью изъ вида. Съ Бацовымъ на другой день повторился тотъ же случай: гончіе вывели лисицу къ его ногамъ; собаки не успѣли заловить ее сразу, разъѣхались, пронеслись и лисица юркнула въ круговину состоявшую изъ кочекъ заросшихъ густою травой, запала тамъ и, выждавъ минуту, когда борзые въ напрасномъ иску разметались въ стороны, вернулась подъ лошадь къ Бацову и исчезла въ сорахъ. Подобныя продѣлки повторялись и съ другими доѣзжачими, ежедневно; но, кромѣ этихъ обыкновенныхъ и хорошо всѣмъ извѣстныхъ случаевъ, бывало нѣсколько такихъ, которые ставили въ тупикъ самыхъ опытныхъ и знающихъ охотниковъ.

Объѣздивши въ три дня мѣста во кругъ Козихи и Синихъ кустовъ, мы по совѣту дистаночнаго брали пятое поле въ такъ называемомъ Бурихинскомъ участкѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ мѣста нашей стоянки; тутъ не было вовсе соро̀въ; обрысканные нами въ первые дни они тянулись теперь отъ насъ на лѣво, охвативъ горизонтъ тонкою черною полоской; за то передъ глазами у насъ ширилась эта степь, сохранившая свою первозданную дѣвственную физіономію: тишь, просторъ, безлюдье, пустыня—кругомъ! рѣдкія сурчины съ ихъ флегматическими обитателями, стада бѣлогрудыхъ дудаковъ, да эти, пораждающіе какое-то тоскливое чувство, журавлиные голоса въ глубокомъ небѣ вотъ единственные представители теченія тутъ какой-то робкой, чахлой, разъединенной жизни. Прошедши прямикомъ въ глубь этой пустыни мы очутились въ лоскахъ. Для скопленія въ лѣтнее время воды на пойло быкамъ, прасолы перепружаютъ ихъ узкими плотинами, отчего образовались небольшіе прудки, а верховья ихъ заростаютъ сплошнымъ камышемъ, который тянется узкими гривами въ разныя стороны по дну лощинъ. Тутъ, переходя со стаей изъ лоска въ лоскъ, Ѳеопену Ивановичу предстояла забота тѣшить насъ постоянной травлей. Лисицъ нашлось множество, но между ними попадались такія, которыхъ охотники, не понимавшіе настоящей причины, отнесли прямо къ разряду заколдованныхъ, и послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ опытовъ, отказывались ихъ преслѣдовать, считая ихъ, по свойственной русскому человѣку вѣрѣ въ лѣшихъ, за оборотней и т. д., за что-то такое къ чему крещенному человѣку прикасаться не слѣдуетъ. Первый опытъ въ этомъ темномъ дѣлѣ выпалъ на долю старика Савелья; его быстроногая Красотка и другія сворныя собаки были извѣстны въ охотѣ какъ привалельныя въ особенности на лисицъ, которыхъ онъ успѣлъ уже поцетить въ графской больше десятка. Случилось такъ, что въ виду всѣхъ охотниковъ гончіе вывели лисицу изъ камышей прямо къ Савелью Трофимовичу; кругомъ его была открытая степь, безъ всякихъ перемычекъ, слѣдовательно, лисицу надо было считать пойманною. Выждавъ звѣря какъ слѣдовало, старый охотникъ принялся его травить: собаки мигомъ доспѣли и съ горяча накрыли лисицу, но, въ то-же мгновеніе отскочили прочь и лисица, къ удивленію всѣхъ, пошла на утекъ; собаки долго не давали ей хода, окружали, опережали ее, сбивали со слѣда; Савелій горячо атукалъ, догонялъ, топталъ ее лошадью, натравливалъ и подзаривалъ собакъ; тѣ снова заскакивали лисицу впередъ и съ боковъ, но,

притронуться къ ней не смѣла ни одна, какъ-будто на звѣрѣ, вмѣсто мягкой шерсти, торчали иглы. Долго и съ удивленіемъ смотрѣли мы на стараго охотника, который атукалъ жалобнымъ голосомъ и, кажется, плакалъ съ досады, что его надежныя собаки *отплясываютъ* и не берутъ звѣря! Такъ скрылся онъ у насъ изъ вида и, спустя время, вернулся къ мѣсту съ пустыми тороками. Этотъ рѣдкій случай навѣрное обратилъ бы вниманіе всѣхъ охотниковъ и сталъ бы предметомъ самыхъ вычурныхъ толковъ, еслибъ ему не было суждено повториться надъ самимъ Алѣевымъ еще до возвращенія Савелья. Гончія, не перестававшія гамѣть въ камышахъ, вывели матерую лисицу прямо на Алексѣя Николаевича. Собаки его своры, изъ которыхъ каждая способна была управиться съ лисицей, какъ кошка съ мышью, мигомъ накрыли звѣря и, какъ ошпаренныя кипяткомъ, отскочили отъ него прочь; освободясь изъ мялки, лисица, точно также, какъ и у Савелья, пошла на утекъ и, словно заколдованная, скрылась изъ вида нетронутая ни одной собакой. Но этимъ не кончилось: графскій охотникъ, Кондратій, у котораго собаки были тоже надежныя, точно также проводилъ лисицу степью и вернулся назадъ ни съ чѣмъ. Наконецъ выскочилъ изъ камышей четвертый оборотень въ образѣ такой же лисицы и побѣжалъ прямо на Ваську, Алѣевскаго стремяннаго: знаменитый его Чернонѣгій пошелъ къ ней на встрѣчу впереди всѣхъ собакъ, и глядя на этотъ самоувѣренный пріемъ втравленнаго волкодава, казалось, что отъ бѣдной лисицы останутся одни клочья. Не тутъ-то было! Схватя съ разлета лисицу за спину, онъ треппулъ ее сердито, швырнулъ отъ себя въ сторону и самъ остановился на мѣстѣ, какъ-будто у него закружилась голова; прочія собаки подоспѣвъ, накрыли бѣглянку снова и въ тотъ же мигъ бросили ее; помятая и оторопѣвшая отъ двухъ такихъ ударовъ, лисица, чуть переваливаясь, въ началѣ очень тихо, а потомъ шибче и шибче побѣжала степью; Васька, какъ видно было, разсвирѣпѣлъ отъ этой неудачи, а по охотничьему — срамоты. Онъ помчался въ слѣдъ за бѣглянкой и натравливая ее собаками, которыя, окружая и заскакивая впередъ, не давали ей надлежащаго хода, вскорѣ изловчился пристукнуть ее пулькой *), полѣзъ съ сѣдла и началъ вторачивать. Мы неотвязно смотрѣли

*) У псовыхъ охотниковъ, занимающихся травлею волковъ, въ ручку арапника вплетена полуфунтовая свинцовая гирька, которою они, взявъ за наконечникъ, машутъ на скаку и стараются попасть звѣря по головѣ; однимъ ловкимъ ударомъ волка можно *ошеломить*.

на стремяннаго и ждали его возвращенія, чтобъ взглянуть поближе на того звѣря, который не дался въ зубы даже Чернопѣгому... Еще къ большему удивленію мы видѣли, что Васька, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію сѣсть въ сѣдло и ѣхать къ намъ съ тріумфомъ, повелъ лошадь на чумбурѣ, распустивъ его во всю длину и въ добавокъ часто отмахивалъ ее отъ себя арапникомъ, какъ видно, желая быть отъ нее подальше; собаки тоже рыскали далеко отъ лошади. Причина всего этого не замедлила объясниться: отъ лисицы, наскоро и кой-какъ притороченной къ сѣдлу, разило такимъ нестерпимымъ запахомъ, что подъ вѣтеръ нельзя было устоять отъ лошади въ пяти шагахъ.

Собравшись въ кучку и глядя на торока стремяннаго, мы долго разсуждали объ этомъ новомъ для всѣхъ явленіи; наконецъ Өеопенъ Ивановичъ выѣхалъ изъ лощины.

— Ну, ты что скажешь объ этомъ? спросили его въ два голоса графъ и Бацовъ, разсказавъ въ началѣ о неудачной травлѣ прежнихъ лисицъ.

— Что тутъ сказать; дѣло знамо — змѣевка.

— Что за змѣевка? какая змѣевка?!

— А такая жъ, что змѣй ѣдятъ; тутъ, выходитъ, имъ водъ. Я и по гоньбѣ смекнулъ: ведутъ, словно улицей закатываютъ! да какъ и не причуять; вишь, смердотина какая! А я вамъ доложу, добавилъ ловчій, что по лѣту ихъ и травить нельзя: не равно дастъ хватку, собака распухнетъ, а чего добраго — и околѣетъ. Изъ волковъ тожъ попадаются такіе, что съ голоду змѣй да ящерицъ похватываютъ; отъ того разитъ такъ, что за версту не подступишь. Одначе, пора на перевалъ, время нисколько, часъ третій, небось, есть? заключилъ Өеопенъ.

Сергѣй и Пашка, вызывавшіе въ это время стаю изъ камышей, тронулись впередъ и спустились въ новую лощину; охотники, не нарушая прежняго порядка, заѣзжали и становились по мѣстамъ. Тутъ нѣкоторымъ изъ борзятниковъ суждено было повторить уже видѣнное нами, и они возвратились домой съ полной увѣренностью, что имъ выпало на долю травить — *оборотня*.

Въ это поле мы затравили лишь девять лисицъ всей охотой и вернулись на квартиру раньше обыкновеннаго, потому, что на утро мы снимались съ прежней стоянки и переходили для большаго удобства въ праеольскіе хутора. Обозъ съ тяжестями вышелъ на разсвѣтѣ; мы, съ очередной стаей взяли на прощаньѣ

Козиху, гдѣ застали двухъ лисицъ и одного первый разъ встрѣченнаго нами волка, котораго однакожъ пришлось травить въ угонъ и потому мы довольствовались только зрѣлищемъ настоящей волчьей скачки *).

Прасольскіе хутора, куда мы прибыли, пройдя верстъ двѣнадцать степью и держась направо отъ Синихъ кустовъ, представили намъ жизненныхъ удобствъ больше нежели прежняя стоянка, хотя мы на время должны были разъединить нашихъ охотниковъ. Въ одномъ изъ нихъ помѣстился Ѳеопенъ съ частью общихъ тяжестей, далѣе сталъ Игнатъ со стаей и борзятниками, послѣдній заняли мы всѣмъ обществомъ. Хутора эти были ни что иное, какъ большаго размѣра плотно срубленныя двѣ избы, соединенныя просторными сѣнями; къ этимъ жильямъ были пригорожены правильными четвероугольниками большіе дворы съ навѣсами, подъ которыми можно было помѣстить штукъ до тысячи рогатаго скота, который откармливался въ здѣшней степи для продовольствія нашихъ столицъ. Дворъ отъ двора были отодвинуты слишкомъ на версту, для предупрежденія всякихъ сообщеній одного гурта съ другимъ на случай заразы. Всѣ три двора были расположены по изгибамъ узкой лощины съ ничтожнымъ ручейкомъ. Кругомъ насъ была одна эта ровная глубокая степь съ сурчинами, законченная всюду сѣроватымъ горизонтомъ, да въ одномъ углу тѣ же, нигдѣ не отстававшіе отъ насъ, Синіе кусты.

Первый день послѣ перваго ночлега на новомъ мѣстѣ былъ опредѣленъ на отдыхъ. Пользуясь этимъ Ѳеопенъ Ивановичъ просилъ заранѣе дозволить ему сдѣлать охотничій праздникъ и поставить ребятамъ обѣщанный «могарычъ.» Отказа конечно быть не могло, и потому въ хуторѣ, гдѣ онъ помѣстился со стаей, просторная двѣнадцати аршинная изба была еще на канунѣ какъ-то щеголеватo обставлена, полъ усыпанъ пескомъ, который, Богъ вѣсть, откуда добытъ въ этомъ царствѣ глубокаго чернозема. Въ одномъ углу стояло нѣсколько древесныхъ сучьевъ разыгрывавшихъ роль лѣса; тутъ же, т. е. на краю лѣса, былъ поставленъ простой столъ, усыпанный густо золой; остальную пустоту запи-

*) Всѣ охотники утверждаютъ, и я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что голоднаго волка травить въ *угонъ* невозможно. Сила скачки и широта его розмаха такъ велики, что ни одна изъ борзыхъ, какъ бы ни была она рѣзва, не въ состояніи на скаку не только достичь, но даже приблизиться къ утекающему звѣрю. *Авт.*

мали два длинные стола съ обильнымъ запасомъ разныхъ напитковъ, закусокъ и съ двумя кипѣвшими самоварами.

Часу въ третьемъ мы отправились пѣшкомъ посмотрѣть на пирующихъ, а главное, послушать охотничьихъ пѣсенъ, которыя, надо сказать правду, наши охотники пѣли мастерски. Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда мы появились среди ихъ веселаго общества. Въ избѣ, кромѣ пѣсельниковъ и людей, завѣдывавшихъ хозяйственною частью пирушки, было мало пьющаго народа. За столомъ, посыпаннымъ золой, сидѣли оба ловчіе, безъ кафтановъ и съ рогами за спиной; вокругъ стола, въ тѣсномъ кружку, стояли охотники, держа въ обѣихъ рукахъ по ложкѣ. Не видавшій ни разу охотничьей пирушки, конечно-бы удивился, глядя на эту странную затѣю, но для насъ это было не ново: дѣло въ томъ, что ни одна почти охотничья пѣсня не поется безъ того, чтобъ тутъ не было отголосу стаи, а учащенное шмыганье ложками по столу, посыпанному золой, очень-вѣрно выражаетъ гоньбу выжлятъ въ островѣ, и мастера, умѣющіе сочетать звуки какъ должно, съ пятью, шестью парами деревянныхъ ложекъ произведутъ такой гамъ и пискъ, что, слушая издали, всякій приметъ его за гоньбу стаи, состоящей голосовъ изъ сорока.

Когда мы вошли, запѣвала только-что затянулъ:

Запѣв. Не пора-ли намъ, ребята,
Своихъ конниковъ сѣдлать?
Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!
Своихъ конниковъ сѣдлать!
Запѣв. Скакуновъ лихихъ сѣдлать,
Въ чисто поле выѣзжать.
Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!
Въ чисто поле выѣзжать!
Запѣв. Въ чисто поле выѣзжать,
Въ островъ гончихъ напускать.
Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!
Въ островъ гончихъ напускать!
Запѣв. Ну-ка, ну-ка, запускай,
Проровняйся, запорскай!
Хоръ: Гей, гей, и проч.

Хоръ на время умолкаетъ; ловчій трубитъ сначала въ рогъ и начинаетъ во весь голосъ порскать и накликать на горячій: Га-эй, собаченьки! по-ди, по-ди, въ лѣсъ, въ лѣсъ! Га-эй, поди, проровняйся.... и проч. Тутъ одинъ изъ охотниковъ начинаетъ шмыгать, сначала одной, потомъ двумя ложками очень-вѣрно подражая голосу собаки, попавшей на слѣдъ звѣря, а ловчій съ полнымъ одушевленіемъ подваливаетъ стаю и накликаетъ на

горячій: Га-эй, дружки, чуй его, чуй! Га-эй, собаченьки — тутъ шолъ, тутъ бѣжалъ — натеки, дружки! Вались! къ нему! У-а! дошолъ! дошолъ! и т. под. Тѣмъ временемъ, къ первымъ двумъ ложкамъ постепенно присоединяются остальныя; гоньба закипаетъ, хоръ поетъ:

Запѣв. Чу, Камшило, чу, Громило!
Къ нимъ вся стая подвалила.
Хоръ: Гей, гей, рам-да-да и проч.
Запѣв. Звонарю обидно стало —
Какъ свалилася вся стая.
Хоръ: Гей, гей....
Запѣв. Онъ по волку тутъ погналъ,
Лихо гончихъ оборвалъ....

Тутъ, въ моментъ полнаго разгара гоньбы, ловчій подаетъ въ рогъ по красному и кричитъ: «Береги въ поля!»

Тѣмъ-же порядкомъ воображаемаго звѣря начинаетъ травить кто-нибудь изъ борзятниковъ и если во время этой охотничьей оргіи въ числѣ слушателей есть кто-нибудь изъ охотниковъ-господъ, то хоръ тутъ-же, именуя любимую собаку его своры, подпѣваетъ:

Барской своры кобель Скорый
Сѣра волка подорвалъ! и проч.

И запѣвало поздравляетъ барина съ полемъ, а тотъ обязанъ положить — *золотую гривну* на смычокъ Звонарю *).

Сверхъ этой очень-длинной и однообразной пѣсни, охотники по желанію графа и прочихъ пропѣли еще любимую всѣми, превосходно-выполняемую хоромъ и одушевленную общимъ атуканьемъ борзятниковъ пѣсню, въ словахъ которой, однако-жъ, при всемъ стараніи, я не могъ доискаться надлежащаго склада; она поется протяжнымъ голосомъ и почему-то называется «Заря».

Темна ночка на проходѣ,
День красный настаетъ;
(Младой) ловчій встаетъ, —
Въ рога голосъ подаетъ.

Вы, охотнички, вставайте,
Лошадей дружки сѣдлайте,
На смычки собакъ смыкайте:
Всѣ готовыми ступайте.

---

*) Пѣсня эта очень длинна. Особенно, если запѣвало обладаетъ даромъ импровизаціи, онъ къ началу ея прибавляетъ отъ себя нѣсколько новыхъ куплетовъ, которыми восхваляетъ дѣйствительный или вымышленный подвигъ какой-нибудь удалой собаки въ охотѣ.

Выѣзжайтс во поля,
Выступайте въ острова,
И по тѣмъ (темнымъ) мѣстечкамъ,
Гдѣ есть озимь и лужечки.

Тамъ бывали русачки.
Ну-жъ, снимай съ собакъ смычки;
Вдоль по острову ступайте,
Прөровняйся, пропорскай.

Снова отпускается изрядная порція порсканья и гудѣнья въ рога, послѣ чего хоръ добавляетъ:

Хоръ: Ты, Затѣйка, натеки,
Горкалушка подхвати!
Вотъ и стая вся взорвала
Горячо звѣря погнала!
Ловчій: А-у! а-у! а-у!
Добрись миленькіе!
Чуй — дружки, чуй!
У-лю-лю, у-лю-лю, у-лю-лю!
Слушай! Береги пъ поля!
Хоръ: Ты, Нахалушка, нагнись,
Ты, Примѣтка, растянись,
Ты разбей его, Разбой!
Ты не выдай, Дорогой!
Всѣ: Ухъ! ухъ! ухъ! Дошолъ! Дошолъ!
О-го-го, о-го-го, о-го-го!
Запѣв.: Баринъ, съ полемъ честь имѣемъ поздравить.

Тутъ, какъ водится, слѣдуетъ новая подачка на ошейникъ Дорогому.

Насъ подчивали чаемъ.

Въ сѣняхъ и вокругъ избы, на вольномъ воздухѣ, охмѣлѣвшіе уже охотники ходили съ чашками въ рукахъ или сидѣли группами, безпечно и весело разсуждая о суетахъ мірскихъ вообще и охотничьихъ въ-особенности; между прочимъ, въ одномъ кружку шла рѣчь о вчерашнихъ событіяхъ. Тутъ, какъ водится, не обошлось безъ спора, доказательствъ и возраженій: одни утверждали, что имъ пришлось имѣть дѣло съ нечистой силой, другіе опровергали ихъ и ловко надъ ними подтрунивали. Дистаночный былъ тоже въ числѣ почетныхъ гостей; онъ, по-видимому, былъ очень-доволенъ обществомъ и оказываемымъ ему вниманіемъ. Было также замѣтно, что между начальникомъ степной стражи и нашимъ мудренымъ ловчимъ утвердилось довѣріе и пріязнь.

Вскорѣ для насъ и въ-особенности для графа Атукаева, ко-

торый, кстати сказать, былъ страстный охотникъ до людей подобныхъ Петрунчику, представился случай позабавиться новымъ и весьма-замѣчательнымъ явленіемъ. Передъ окнами у насъ, какъ-то внезапно, появился отрепанный господинъ въ сѣренькомъ гарусномъ пальто, въ зеленыхъ, суконныхъ брюкахъ, съ множествомъ заплатъ, пристеганныхъ кой-какъ бѣлыми нитками и въ какихъ-то сандаліяхъ или лучше сказать, въ бабьихъ котахъ, надѣтыхъ на босу ногу; подъ мышкой онъ держалъ большую пачку бумагъ, свернутыхъ трубочкой. Мусье этотъ отнесся къ группѣ охотниковъ, сидѣвшихъ у насъ подъ окномъ, и началъ велерѣчиво допытываться у нихъ, какъ ему свидѣться съ графомъ Атукаевымъ; тѣ отвѣчали какъ-то неохотно и уклончиво, но, когда вновь-появившійся прорекъ: «не менѣе того, я желаю представиться, и вы обязаны (тутъ надо было видѣть позу и повелѣвающій его видъ) доложить его сіятельству, что путешествующій ученый и благородный человѣкъ желаетъ....» и проч., панъ Атукаевъ пришелъ въ восторгъ; онъ засуетился страшно: Петрунчикъ, бывшій съ нами, тотчасъ получилъ отъ него приказаніе, прикинуться графомъ и принять господина съ достоинствомъ. Хлюстиковъ приосанился, помѣстился на видномъ мѣстѣ и за господиномъ былъ отправленъ посланецъ.

— А, это Каракуля! сказалъ дистаночный, взглянувши мелькомъ въ окно. — Этотъ...

— Смотри же, Петрунчикъ, не посрамись! говорилъ Атукаевъ, не слушая Крутолобова.

Каракуля вошелъ тихо, но не робко и съ какими-то вывертами. Физіономія этого господина была такова, что взглянувши на нее первый разъ всякій начнетъ припоминать, гдѣ онъ видѣлъ такую птицу? Совершенно птичій обликъ! И носъ и ротъ и борода у него какъ-то побѣжали къ низу, согнулись и образовали что-то въ родѣ клюва.

— Кого вамъ надо видѣть? спросилъ нетерпѣливо графъ, когда тотъ сновалъ глазами, стараясь угадать къ кому слѣдовало отнестись.

— Я-съ, къ его сіятельству...

— А, вамъ къ графу; вотъ графъ.

Новоприбывшій важно подступилъ къ самому носу Петрунчика.

— Честь имѣю рекомендоваться... Учитель и даже сочинитель! проговорилъ Каракуля, наклоняя лѣвое плечо и вознося правую руку къ свертку бумагъ.

— Да какой ты, братецъ, сочинитель? Что ты сочинилъ? началъ Петрунчикъ, щуря одинъ глазъ.

— Помилуйте, сiятельнѣйшiй графъ, не извольте сомнѣваться въ томъ. Я сочинилъ или лучше сказать воспѣлъ въ хорейческомъ размѣрѣ поэму, подъ названiемъ: *Мой недремлющiй сонъ.*

— Да какой это сонъ, братецъ? Что въ немъ есть, въ этомъ снѣ?

— Много есть ощущенiй по истинѣ вѣрныхъ, потому что сонъ этотъ я испыталъ на себѣ самолично, имѣвъ случай уснуть зимой на улицѣ въ нанковомъ сертукѣ. Онъ написанъ такъ, что еслибъ вашему сiятельству угодно было прочесть всю поэму, то вы бы могли вообразить даже, что это видѣнiе мертваго человѣка, поелику я былъ мертвъ: мужики оттерли-съ.

Послѣ такого вступленiя учитель-сочинитель долго пояснялъ Петрунчику какого рода сны бываютъ у мертваго человѣка и подъ конецъ, какъ-то экспромтомъ, заключилъ:— а не менѣе того я васъ могу увѣрить, что для ученаго человѣка достаточно одной рюмки водки. Съ этимъ, Петрунчикъ, какъ видно былъ совершенно согласенъ, потому что не замедлилъ крикнуть къ людямъ о подачѣ бодряжки. Черезъ часъ мы оставили ихъ обоихъ пляшущихъ подъ пѣсни охотниковъ. На другой день намъ донесли, что Петрунчика и учителя-сочинителя охотники какъ-то стравили и они подрались; учителя вытолкали вонъ, а Петрунчикъ, отоспавшись, явился къ отвѣту и по общему приговору былъ обреченъ на трехдневное воздержанiе.

Послѣ этого охотники наши ѣздили въ разныя стороны по степи, въ *наѣздку*, безъ гончихъ. Нѣтъ ничего скучнѣе этой наѣздки. Это однообразное дѣло способно породить скорѣе охлажденiе и навести дремоту, нежели завлечь и пристрастить къ себѣ человѣка, еще не томящагося охотничьей лихорадкой. Ѣзда «на глазокъ» по степи за лисицами монотоннѣе и скучнѣе въ десять разъ ѣзды мелкотравчатыхъ на хлопки за зайцами. Тамъ по крайней мѣрѣ это круговое движенiе, крикъ, хлопанье, а больше всего постоянное ожиданiе, что вотъ-вотъ выскочитъ *косой* изъ-подъ межи или кустика, увлекаютъ охотника и онъ, подстрекаемый нетерпѣнiемъ и надеждой, суетится, хлопаетъ и кричитъ: эхъ вскочи! эхъ подымись! потѣшь, дружокъ! и проч. И вотъ, матерой, свѣжiй русакъ прыгнулъ на сажень вверхъ, взбрыкнулъ ножками, перетропилъ, насторожилъ одно ухо и «загорѣлся какъ свѣча!» Все встрепенулось, гикнуло, помчалось въ слѣдъ за этимъ голубымъ шарикомъ... и вотъ, какой-нибудь Крылатъ

оторвался отъ кучки собакъ, заложился по русаку, доспѣлъ, швырнулъ косаго — разъ! два! и въ слѣдъ ему раздаются голоса полные энергіи, страсти... Нѣтъ, совсѣмъ не то ѣзда за лисицами.

Выѣхавъ изъ дома охотники наши растягивались въ линію и, захвативъ большое пространство степи, двигались шагъ-за-шагомъ, все больше и больше расширяя линію и подаваясь медленно впередъ, высматривали лисицу на рыску или отаптывали попадавшіяся по пути круговины съ кочками, гдѣ она могла залечь — и все это дѣлалось какъ-то крадучись, въ тихомолку... Нужно имѣть слишкомъ острое зрѣніе чтобъ замѣтить лисицу на рыску въ степи, обыкновенно версты за двѣ и болѣе впереди себя. Тутъ начинается эта томительная *отъѣздка звѣря*: два, три охотника отдѣляются и начинаютъ заѣзжать на рысяхъ лисицу спереди и съ боковъ, стараясь въ началѣ пересѣчь ей путь, *скружить* и отъѣхать отъ опаснаго мѣста и, тогда уже, послѣ продолжительной, осторожной и утомительной для лошади и собакъ отъѣздки, начинается травля такого звѣря, противъ котораго надо имѣть въ запасѣ слишкомъ много находчивости и соображенія чтобъ овладѣть его шкуркой. Разорванная такимъ образомъ линія опять сомкнулась и опять увидѣли движущуюся темноватую точку на горизонтѣ и снова, два-три зоркіе верршника отдѣляются отъ прочей братіи и ѣдутъ на рысяхъ, таща на сворѣ высунувшихъ языки собакъ и разъединяясь и кружа по степи, направо, налѣво, исчезаютъ изъ вида и пропадаютъ въ пространствѣ; снова начинается это безмолвное, устроенное на знакахъ и пантомимахъ, движеніе впередъ, преслѣдованіе наавось! Ничего общаго и жизненнаго — все въ тихомолку, все врозь, и за всю эту тоску и муку, чаще всего, въ результатѣ — обманутое ожиданіе, чистая неудача! Нѣтъ, ѣзда за лисицами, по чернотропу, на глазокъ, по моему дѣло не стоющее ни времени, ни труда.

Не смотря на это наши господа кружили по степи въ продолженіе трехъ дней сряду, измучили лошадей, подбили собакъ и затравили звѣря, сравнительно съ прежней ѣздой подъ гончими, вдвое меньше.

Давъ наконецъ отдохнуть лошадямъ и отлежаться собакамъ рѣшились на *послѣдяхъ* взять Синіе кусты и проститься съ гостепріимной степью.

Идучи къ острову охотники долго подтрунивали надъ Фунтикомъ, которому не суждено было ни разу возить въ торокахъ

лисицу, хотя онъ принимался травить ихъ по нѣскольку разъ. Мальчикъ отшучивался, но по лицу его было замѣтно, что онъ досадовалъ. На этотъ разъ придали ему къ сворѣ старую хорошо притравленную собаку, потому что бывшія у него зайчатницы плохо управлялись съ лисицей. Не было сомнѣнія, что мальчикъ на послѣдяхъ утѣшится. Мѣсто для себя онъ выбралъ весьма надежное и сталъ въ головѣ лощинки на перемычкѣ, между двумя графскими охотниками. Игнатъ кинулъ свою стаю въ островъ и гоньба вскорѣ закипѣла. Борзятники начали травить; дошла наконецъ очередь и до Фунтика: выждавъ на себя звѣря съ полнымъ терпѣніемъ, онъ отдалъ свору, и собаки его накрыли матерую лисицу, сразу, безъ угонки. Надо было видѣть съ какой поспѣшностью обрадованный новичокъ соскочилъ съ лошади, второчилъ лисицу и очутился снова на своемъ счастливомъ мѣстѣ. Я смотрѣлъ на него издали и молча порадовался его успѣху. — Ну, теперь его не достанешь рукой! промолвилъ Бацовъ, глядя въ свою очередь на Фунтика.

Долго послѣ этого пробыли охотники подъ островомъ; лисицъ въ немъ, по видимому, было меньше прежняго, однакожъ борзятники не застаивались: во многихъ мѣстахъ травля шла очень успѣшно. Я собрался ѣхать къ Алѣеву на другой конецъ острова, какъ Бацовъ, взглянувъ въ сторону, вскрикнулъ: — Смотри! Фунтикъ! Что съ нимъ?

Было отчего воскликнуть Бацову. Весьма смирная и хорошо пріѣзженная лошадка, на которой сидѣлъ Фунтикъ, неизвѣстно отчего пришла въ бѣшенство. Стоя до этого на мѣстѣ очень спокойно, она, вдругъ, помчалась-зря, и начала страшно трепать задомъ. Справляя на вольты и осаживая на поводьяхъ, сколько доставало силъ, мальчикъ не труснлъ и крѣпко держался въ сѣдлѣ, но лошадь металась, взбрыкивала, приходила въ большую и большую ярость и, забравъ силу, закусивъ удила и понуря голову, помчалась прямо по степи, взмахивая высоко задомъ. Изнемогши въ борьбѣ, мальчикъ, какъ видно было, отдался на произволъ бѣшеннаго животнаго, но все-таки держался въ сѣдлѣ твердо. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что никто изъ ближайшихъ охотниковъ не вздумалъ поспѣшить къ нему на выручку; да и сдѣлать это для нихъ не было никакой возможности: скача къ Фунтику на помощь, они обязаны были спустить со своръ собакъ, которыя не видя передъ собой звѣря успѣли бы тѣмъ временемъ надѣлать страшной кутерьмы. Взглядывая одинъ по одномъ на скачущаго мальчика и не понимая

причины этой скачки, никому не приходило въ голову, что каждому изъ насъ слѣдовало, брося все, ринуться на помощь въ самомъ началѣ; теперь же, когда всѣ поняли необходимость этого, было уже поздо: мальчикъ былъ слишкомъ далеко отъ насъ. Между тѣмъ, пока мы недоумѣвали глядя на это новое, загадочное для всѣхъ явленіе, лошадь, взмахивая высоко задомъ, уносилась дальше и дальше... наконецъ, оступившись, она опрокинулась, подмяла подъ себя слабаго сѣдока и вскоча на ноги, снова помчалась степью, таща за собой мальчика, у котораго несомнѣнно одна нога осталась въ стремени. Бацовъ, я, и одинъ изъ охотниковъ поскакали по слѣдамъ бѣдствующаго; послѣ нѣсколькихъ встренокъ лошадь наконецъ поскакала одна, оставя несчастнаго сѣдока по среди степи. Мы вскорѣ очутились подлѣ него, но увы, это былъ уже не нашъ проворный и веселый Фунтикъ, а его безжизненный трупъ: изо рта у него обильно текла кровь съ пѣной; онъ получилъ нѣсколько ударовъ въ грудь и въ голову; на ногѣ у него осталось оторванное отъ сѣдла стремя, у пояса висѣло обрывокъ чумбура. Осмотрѣвъ все внимательно, мы подали сигналъ «на драку» и нѣсколько охотниковъ не замедлили прискакать къ мѣсту. Къ Стерлядкину и прочимъ господамъ былъ посланъ гонецъ съ извѣстіемъ о случившемся и тѣ явились вскорѣ. Неожиданная смерть Фунтика глубоко опечалила всѣхъ охотниковъ: у многихъ появлялись на глазахъ слезы; всѣ они любили мальчика, забавлялись его рѣзвостью и обращались съ нимъ какъ съ меньшимъ братомъ; даже дистаночный и его неразлучный товарищъ горевали искренне, глядя на погибшаго.

Что было причиною этой грустной катастрофы? Отчего такая благонравная и смирная лошадь, на которой мальчикъ ѣздилъ три года въ хлопунцахъ *), вдругъ взбелѣнилась и надѣлала такихъ бѣдъ? Это были вопросы пока неразрѣшимые.

Стерлядкинъ искренне сокрушался и себя одного упрекалъ въ случившемся несчастіи; мы всѣ вообще чувствовали себя какъ-то неловко: какъ будто на каждомъ изъ насъ лежала частица обвиненій взводимыхъ на себя Стерлядкинымъ.

Послали на квартиру за линейкой для перевозки тѣла съ хутора и нѣсколько охотниковъ отправились по нашему указанію для поимки убѣжавшей лошади; но они возвратились поздно ве-

*) Подъ хлопунцовъ опредѣляются самыя смѣлыя и съ смирной пріѣздкой лошади.

черомъ, не найдя даже признака ея слѣдовъ, и только на другой день къ вечеру, съ помощью и содѣйствіемъ дистаночнаго, удалось на нее наткнуться объѣздчикамъ: лошадь погрязла и околѣла въ одной изъ тѣнистыхъ лощинъ, въ Бурихинскомъ участкѣ, вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы травили оборотней; по донесенію сторожей, на ней было сѣдло, съ приторченной къ нему лисицей. Это было верстахъ въ десяти отъ нашей квартиры и мы на утро сѣли въ линейку и отправились съ нѣсколькими верховыми на мѣсто. Съ перваго же взгляда на лошадь, причина смерти горячаго и неопытнаго охотника открылась намъ со всею ясностью: этотъ рѣдкій, однакожъ не единственный въ охотѣ случай, служилъ еще большимъ доказательствомъ тому, какъ много опытности и соображенія надо имѣть охотнику, чтобъ управиться съ такимъ звѣремъ какъ лисица. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ:

Каждому уже извѣстно, что лисица, при ея необыкновенной изобрѣтательности средствъ къ своему спасенію, попавшись наконецъ въ руки къ охотнику, пускается на послѣднюю крайность: она ловко прикидывается мертвою. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ было и съ Фунтикомъ: принявъ лисицу отъ собакъ, обрадованный мальчикъ по неопытности или по забывчивости, не добивъ ее, приторчилъ къ сѣдлу *по заячьи*, *) т. е. просто привязалъ ее за ноги къ задней лукѣ, оставя голову на свободѣ. Къ несчастію, ни одному изъ сосѣднихъ охотниковъ не пришла мысль взглянуть ближе и внимательнѣе какъ управился новичекъ съ своей добычей, а издали разсмотрѣть было невозможно; сверхъ того каждый изъ нихъ, стоя на лазу, обязанъ былъ не зѣвать и думать о себѣ одномъ. Очень естественно, что Фунтикъ, второча живую лисицу и ставъ на прежнее мѣсто, обратилъ все свое вниманіе на то, что происходило передъ нимъ въ островѣ. Лисица тѣмъ временемъ очнулась и запустила острые зубы въ пахъ лошади: нестерпимая боль и страшный испугъ послѣдней, были виновниками видѣнныхъ нами послѣдствій. Когда люди вытащили на арканѣ лошадь изъ тины и сняли съ нее сѣдло, оказалось, что правый пахъ у нее мѣстахъ въ шести былъ глубоко прокушенъ и кровь текла обильно; все это доказывало, что лисица была приторчена живая и околѣла въ болотѣ вмѣстѣ съ лошадью.

---

*) Лисицу, какъ бы она ни была помята собаками, въ началѣ добиваютъ и туго приторачиваютъ за глотку; пристегнутая на мертвой петлѣ къ лукѣ, она не можетъ ожить и движеніемъ своимъ напугать лошадь. Отъ несоблюденія этого правила случалось много несчастій съ охотниками.

Употребивъ слѣдующій затѣмъ день на отданіе грустнаго долга нашему общему любимцу, мы изготовились въ ночь и выступили на зорькѣ въ дальнѣйшій путь. Дистаночнаго и бывшихъ при насъ объѣздчиковъ за ихъ хлопоты и усердіе одарили щедро, такъ что первый остался вовсе не въ накладѣ за «убытки понесенные Ѳеопеномъ», а послѣдніе, допивая прощальную чарку съ охотниками, выражались искренне, что «такихъ господъ на рѣдкость встрѣтишь!»

Такъ тревожно начали мы наше полеванье во владѣніяхъ графини Отакойто, такъ весело и удачно продолжали и — такъ грустно пришлось его кончить.

Крутолобовъ съ двумя сторожами провожалъ насъ далеко степью, направляя наше слѣдованіе къ Хопру, куда мы двинулись съ цѣлью провести тамъ остатокъ осени до порошъ.

X.

Кочевая жизнь. — Крутос. — Зима-весна. — Бугры. — Еще одна хитрость лисицы. — Необыкновенные волки. — Крылатые звѣри. — Отъѣздъ. — Бокино. — Производство въ чинъ. — Заключеніе.

Теперь остается сказать немногое о тѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ, которыя по-чему-нибудь выходили изъ ряда обыкновенныхъ и останавливали на себѣ наше общее вниманіе. По выходѣ изъ прасольскихъ хуторовъ мы повели жизнь въ родѣ наѣздничей, или лучше сказать кочевой-цыганской. За исключеніемъ Хлюстикова и людей обязанныхъ быть при обозѣ, всѣ мы сидѣли на коняхъ и растянувшись въ линію протекали мѣстность въ видѣ опустошительной лавы. Обозъ съ заводными лошадьми и порожними фурами шелъ вмѣстѣ съ нами, пробираясь гдѣ-нибудь сторонкой и былъ постоянно въ виду. Очередная стая шла тоже съ нами, и если имѣлся въ виду какой-нибудь островъ, ловчій, вводилъ туда гончихъ и проходилъ его на проломъ: борзятники заравнивались на рысяхъ, окружали островъ, гоньба закипала живо, рогъ гудѣлъ — по красному, и звѣрь выносился на счастливаго охотника, а иногда попадали на цѣлый выводокъ волковъ и тогда травля дѣлалась общею, а тамъ, снова движеніе на хлопкахъ... Часу во второмъ за полдень, по данному сигналу всѣ съѣзжались къ обозу, потомъ, пообѣдавъ въ-*сухомятку* и давъ отдохнуть лошадямъ и собакамъ, шли дальше. Итакъ съ ранняго утра до позднихъ сумерекъ, когда обозничіе, прикочевавъ къ

какому-нибудь поселку и запасшись фуражемъ и провiантомъ, устроивали для насъ ночлегъ.

По мѣрѣ удаленія нашего отъ графской степи, мѣстность начала рѣзко измѣняться въ своихъ очертаніяхъ; глазъ пересталъ лѣниво скользить по этой однообразной плоскости съ ея ничтожными оттѣнками; начались бугры, скаты, перелѣски, глубокія лощины съ топкимъ дномъ и низкимъ кустарникомъ, такъ сильно влекущимъ къ себѣ псоваго охотника; кой-гдѣ въ сторонѣ начали поблескивать крашеныя крыши господскихъ усадьбъ, частые поселки, шпицы колоколенъ, рѣчки съ широкими перепрудами, мостами и мельницами. Часъ отъ часу наше общее движеніе начало оживляться большимъ разнообразіемъ и тревогой: стали попадаться бѣжкіе русаки, затѣвалась заркая травля, отчаянная скачка...

На четвертыя сутки передъ вечеромъ мы прикочевали къ Крутому и расположились на стоянку, для того, что тутъ намъ предстояла серьезная, или сказать лучше по охотничьи — «строгая ѣзда.» Крутое это былъ крайній или начальный пунктъ обширнаго бассейна новохоперскихъ мѣстъ, куда по осени съ разныхъ сторонъ съѣзжалось множество псовыхъ охотниковъ, и всѣ они, переходя отъ мѣста къ мѣсту и не мѣшая другъ другу, вездѣ находили обильное количество звѣря. Слѣдующій день былъ опредѣленъ на отдыхъ, на осмотръ мѣстности и на подвывку. Пользуясь прекрасной погодой, мы расположились въ виду острова бивуакомъ: разбили двѣ палатки, устроили нѣсколько шалашей, врыли котлы, настлали логовище для собакъ, однимъ словомъ, въ два часа времени устроились, какъ нельзя лучше и удобнѣе и зажили какъ дома. Сзади насъ, на краю горизонта, стояло село Крутое съ церковью и множествомъ вѣтряныхъ мельницъ; передъ нами, черезъ рѣчку и широкое поле, тянулась сплошная куща береженаго лѣса, блистая на солнушкѣ багряными и желтыми отливами; отъ него въ сторону шли бугры и буеры, поросшіе мелкимъ кустарникомъ; все это заканчивалось вдали такой же волнистой и всюду неровной плоскостью. Русскій человѣкъ не задумается какъ именовать то мѣсто, на которомъ онъ обитаетъ: потому ли что самое село было расположено надъ обрывистымъ скатомъ возвышенной мѣстности, или эти бугры съ крутыми боками носили названіе Крутаго, неизвѣстно, но вѣрно то, что тутъ въ необитаемой глуши, среди обширныхъ болотъ и дикой заросли, выплаживалось много краснаго звѣря, а жизнь ему тутъ была самая привольная.

На утро, послѣ перваго ночлега нашего подъ островомъ, въ воздухѣ была такая тишина и солнце свѣтило дотого ярко, что насъ, поселившихся подъ сѣнью березовой рощицы, прямо на полдень, начало обдавать вешнимъ зноемъ и собаки тяжело дыша прятались подъ тѣнь. Но пословица не даромъ велитъ хвалить утро когда настанетъ вечеръ: часу въ третьемъ за полдень подулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, и весна наша умчалась ни вѣсть куда, черезъ часъ небо заволокла сплошная сѣрая туча, посыпалъ обильный снѣгъ и къ утру его выпало слишкомъ на четверть.— Пороша! пороша! кричали наши охотники, пробуждаясь на зорькѣ и поднимая край полости, на которой лежалъ толстый пластъ снѣга. Но не надолго послужила имъ эта мимолетная зима: часамъ къ десяти, пока люди успѣли позавтракать и собраться, солнце пригрѣло по вчерашнему, бугры начали обнажаться, снѣгъ таять и къ ночи осталась только ничтожная его частица по прибоямъ и впадинамъ.

Часу въ десятомъ оба ловчіе въ легкихъ курткахъ и въ болотныхъ сапогахъ повели пѣшкомъ гончихъ въ бугры. Выжлятники поѣхали въ слѣдъ за ними и, спустившись въ первую лощину, разбрелись по разнымъ пунктамъ для того, чтобъ имѣть возможность сбивать и задерживать собакъ во время гоньбы. Борзятники тоже раздѣлившись по трое и по пятку, пошли занимать мѣста и скрылись въ лабиринтѣ спусковъ. Не такъ-то легко было каждому изъ нихъ добраться до назначеннаго пункта: бугры, казавшіеся издали сплошными, стояли одинъ отъ другого на слишкомъ далекомъ разстояніи, а низина между ними состояла изъ топи съ частыми протоками и прочими болотными принадлежностями.

Всѣми, какъ говорится, правдами и неправдами, то садясь верхомъ на лошадь, то таща ее за собой на чумбурѣ черезъ топь и по крутому склону каждаго бугра, прихватываясь на пути за вѣтки кустарника, я взобрался наконецъ на темя одного изъ возвышеній, откуда, сидя верхомъ на лошади, было очень удобно обозрѣвать и мѣстность и дѣйствіе каждаго охотника. Цѣпляясь также за сучья и таща въ поводу лошадей, борзятники устанавливались по мѣстамъ лицемъ къ тому пункту, откуда ловчіе должны были напускать стаю. Глядя на послѣднихъ нельзя было не припоминать извѣстной всѣмъ поговорки, что охота бываетъ иногда хуже неволи! Я уже имѣлъ случай говорить о значеніи ловчаго проникнутаго страстью къ своему занятію, но едва ли съумѣлъ бы я показать въ надлежащемъ свѣтѣ ту степень труда

и самопожертвованія, на какую обрекаетъ себя ловчій, желающій правильно, усердно и добросовѣстно вести свое трудное дѣло. За примѣрами ходить, конечно, было бы недалеко. Какъ доказательство тому, я приведу здѣсь слѣдующій, отнюдь нерѣдкій и дотого обыкновенный случай, что о немъ ни одинъ изъ охотниковъ не сталъ бы и упоминать.

Подъ конецъ гоньбы въ буграхъ, гончіе у Өеопена подхватили по волку и-скололіись; звѣрь пошелъ прямика, низиной, минуя борзятниковъ. Игнатъ видѣлъ это, но, насадить гончихъ на слѣдъ не было никакой возможности: передъ нимъ стояло цѣлое озеро воды и бывшія съ нимъ собаки, не чуя слѣда, шли туда неохотно; недолго думая нашъ ловчій подхватилъ двухъ звѣрогоновъ подъ мышки и ринулся съ ними въ воду; сначала онъ побрелъ по поясъ, потомъ по грудь, наконецъ юркнулъ съ головой; собаки поплыли вмѣстѣ съ шапкой ловчаго. Очутясь на сушѣ, Игнатъ мигомъ насадилъ собакъ на горячій, подалъ въ рогъ и, забывъ свою плавающую шапку, принялся накликать остальныхъ собакъ и исчезъ съ ними въ камышахъ; выжлятники тѣмъ временемъ успѣли подбить нѣсколько новыхъ голосовъ, заскакали звѣря, подали его на хлопкахъ охотникамъ и волкъ былъ принятъ съ разу. Говорите послѣ этого ловчему, что принимая такія ванны онъ можетъ схватить по крайней мѣрѣ лихорадку, отвѣтомъ навѣрное будетъ «ничево-съ.»

Къ двумъ часамъ мы вышли изъ бугровъ и проходя полемъ метали гончихъ по отъемамъ; звѣря здѣсь нашли немного, однакожъ не проходили попусту. Тутъ мнѣ пришлось долго любоваться на одну изъ тѣхъ продѣлокъ, на какіе можетъ быть способна только — Патрикѣевна. Въ одномъ изъ отъемныхъ болотъ, лежавшихъ посреди чистаго поля, гончія натекли на лисицу. Втравленная до двухъ разъ обратно въ болото и видя свое безвыходное положеніе, лисица ринулась въ стаю и, разметавъ гончихъ между кочками, очутилась у ногъ моей лошади стоявшей недвижимо въ частомъ кустарникѣ. Осмотрѣвъ всѣхъ борзятниковъ, стоявшихъ на чистотѣ, и незамѣченная ими, лисица шмыгнула черезъ дорогу и проползла подъ межей къ толстому слою нерастаявшаго еще снѣга; тутъ, растянувшись во всю длину она начала нагребать на себя снѣгъ и такъ искусно зарылась въ немъ, что невидавшему этой продѣлки никакъ бы не пришло на мысль заподозрить здѣсь ея присутствіе. Долго простоялъ я не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ торчалъ одинъ только кончикъ чернаго носика затѣйницы.

Подъѣхалъ Бацовъ.

— Хочешь травить лисицу? спросилъ я.

— Гдѣ? Какъ? Говори, гдѣ она?

— У меня въ карманѣ.

— Ну, вотъ, вздоръ, пустяки....

— Ну, если пустяки, такъ ты ступай своей дорогой, я прислужусь кому-нибудь другому.

— Нѣтъ, пожалуйста, говори правду; ты не шутишь!

— Какія тутъ шутки. Я говорю серьезно: хочешь травить, пущу тебѣ лисицу изъ рукава, а не вѣришь, ступай на свой лазъ.

— Ну, вздоръ, какого тамъ чорта ты выпустишь...

— Я говорю лисицу, а не чорта.

— Да, гдѣжъ она?

— У меня....

— Пустяки....

— Пари!?

— О чемъ?

— На бутылку шампанскаго; а если не дамъ тебѣ лисицы, отвѣчаю дюжиной.

— Да гдѣжъ она, твоя лисица!

— Опять-таки говорю, въ карманѣ.

И снова разговоръ въ томъ же родѣ. Долго томилъ я бѣднаго Луку Лукича, наконецъ, сжалившись надъ нимъ, велѣлъ приготовиться и, подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала лисица, хлопнулъ разъ до трехъ арапникомъ: видя бѣду неминучую, Патрикѣевна какъ ни прикидывалась мертвою, однакожъ должна была вскочить изъ-подъ копытъ моей лошади и досталась въ жертву Караю.

На другой день по указанію мужиковъ, доставлявшихъ намъ фуражъ, мы отыскали гнѣздо волковъ изъ одиннадцати штукъ: одного изъ нихъ прозѣвали тенетчики, другой попалъ на слабую свору графскаго борзятника и оттерся въ кустахъ, но затравленные въ одно время девятеро остальныхъ привели въ немалое удивленіе почти всѣхъ охотниковъ, хотя нѣкоторые, разсматривая добычу, утверждали, что имъ случалось и прежде видѣть подобныхъ: дѣло въ томъ, что въ гнѣздѣ этомъ оказалось волчатъ двое черныхъ, одинъ бѣлый, два обыкновеннаго цвѣта и трое пестрыхъ (сѣропѣгихъ). Затравленная при нихъ матка была обыкновенной шерсти.

На обратномъ пути насъ обдало сильнымъ дождемъ; небо

обложилось тучами, и дождь лилъ до полуночи. Все это ни мало не обезкураживало нашихъ охотниковъ; въ три дня стоянки подъ Крутымъ они успѣли нагородить столько шалашей подъ густой настилкой соломы, что могли укрыть отъ слякоти не только себя, но даже собакъ; пострадали однѣ только лошади. Я спалъ въ одномъ шалашѣ съ Бацовымъ. На разсвѣтѣ дня, въ лазѣйку завѣшенную ковромъ просунулась къ намъ благополучная физіономія Игната, съ словомъ «баринъ.»

— Что тебѣ надо? спросилъ я полусердито, какъ это бываетъ съ людьми нехотя пробуждающимися.

— Охотники сбираются. Прикажете побудить?

— Да ты ужъ разбудилъ меня. Что они? Куда ѣдутъ?

— Не знаю. Лошадей засѣдлали и господъ будятъ.

— А на дворѣ что?

— Морозъ страшенный.

— Чтожъ они, одурѣли что ли? проговорилъ Бацовъ тоже сердито.

— Не могу знать, отвѣчалъ Игнатка.

— Позови сюда кого-нибудь изъ охотниковъ, заключилъ я.

— Куда вы собираетесь? спросили мы новую физіономію, появившуюся на мѣстѣ Игнаткиной.

— Да вонъ, крылатый звѣрь подступилъ къ березнику, такъ хотятъ попытать счастья, отвѣчалъ тотъ какъ-то невразумительно.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже одѣты и сѣли на лошадей. Морозъ былъ препорядочный; на сучьяхъ деревъ и на землѣ, облитой вчерашнимъ дождемъ, блестѣла ледяная корка. Человѣкъ шесть охотниковъ и мы съ графомъ выѣхали въ поле безъ собакъ съ одними арапниками. На озимяхъ сидѣло небольшое стадо дрофъ: раздѣлясь по двое, охотники справа и слѣва поскакали въ заѣздъ стороной и вскорѣ дрофы были окружены. Видя это круговое нападеніе птицы разбѣжались врозь и наровили скрыться, но лошади были рѣзвѣе ихъ и каждый изъ сѣдоковъ избравъ для себя жертву тотчасъ догонялъ ее. Причина такого успѣха заключалось вотъ въ чемъ: у дрофъ, ночевавшихъ посреди поля, размокшія крылья такъ сковало морозомъ, что онѣ не могли ихъ разнять для того чтобъ улѣтѣть отъ насъ. Мы очень легко догоняли ихъ на бѣгу, но справлялись съ ними не безъ труда. Тутъ, какъ водится, не обходилось безъ смѣха: старый дудакъ чуть не заклевалъ у насъ охотника: конецъ арапника, которымъ тотъ стегнулъ птицу, туго обвился кру-

гомъ и захлеснулся у нея на шеѣ: охотникъ полѣзъ съ лошади съ тѣмъ, чтобъ овладѣть птицей, но разсвирѣпѣвшій дудакъ перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное; онъ началъ прыгать на охотника, наровя выклюнуть ему глазъ, и вскорѣ сшибъ съ ногъ своего преслѣдователя; борьба, поверщаемая общимъ смѣхомъ, длилася пока не подоспѣли къ бѣдствовавшему на выручку. Поймавъ пять штукъ дрофъ, мы вернулись къ шалашамъ.

Глядя на колоть охотники наши призадумались; надо было хорошенько поразмыслить, на что слѣдовало рѣшиться: идти ли дальше въ надеждѣ на «оттепшину» или вернуться къ домамъ? Послѣднее рѣшеніе было принято почти единогласно, потому что слишкомъ поздняя осень не подавала надежды на возможность дальнѣйшей ѣзды по чернотропу, а стоять на мѣстѣ безъ дѣла и ждать порошъ было бы безразсудно; не всякая вѣдь зима бываетъ богата порошами, иной годъ выдается для охотника такой несчастливый, что ему во всю зиму придется взять двѣ три пороши-*слѣпыхъ* и тѣмъ забастовать. Сверхъ того къ порошамъ мы могли не спѣша поспѣть къ домамъ, гдѣ было припасено довольно *оглядженнаго* уже звѣря. Итакъ, усадивъ собакъ и размѣстившись сами какъ удобнѣе, мы тронулсь наконецъ въ обратный путь.

На пятые сутки мы прибыли въ Бокино и, оставя обозъ и охотниковъ на постояломъ дворѣ, сами поспѣшили къ нашимъ радушнымъ знакомцамъ. Нежданное появленіе наше привело обоихъ братьевъ въ восторгъ; по маршруту намъ слѣдовало пройти лѣвѣе Бокина, но мы согласились сдѣлать маленькій крюкъ, чтобъ доказать тѣмъ наше общее желаніе свидѣться съ ними. Нужно ли пояснять, съ какимъ радушіемъ мы были встрѣчены! Распросы и повѣствованіе о кочевой жизни длились до поздняго вечера, послѣ чего условлено было, пользуясь завтрешней стоянкой въ Бокинѣ, сдѣлать для охотниковъ обѣихъ охотъ прощальный пиръ; въ этой затеѣ и на мою долю была частица въ общей стачкѣ, которую однакожъ постарались до времени отъ меня скрыть.

На другой день мы отправились къ охотникамъ, гдѣ уже все было подготовлено къ тому чтобъ попировать на славу; для насъ тоже былъ приготовленъ завтракъ на отдѣльномъ столѣ, гдѣ передъ однимъ изъ приборовъ лежали въ видѣ украшенія охотничій ножъ, рогъ и свора: въ силу общей стачки всѣ размѣстились за столомъ такъ, что мнѣ пришлось сѣсть прямо противъ

этихъ аттрибуттовъ, положенныхъ, какъ видно было, не безъ цѣли. Охотники весело и непринужденно усѣлись за длинными столами въ двухъ просторныхъ избахъ и пошли пиръ-пировать; въ началѣ у нихъ шло все тихо и степенно, потомъ, когда стала, какъ говорится, у каждаго летать муха передъ носомъ, говоръ и смѣхъ усилился въ одну непрерывно рокочущую ноту.

Подъ конецъ завтрака, когда мы чокнулись, чуть-ли не по четвертому разу стаканами, явился хоръ и запѣлъ какую-то поздравительную пѣсню, которой содержанія теперь не припомню, но удержался навсегда въ памяти ея припѣвъ; каждый куплетъ запѣвало, обращаясь ко мнѣ, заканчивалъ такъ:

«Будь товарищъ закадычный,
Будь охотникъ ты лихой!»

По окончаніи пѣнія все объяснилось: сосѣди мои, графъ и Бацовъ чокнулись со мной и предложили вопросъ, желаю ли я быть записнымъ охотникомъ и всѣмъ имъ товарищемъ? За согласіемъ, конечно, ходить было недалеко и, вслѣдъ затѣмъ, началось при звукѣ роговъ торжественное посвященіе меня въ званіе псоваго охотника: Атукаевъ препоясалъ меня кинжаломъ, а Бацовъ навѣшивая рогъ на плечи горячо обнималъ меня и приговаривалъ: «нѣтъ, ты, братъ, не шути этимъ: это дѣло важное; теперь ты самъ — *человѣкъ настоящій*.... и проч. Алексѣй Николаевичъ подвелъ на *приплодъ* пару породистыхъ собакъ. Въ слѣдъ затѣмъ пошли тосты поздравительные, благодарственные и всякіе иные. Такимъ образомъ, при торжественномъ звукѣ роговъ и восторженныхъ крикахъ охотниковъ, мнѣ суждено было принять на себя почетный титулъ Мелкотравчатаго, какимъ имѣлъ я честь предстать предъ васъ, мой читатель, еще въ началѣ этихъ бѣглыхъ очерковъ.

На другой день мы разъѣхались изъ Бокина въ разныя стороны.

Въ заключеніе мнѣ бы слѣдовало, по долгу пишущаго, сказать свое мнѣніе о пользѣ или безполезности по преимуществу псовой охоты, такъ какъ о ней собственно шла здѣсь рѣчь, но объ этомъ предметѣ и я и вы, мой читатель, наслушались и начитались столько сужденій, что мнѣ пришлось бы повторять чужія мысли и слова; отъ себя добавлю только то, что правильная и серьезная псовая, какъ и всякая другая охота, есть своего рода наука, къ которой, заключу словами ловчаго Ѳеопена: «*надо подступать умѣючи!*»

